

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Лысцова Анастасия Сергеевна

Внутриполитическая деятельность графа А.И. Остермана в 1730–1741 гг.

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук,
доцент Редин Д. А.

Екатеринбург – 2017

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Историография и источники.....	15
1.1 Историография.....	15
1.2. Источники	32
Глава 2. Внутренняя политика А.И. Остермана: основные принципы и направления	51
2.1 Принципы государственного управления в политических представлениях А.И. Остермана.....	51
2.2 От неформального советника монарха к кабинетному министру	63
Глава 3. Реформаторская деятельность А.И. Остермана.....	97
3.1. Законодательное регулирование престолонаследия	97
3.2. Государственное управление	108
3.3. Торгово-промышленная политика.....	126
Заключение.....	153
Список использованных источников и исследований.....	157
Приложения	174

Введение

XVIII век – чрезвычайно важный период в истории России. С приходом к власти Петра I и началом его реформаторской деятельности произошли принципиальные изменения во всех сферах русского общества, включая государственное управление. Одной из задач, которую поставил царь, было формирование нового слоя людей, ответственных за административное управление государством. При этом он сделал ставку на персональные качества, понимая, что принадлежность к той или иной знатной фамилии не сыграет важной роли в управлении. Это нашло отражение, в том числе, в появлении новых, нетипичных для правящей элиты представителей. Как правило, они не принадлежали к «родословным» людям и прошли карьерную лестницу с самых низов. Нередко среди них были иностранцы. Их знания о «регулярных государствах» в Европе, а также соответствующие умения отвечали замыслам Петра. Доказывая свою компетентность, в некоторых случаях они оказывались способными занять ключевые посты в государственном управлении России.

Одним из таких «нетипичных» представителей новой правящей элиты был Андрей Иванович (Генрих Иоганн Фридрих) Остерман. Он родился в семье пастора Иоганна Конрада Остермана и Урсулы Маргарете Виттгенштайн 9 июля 1687 г. в Бохуме¹. В 1702 г. стал студентом Йенского университета, однако уже в 1703 г. в связи с делом об убийстве одного из студентов был вынужден его покинуть. Оказавшись в Амстердаме, он познакомился с вице-адмиралом Корнелиусом Крюйсом. Последний предложил Остерману поступить на русскую службу. К тому моменту родной брат Остермана – Иоганн Христофор Дитрих – был учителем детей царицы Прасковьи (в том числе Анны –

¹ Вагнер И.Ф. Остерман – немец при дворе российских императоров. Картина жизни и поиски следов // Немец у российского трона. Граф Андрей Иванович Остерман и его время: (Альбом-каталог выставки). М., 2001. С. 19.

будущей императрицы Анны Иоанновны). Вероятно, близость к царской семье ближайшего родственника стала одной из причин принять предложение Крюйса. Таким образом Остерман оказался в России в 1704 г.² Не в последнюю очередь благодаря своим способностям к изучению языков (к концу жизни он знал 6 языков – немецкий, латинский, французский, голландский, итальянский, и, наконец, русский) Остерман смог сделать неплохую карьеру по внешнеполитическому ведомству. 16 февраля 1708 г. он получил место переводчика Посольской канцелярии³, с 1710 г. в ней же назначен секретарем⁴, 12 июля 1711 г. был пожалован тайным секретарем⁵, с 16 января 1716 г. – советником⁶, с 1721 г. – тайным канцелярии советником⁷. В 1718 г. Остерман принял участие в Аландском конгрессе в качестве уполномоченного для ведения переговоров со шведской стороной (назначен 15 декабря 1717 г. вместе с Я.В. Брюсом)⁸. Однако главным его достижением стало участие в заключении Ништадтского мира (1721 г.), когда он, вместе с Брюсом, вновь был назначен уполномоченным по ведению переговоров. Именно Остерман сумел добиться того, чтобы в договор были внесены наиболее выгодные для России условия.

Примерно в это же время (с конца 1719 г. до начала 1721 г.) Остерман был задействован в создании одного из важнейших документов в истории государственного управления в России: именно ему было поручено Петром I составить проект Табели о рангах. При работе Остерманом были использованы как отечественные нормативные акты, так и европейские. При этом он особо уделял внимание опыту таких стран, как Швеция, Дания и Пруссия. Несмотря на то, что предоставленный Остерманом проект

² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 854. Л. 8 об.

³ Бантыш-Каменский Д.Н. Деяния великих полководцев и министров Петра Великого. М., 1813. Т. 2. С. 196.

⁴ Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссия петровского времени. М., 2003. С. 447.

⁵ Бантыш-Каменский Д.Н. Деяния великих полководцев и министров Петра Великого. С. 196.

⁶ Бантыш-Каменский Д.Н. Деяния великих полководцев и министров Петра Великого. С. 197.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 854. Л. 8 об. По другим сведениям, это произошло 1720 г. (См., например.: Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С. 50)

⁸ Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 200.

подвергся определенным изменениям, факт его работы над этим документом говорит о высоком доверии к нему царя как к специалисту в области государственного управления⁹.

О том, что Петр I явно благоволил Остерману, говорит следующий факт: 18 декабря 1720 г. не без царского участия состоялась помолвка Остермана с Марфой Ивановной Стрешневой, а 21 января 1721 г. была сыграна свадьба¹⁰. Род Стрешневых состоял в родстве с царским домом, так что брак должен был явно повысить статус иноземца незнатного происхождения. 30 августа 1721 г. Петр пожаловал Остерману титул барона¹¹, а в 1723 г. назначил его вице-президентом Коллегии иностранных дел¹². Итак, Остерман как в области внешней политики, так и внутренней оказался одним из архитекторов создаваемой Петром I Российской империи, и сам монарх более чем по достоинству оценил остермановский вклад.

Следующий монарх – Екатерина I – также не оставила Остермана без внимания. В 1725 г. она возвела его в вице-канцлеры и действительные тайные советники, а 8 февраля 1726 г. он стал членом учрежденного Верховного тайного совета¹³. С 1726 заменял П.П. Шафирова на посту президента Коммерц-коллегии, а с 3 марта 1727 г. управлял Комиссией о коммерции¹⁴. 1 января 1727 г. императрица пожаловала Остерману орден св. апостола Андрея Первозванного и определила обер-гофмейстером к наследнику – Петру Алексеевичу. 30 января 1727 г. под его руководство было передано ведение иностранной

⁹ См. подробнее: Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 48–77.

¹⁰ Вагнер И.Ф. Остерман – немец при дворе российских императоров. С. 28.

¹¹ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящейся в С-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. II. 1725–1740. СПб., 1873. С. 849.

¹² Вагнер И.Ф. Остерман – немец при дворе российских императоров. С. 29.

¹³ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящейся в С-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. №1639. С. 11.

¹⁴ См. подробнее: Козинцева Р.И. От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. // Вопросы генезиса капитализма. Л., 1960. С. 182–216; Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М., 1999. 384 с.; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящейся в С-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. № 2090. С. 57.

почтой, а уже 8 февраля ему было передано управление всем почтовым ведомством¹⁵. В том же году 17 июня Остерман получил титул графа Римской империи¹⁶.

Итак, к моменту воцарения Анны Иоанновны в 1730 г. вице-канцлер А.И. Остерман как член Верховного тайного совета был одним из важных членов правительства Российской империи, занимавшим ключевые посты в сферах внешней и торговой политики. После краха «затейки верховников» новая императрица благоволила ему. Об этом говорит ряд назначений Остермана, а также доверенных ему государственных преобразований. 4 марта 1730 г. он был включен в обновленный состав Правительствующего Сената¹⁷. 27 апреля 1730 г. ему было даровано графское достоинство Российской империи. В 1731 г. он стал членом новообразованного Кабинета министров, где он бессменно занимал должность вплоть до 1741 г. Будучи задействованным сразу на нескольких ответственных постах, он с переменным успехом сохранял свое положение при дворе Анны Иоанновны. В краткое правление Иоанна Антоновича Остерман получил в дополнение к своим титулам и званиям чин генерал-адмирала (10 ноября 1740)¹⁸. Однако 25 ноября 1741 г. в результате совершенного Елизаветой Петровной дворцового переворота, А.И. Остерман был снят со всех должностей, осужден и отправлен в ссылку в Березов, где умер 22 мая 1747г¹⁹.

Таким образом, Остермана можно назвать одним из немногих настоящих бюрократов среди представителей высшей элиты в 1730-е гг.²⁰, что делало его по-своему уникальным персонажем на вершинах власти Российской империи. Проекты Остермана, предложения по усовершенствованию государственного устройства, проводимая им

¹⁵ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящейся в С-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. №2044, 2052. С. 52.

¹⁶ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящейся в С-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. №2346. С. 82.

¹⁷ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящейся в С-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. №3729. С. 217.

¹⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3866. Л. 48.

¹⁹ См. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 323. Л. 119 об.

²⁰О проблеме определения представителей правящей элиты как «бюрократов» см. статью Дж. Ле Донна: Le Donne J. P. The Eighteenth-century Russian Nobility: Bureaucracy or Ruling Class? // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1993. Vol. XXXIV (1–2), janvier-juin. P. 139–147.

политика – это примеры ярчайшей адаптации общественно-политических нововведений, которые начали осваиваться еще при нем. Так, он развивал идею необходимости разделения государственных органов на департаменты (частично ему удалось воплотить эту идею в жизнь), предложил новые принципы кадровой политики (идеи «анкуражирования», т.е. поощрения к службе), выдвинул идею создания акционерной монопольной горной компании. При этом он руководствовался идеями современной ему европейской юридической мысли, другими словами, естественным правом. Их значимость подтверждается тем фактом, что к некоторым из них вернулись спустя почти 20 лет при Екатерине II (например, к департаментской реформе Сената). Кроме того, он повлиял на ряд принципиально важных нормативных актов, определявших политику государства в той или иной сфере (например, «программу» 1 июня 1730 г. – «вектор» аннинской внутренней политики, манифест о престолонаследии 1731 г., Берг-регламент 1739 г.). В данном случае Остерман выступал в роли того проводника идей, которые, с одной стороны, были новыми для российской действительности, с другой – продолжением петровской политики. Петр по-своему ценил Остермана – в его глазах он был не только европейцем, но и ценным сотрудником, который понимал, как применить свои знания на практике, адаптировав их под российские реалии. Знания и опыт, полученные на протяжении петровского периода карьеры, а также его двух последователей, Остерман попытался реализовывать при Анне Иоанновне, получив в начале ее царствования для этого не только полномочия, но и став, в некотором смысле, фаворитом императрицы. Его идеи и предложения не нашли в полной мере воплощения в аннинское время. Однако это не умаляет значения проводимых им идей, а также самой фигуры Остермана в государственном управлении. Потеря фавора во второй половине 1730-х ослабила его позиции при дворе, но по-прежнему он оставался одним из тех управленцев, которые несли ответственность за политический курс. В связи с этим исследование внутриполитической деятельности Остермана, равно как и источников его политического

мировоззрения, представляется **актуальным** для понимания процесса бюрократизации государственного управления России XVIII в. Кроме того, это позволит восполнить некоторые историографические пробелы в отношении деятельности Остермана как одного из ключевых политиков в 1730–1741 гг.

Степень изученности. Проведенный анализ историографии позволяет заключить, что ранее Остерман был интересен историкам в первую очередь как деятель петровского времени. Часто он становился объектом исследования в контексте истории международной политики, или его имя упоминали в связи с некоторыми сюжетами внутренней политики аннинского времени. При этом нередко такие упоминания были отрывочными и не несли в себе глубокого исследования роли и влияния Остермана на те или иные события, особенно в 1730–1741 г. Больше изучена деятельность Кабинета министров, в котором Остерман был «первым», но и эти специальные работы не дали детальной картины собственно его активности. Авторы подобных трудов, руководствуясь представлением о «первенстве» Остермана, часто приписывали большинство инициатив Кабинета ему. Это во многом способствовало складыванию штампов, которые неотрывно преследовали частично реконструированный образ Остермана в дальнейших исследованиях.

Объектом нашего научного исследования является проводимая А.И. Остерманом как государственным деятелем Российской империи внутренняя политика в 1730–1741 гг.

Предметом – ключевые и, что крайне важно, поддающиеся реконструкции аспекты внутренней политики и связанные с ней политические представления А.И. Остермана.

В связи с этим важно подчеркнуть, что внутривластная деятельность А.И. Остермана с 1731 по 1741 гг. протекала в рамках коллегиального органа – Кабинета министров. Коллегиальность этого органа отразилась на его делопроизводстве – зафиксированные на бумаге решения чаще всего подписывали три (или два) кабинетных министра, персонализированные мнения обозначались редко (особенно до 1738 г). Эта

коллективность не позволяет однозначно определить принадлежность того или иного решения. Несмотря на это, мы поставили перед собой **цель**: выявить и проанализировать ключевые аспекты остермановской внутривнутриполитической деятельности. В соответствии с этим мы определили следующие **задачи**: 1) исследовать роль Остермана во внутренней политике как неформального советника монархов и как кабинетного министра; 2) изучить политические представления Остермана, а также стиль его работы как государственного деятеля при решении внутривнутриполитических проблем; 3) рассмотреть роль Остермана в решении вопроса престолонаследия 4) проанализировать деятельность Остермана, связанную с реформированием государственных органов, а также определением торгово-промышленной политики. Мы намеренно не включили в задачи исследования политику на национальных окраинах, так как в некотором смысле ее можно расценивать как продолжение внешнеполитического курса Остермана. Это же можно сказать и о преобразованиях в армии и на флоте, диктовавшиеся, в первую очередь, внешнеполитическим курсом.

Хронологические рамки: 1730–1741 гг. – включают в себя два царствования – Анны Иоанновны и Иоанна Антоновича (последнее состояло из двух регентств – Бирона и Анны Леопольдовны). Мы ограничились ими, так как именно с 1730 г. после краха «затейки верховников» Остерман стал одной из ключевых персон, ответственных за определение внутривнутриполитического курса Российской империи. В 1741 г. после дворцового переворота и прихода к власти Елизаветы Петровны он был снят со всех должностей, осужден и сослан в Березов.

Методология и методы исследования. Для изучения внутривнутриполитической деятельности и идеологии А.И. Остермана использовался соответствующий интеллектуальный инструментарий. Методология исследования основана на принципах историзма и научной объективности. Избрав персональную историю как основу методологии, мы руководствовались принципами стратегии, подразумевающей

помещение реконструированной личной жизни изучаемого индивида в исторический контекст²¹. Этот методологический вектор, избранный в качестве основного, позволяет вписать работу в рамки биографических исследований деятелей XVIII в.²²

В нашем исследовании мы использовали ряд общеисторических методов научного исследования. Любое историческое исследование должно опираться на должным образом собранную и проанализированную источниковую базу, в связи с чем нами был привлечен источниковедческий анализ и синтез. Историко-генетический метод позволил выявить последовательность основных этапов внутриполитической деятельности Остермана в 1730–1741 гг. и проследить логику их развития. Историко-типологический метод был необходим при выделении во внутриполитической деятельности Остермана основных векторов деятельности, а также определения базовых ролей (фаворита и бюрократа), в которых он выступал перед правящей персоной. Кроме того, мы привлекли метод истории понятий при анализе концептов, которые использовал в своем политическом лексиконе А.И. Остерман. Историко-сравнительный метод мы использовали в меньшей степени, чем другие. Однако он оказался необходимым в той части научной работы, в которой мы рассматривали европейские политико-правовые концепции с идеями, которые содержались в остермановских текстах. Как представляется, данная совокупность методов вполне позволяет решить поставленные в нашем исследовании цели и задачи.

Научная новизна заключается в том, что это первое монографическое комплексное исследование внутриполитической деятельности А.И. Остермана в 1730–1741 гг. Нам удалось отойти от стереотипного штампа «первенства» графа в Кабинете министров, и благодаря работе с источниками установили принадлежность той или иной инициативы Остерману. Это способствовало реконструированию внутриполитической деятельности

²¹ Репина Л.П. Вместо предисловия: личность и общество, или История в биографиях // История через личность: историческая биография сегодня. М., 2010. С. 12.

²² См.: Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2004; Курукин И.В. Бирон. М., 2006; Курукин И.В. Анна Леопольдовна. М., 2012; Курукин И.В. Анна Иоанновна. М., 2014; Серов Д.О. Администрация Петра М., 2007; Киселев М.А. Казус Д.В. Волкова: «Подьячие» на вершинах власти в Российской империи XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 3; Бугров К.Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н.И. Панина. Екатеринбург, 2015 и др.

графа, которую удалось вписать в динамику его влияния при дворе императрицы Анны Иоанновны и двух последующих регентств. Так же удалось показать взаимосвязь между успешностью реализации внутривполитических инициатив и завоеванием личного расположения монарха. Кроме того, в научный оборот вводятся новые, ранее неисследованные архивные источники. Также нами были подготовлены к публикации некоторые принципиально важные для освещения вопроса о престолонаследии документы, в том числе касающиеся роли Остермана (см. Приложения).

Положения, выносимые на защиту:

- 1) В 1730 г. вследствие событий междуцарствия А.И. Остерману удалось занять фактическую позицию неформального советника Анны Иоанновны. Благодаря этому он смог стать одним из творцов внутривполитической программы, в рамках которой он попытался реализовать часть своих идей.
- 2) Статус неформального советника он постепенно потерял с усилением другой персоны при дворе – Э.И. Бирона, а также из-за проблем со здоровьем. Это привело к невозможности для него полноценно реализовать идеи, относящиеся к реформированию внутривполитической системы. При этом он не перестал быть ценным чиновником, который вел множество дел, связанных с повседневным управлением империи (финансы, кадровые передвижения, армия, флот, торговля, промышленность, церковь, судебные дела). Во время регентства Анны Леопольдовны Остерман, пользуясь доверием Брауншвейгской семьи, выдвинул новую внутривполитическую программу.
- 3) Идеи, предлагаемые Остерманом в сочиняемых им внутривполитических проектах, основывались на понимании человеческой природы, руководимой страстями, что соответствовало идеям нововременного естественного права, под влиянием которых находился Остерман. Кроме того, в его внутривполитической

деятельности присутствовало стремление к внедрению строгой специализации, что являло собой фактическое развитие камералистских идей.

- 4) Успешность реализации внутривполитических замыслов Остермана подчас зависела не столько от его личной компетенции как специалиста и бюрократа, сколько от степени его личного влияния или влияния его конкурентов на правителя. Соответственно, реформаторскую деятельность в самодержавном государстве необходимо помещать в контекст придворной борьбы и взаимодействий.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при составлении обобщающих трудов по истории России XVIII в., истории бюрократии или правящей элиты. Введенные нами в научный оборот исторические источники представляют значимость для исследований истории России XVIII в. и могут быть использованы в научных изысканиях другими специалистами. Кроме того, результаты исследования применимы для подготовки лекционных курсов в ВУЗах по истории России, истории экономики.

Степень достоверности результатов проведенных исследований. Полученные нами научные выводы основаны на обширном источниковом материале, включающем как целый ряд опубликованных источников, так и документы из пяти архивохранилищ, получены с применением соответствующих научных методов и могут быть верифицированы. Основные научные результаты апробированы нами в научных публикациях.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были изложены на трех международных и всероссийских конференциях: V Информационная школа молодого ученого (Екатеринбург, Центральная научная библиотека, 2015), VI международная конференция молодых ученых и специалистов «Clio–2016» (г. Москва, РГАСПИ), конференция «Cultural exchanges between Central and Eastern Europe» (Австрия,

г. Грац, инст-т им. Людвиг Больцмана, 2017). Было подготовлено 6 статей к публикации, в том числе 4 – в изданиях, рекомендованных ВАК, из которых два индексируются в базах Scopus и Web of science. Из них опубликовано 5:

1. Лыцкова А.С. От литературы к исследованию: жизнеописание Остермана в отечественной историографии XIX – начала XX в. // V Информационная школа молодого ученого. Екатеринбург, 2015. с. 177–185.
2. Лыцкова А.С. Допросы графа А.И. Остермана как источник по его государственной деятельности // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: сб. материалов Шестой международной конференции молодых ученых и специалистов «Сію – 2016». М., 2016. С. 343–347.
3. Лыцкова А.С. Реформа Кабинета и Сената 1741 г.: к истории государственной деятельности А.И. Остермана и Б.-Х. Миниха // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 3. С. 25–31.
4. Лыцкова А. С. Роль графа А. И. Остермана в регулировании престолонаследия в России в 1730-е — начале 1740-х гг. [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 2 (22). С. 150–161.
URL: http://vestospu.ru/archive/2017/articles/15_22_2017.pdf
5. Лыцкова А.С. «Для суще постоянного, безопасного и благополучного ... нашего Отечества пребывания»: поиск путей решения кризиса престолонаследия в России в 1741 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 1 (21). С. 64–81.

Исследовательская работа была выполнена в рамках гранта Правительства Российской Федерации для государственной поддержки научных исследований под руководством ведущих ученых (постановление № 220) по исследовательскому проекту

«Возвращение в Европу: российские элиты и европейские инновации, нормы и модели (XVIII – начало XX в.)».

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех выделенных и сгруппированных по тематическому принципу глав, заключения, списка использованных источников и исследований, приложений.

Глава 1. Историография и источники

1.1 Историография

Первые исторические сочинения биографического жанра, посвященные персоне А.И. Остермана и так или иначе рассматривавшие его внутривластную деятельность, стали выходить в России с начала XIX в. Всего за первые 16 лет XIX в. было опубликовано пять биографий графа Остермана²³. В основном, они содержали краткое обозрение его жизни с акцентом на участие во внешней политике, а сколько-нибудь подробные описания его деятельности как кабинетного министра отсутствовали. Среди этих сочинений можно выделить биографию, составленную Д.Н. Бантыш-Каменским, в которой был приведен ряд фактов внутривластной деятельности Остермана. В ней автор упоминал принципиально важные события, в которых принимал участие Остерман. Это вопросы престолонаследия, начиная с 1730 г. (в том числе автор привел текст доклада Остермана Анне Иоанновне, в котором граф представлял свое мнение по поводу брака ее племянницы и потенциального супруга последней, обозначил авторство Остермана двух манифестов о престолонаследии: 1731 г. и 1740 г.); описал деятельность Остермана как кабинетного министра (показательно, что согласно Бантыш-Каменскому в 1731 г. Остерман был назначен в Кабинет «вторым членом», а не первым, как чаще всего упоминается в историографических работах; так же оказался незафиксированным факт инициативы графа в создании Кабинета). Говоря о царствовании Анны Леопольдовны, Бантыш-Каменский упоминал обширное мнение («Представление»), подготовленное

²³ Б**. Краткое описание жизни графа А. И. Остермана // Журнал для пользы и удовольствия. СПб., 1805. Ч. II. № 4. С. 27–51; Шредер Ф.А. Граф Андрей Иванович Остерман // Гений времен. СПб., 1808. № 65, 83, 84, 85; Тьртов Е.П. Жизнь и творчество графа Андрея Ивановича Остермана, министра Петра Великого. М., 1809. (РГАДА. ОРИ русские. 3393. Л.1–24); Бантыш-Каменский Д.Н. Деяния великих полководцев и министров Петра Великого. М., 1813. Т. 2; Малиновский А. Граф А.И. Остерман // Биографические сведения о управлявших в России иностранными делами министрах. М., 1816. С. 91–120.

министром регентше. Немаловажно, что историк отметил следующий факт в остермановской биографии: «В последние годы царствования сей Государыни (Анны Иоанновны – *А.Л.*) (с 1736 г.) Остерман несколько лет сряду не выезжал из дому под предлогом, что не мог ходить от сильной подагры». Однако, «причиною таковой отлучки его от Двора был полученный им однажды от Бирона, любимца Императрицы, строгий выговор, который он долго не мог забыть». Тем не менее, автор зафиксировал, что «притворная болезнь сия от сидячей его жизни превратилась напоследок в действительную, так что он оставлял кресла свои и ездил во дворец по одним только чрезвычайным случаям, и когда нарочно за ним присылали»²⁴.

После рукописной работы А. Малиновского (1816 г.)²⁵ в течение двадцати одного года не было опубликовано ни одной биографии Остермана (исключая «Словарь»²⁶ Бантыш-Каменского 1836 г., в котором содержится, по сути, тот же текст без значительных изменений, что и в «Деяниях»). Скорее всего, такое «забвение» можно объяснить тем, что события 1812 и 1825 гг. в большей степени актуализировали интерес к национальной культуре, ее героям, к проблеме самоидентификации, а не к «русскому немцу», на образ которого уже тогда были навешаны негативные ярлыки.

Следующей работой, в которой рассматривалась деятельность Остермана в России, стал изданный в 1837 г. «Опыт обозрения жизни сановников, управлявших в России иностранными делами» А.В. Терещенко. Акцент в ней, в основном, был сделан на личности Остермана. Отдельными (и нетипичными в подобных биографиях) разделами в описании стали «Любитель наук и знание языков», «Бескорыстие и преданность к России»²⁷.

²⁴ Бантыш-Каменский Д.Н. Деяния великих полководцев и министров Петра Великого. М., 1813. Т. 2. С. 257–258.

²⁵ Малиновский А. Граф А.И. Остерман // Биографические сведения о управлявших в России иностранными делами министрах. М., 1816 (ОР РГБ. Ф. 256. Д. 266). С. 91–120.

²⁶ Бантыш-Каменский Д.Н. Остерман Генрих Иоганн Фридрих // Словарь достопамятных людей русской земли. Кн. 4. М., 1836. С. 53–85.

²⁷ Терещенко А.В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Ч. II. СПб., 1837. 358 с.

В 1841 г. появилась другая биографическая работа «Граф Андрей Иванович Остерман», принадлежавшая кн. П.В. Долгорукову. Она вышла в Санкт-Петербурге отдельным изданием, а также в журнале «Русская беседа». Несмотря на то, что это одно из самых полных жизнеописаний графа, в нем практически не содержится информации о его внутривластной деятельности. Исключением является упоминание факта создания Кабинета министров по инициативе Остермана («Граф Остерман, не изменявший намерения своего ближе наблюдать за общим ходом дел в Империи, убедил графа Бирона, в начале 1731 г., возобновить тот же совет, под именем Кабинета»²⁸).

В 1857 г. вышла статья «Генерал-адмирал граф А.И. Остерман», автором которой был А.П. Соколов, один из постоянных авторов «Морского сборника»²⁹. Эта статья давала краткую информацию о жизни и деятельности графа Остермана. В 1863 г. увидел свет биографический очерк С.Н. Шубинского «Граф Андрей Иванович Остерман. 1686-1746»³⁰. Автор достаточно подробно описал жизненные этапы Остермана, связывая начало каждого с приходом нового государя.

Таким образом, в середине и второй половине XIX в. вышло еще несколько биографических статей об Остермане, принадлежавших также перу историков-дилетантов, в которых содержались характеристики Остермана как государственного деятеля. Тем не менее, главной целью этих изданий было дать общую характеристику Остермана – царедворца и чиновника, вплетая ее в общий биографический контекст. Поэтому названные работы не несут какой-либо важной информации, раскрывающей его внутривластную деятельность, за исключением некоторых отдельных заметок касательно его роли в Кабинете министров или участия в выборе супруга для Анны Леопольдовны.

²⁸ Долгоруков П.В. Граф Андрей Иванович Остерман. СПб., 1841. С. 35–36.

²⁹ Соколов А. П. Генерал-адмирал граф А. И. Остерман // Морской сборник, издаваемый Морским ученым комитетом. СПб., 1857. Т. XXX. № 8. С. 130–141.

³⁰ Шубинский С.Н. Граф Андрей Иванович Остерман. 1686-1746. Биографический очерк. СПб., 1863. 75 с.

На рубеже XIX и XX веков появился ряд статей об Остермане в специализированных справочных изданиях. В основном, в них Остерман представал как сановник петровской эпохи, расчетливый дипломат, руководитель внешней политики³¹.

Следующие работы биографического характера появились только в современной историографии. В 2001 г. была опубликована статья И.Ф. Вагнера, в которой автор дал достаточно полный обзор основных карьерных этапов Остермана³². В том же году вышел сборник статей немецких историков, посвященных преимущественно биографическим сюжетам из жизни Остермана³³.

Другая монографическая работа была начата при жизни историком Н.И. Павленко и после смерти опубликована его семьей в 2017 г. Труд претендует на первое в своем роде полное изложение биографии Остермана³⁴. Деятельности графа в Кабинете, а также осенним событиям 1740 г., связанным со смертью Анны Иоанновны и воцарением Иоанна Антоновича, посвящены две отдельные главы. Однако описание внутренней политики Остермана в этих главах практически сводится к придворным интригам, а его роль в Кабинете министров, участие в вопросах престолонаследия или торгово-промышленной политике страны, не говоря уже идейно-политические представления оказались за пределами внимания автора. Ключевой вывод Н.И. Павленко о внутривластной деятельности Остермана выглядит так: «В его голове отсутствовали обширные преобразовательные планы и в годы, когда он фактически возглавлял правительство России, можно обнаружить лишь несколько значительных по масштабам новшеств»³⁵. Ошибочность такого вывода можно понять, ознакомившись хотя бы с обширным

³¹ Остерман А.И. // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. Т. XXII. С. 336–337; Остерман А.И. // Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд-е. СПб., год не указан. Т. 30. С. 692–693; Остерман Андрей Иванович // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 12. С. 405–417.

³² Вагнер И.Ф. Остерман – немец при дворе российских императоров. Картина жизни и поиски следов // Немец у российского трона. Граф Андрей Иванович Остерман и его время: (Альбом-каталог выставки). М., 2001. С. 19–39.

³³ Ein Deutscher am Zarenhof: Heinrich Graf Ostermann und seine Zeit 1687–1747. Essen, Klartext Verlag, 2001. 328 s.

³⁴ Павленко Н.И. Граф Остерман. М., 2018. 192 с.

³⁵ Павленко Н.И. Граф Остерман. С. 152–154.

мнением, подготовленным Анне Леопольдовне в 1740 г., которое не было использовано Н.И. Павленко.

В связи с этим важно еще раз подчеркнуть, что эта книга была последним научным исследованием автора, ее публикация состоялась уже после смерти автора, и исследование явно не было завершено до конца. Принимая это во внимание, можно допустить, что Павленко не успел основательно проработать некоторые выводы, в связи с чем они носят в ряде случаев поверхностный характер. Не исключено, что обладая большим запасом времени на завершение работы, Н.И. Павленко мог прийти к другим итогам.

Помимо биографических работ об А.И. Остермане следует также указать на сочинения, в которых затрагивались отдельные аспекты его внутривластной деятельности. Изложение этих историографических сюжетов имеет смысл раскрыть в проблемно-хронологическом ключе.

Если говорить о государственной деятельности Остермана сразу же после прихода к власти Анны Иоанновны, то следует указать на монографию Н.Н. Петрухинцева 2001 г., в которой он обосновал существование так называемой «программы» 1 июня 1730 г., которая определила вектор внутренней политики аннинского царствования. Историк выдвинул положение «об авторстве А.И. Остермана или, во всяком случае, о значительной его роли в оформлении этой программы»³⁶. Однако, как отмечал Н.Н. Петрухинцев, все же «вряд ли она (программа – *А.Л.*) была результатом одного лишь А.И. Остермана»³⁷.

Отдельный сюжет – это роль Остермана в создании Кабинета министров, и его работа в этом государственном органе. Прежде всего, следует упомянуть сочинение А.Ф. Бюшинга, написанное еще во второй половине 1760-х гг., в которой, между прочим, отмечалось: «Высокий Тайный Совет рушился... вместо него (Анна Иоанновна)

³⁶ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. СПб., 2001. С. 70.

³⁷ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. С. 77.

учредила Кабинет, о чем представление ей сделано чрез генерала графа Миниха по проекту вице-канцлера графа Остермана»³⁸. Скорее всего, при сочинении данной статьи автор пользовался мемуарами, так как такая же интерпретация событий учреждения Кабинета зафиксирована в мемуарах Б.-Х. Миниха³⁹.

Нельзя не упомянуть и известную книгу А.Д. Градовского «Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры» (1866 г.). Важно то, что, явно не симпатизируя Кабинету министров, автор связал его создание с именем Остермана, который, по мнению историка, превратил новый орган в поле для реализации «корыстных» целей и амбиций⁴⁰.

Последний год существования Кабинета был широко освещен в издании «Внутренний быт русского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1745 г.», т.е. с момента смерти Анны Иоанновны до дворцового переворота Елизаветы Петровны. В книге сделан акцент на влиянии «одного из кабинет-министров, графа Остермана – даровитого, образованного и опытного дельца», оказываемое на Анну Леопольдовну. Сам Кабинет министров, по словам историка, фактически потерял свою коллегиальность и стал «органом единоличным». Поэтому, при регентстве Анны «Кабинет, – или, вернее, его глава – Остерман, – фактически имел значение полновластного хозяина, стоявшего вне контроля сверху и сдерживаемого разве только надзором неофициальным, негласным, надзором партии обойденной наследницы престола – цесаревны Елизаветы Петровны»⁴¹. Безусловно, сегодня это утверждение можно подвергнуть небезосновательной критике. Как показали наши исследования, внутренняя борьба продолжалась и при Анне Леопольдовне, а авторитет Остермана в Кабинете уравнивался другими министрами.

Значимой работой, посвященной деятельности Кабинета министров и Остермана в нем, стал труд В.П. Строева. Под его авторством вышло два тома с красноречивым

³⁸ Бюшинг А.Ф. Основательно исследованные изысканные причины перемен правления в доме Романова // Архив князя Воронцова. Кн. XXV. М., 1882. С. 22.

³⁹ Миних Б.-Х. Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны. М., 1997. С. 293-294.

⁴⁰ Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 158.

⁴¹ Внутренний быт Русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года, по документам, хранящимся в Московском Архиве Министерства Юстиции. Кн. 2. Высшие государственные учреждения. М., 1886. С. 4.

названием «Бироновщина и Кабинет министров» (1909–1910). Характеризуя Остермана, он называл его «душой» Кабинета министров. Ученый, хоть и между делом, но все же отмечал роль Остермана в деятельности Кабинета в целом и также придерживался мнения, что основателем Кабинета был Остерман. При характеристике второй половины царствования Анны и деятельности Кабинета, Строев отмечал: «Приведенные нами указы являются вполне продолжением той политики, которая была начертана на кабинетских консилиумах первой половины царствования: по возможности вводить общегосударственные порядки, воздерживаясь от коренной ломки, способной раздражить население. В этом несомненно сказался характер “души” кабинета – Остермана»⁴². Несомненно в таком случае, что историк отводил главенствующую роль в следующем после императрице правительственному органу Остерману.

В 1911 г. вышла «История Правительствующего Сената за двести лет», в которой ее автор, А.Н. Филиппов, давая характеристику отношениям между Сенатом и Кабинетом министров, писал: «Ничего не переделывая и ни на что, по-видимому, не покушаясь, он (Кабинет министров – *А.Л.*) держал учреждения и лица под постоянным контролем и достигал простыми средствами очень важных, с своей точки зрения, результатов. Кажется, в этом больше всего сказался большой практический ум творца Кабинета, Остермана»⁴³. Кроме того, говоря о «слабом правительстве Анны Леопольдовны», историк замечал, что в это время произошел «фактический захват Остерманом власти»⁴⁴.

На главенствующую роль Остермана в Кабинете указывал исследователь А. Липски в работе 1956 г. При этом автор в своих суждениях приписывал графу многие важные инициативы Кабинета, исходя из факта его первенства как министра⁴⁵.

⁴²Строев В.П. Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики императрицы Анны. Ч. 2. Вып. 1. М., 1910. С 32–33.

⁴³История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. Т. 1. СПб., 1911. С. 505.

⁴⁴История Правительствующего Сената за двести лет. С. 508.

⁴⁵Lipski A. A Re-Examination of the «Dark Era» of Anna Ioannovna // American Slavic and East European Review. Vol. 15, No. 4 (Dec., 1956). Pp. 477–488.

Внутриполитической деятельности Остермана в царствование Анны Иоанновны посвящена статья О.А. Столярова. В основном, в работе дается краткая характеристика политическому окружению императрицы и месту в нем Остермана. Несмотря на многообещающий заголовок, автор фактически не пишет о том, в чем конкретно состояла внутриполитическая деятельность Остермана. Вместо этого исследователь на основании суждений о якобы ведущей роли Остермана в Кабинете министров утверждает, что «инициатива принятия всех решений Кабинета этого периода (1730-х гг. – *А.Л.*) принадлежала именно Остерману»⁴⁶. Как представляется, насколько такое утверждение смело, настолько оно и бездоказательно.

Таким образом, можно кратко отметить основные положения, которые в той или иной степени присутствовали в трудах историков, посвященных Кабинету министров. Фактически исследователями этого периода был создан образ Остермана, который затем воспроизводился и в более поздних трудах. Так или иначе, они отмечали связь Остермана с основанием самого Кабинета, а роль графа в нем заключалась в безраздельном – за редкими временными промежутками – господстве. При этом историки фактически не давали подробного описания внутриполитической деятельности Остермана.

Другим сюжетом в исследованиях была история выработки правовых механизмов передачи власти в рамках царствующей фамилии в этот период. Первым к этой проблеме обратился еще А.Ф. Бюшинг. Он указал на проявленную Остерманом инициативу поиска для Анны супруга, составление им манифеста 1731 г., а также его роль в брачном союзе Анны и Антона-Ульриха Брауншвейгского⁴⁷. Другой исследователь, С.М. Соловьев, обращаясь к событиям второй половины 1741 г., дал им краткую и эмоциональную

⁴⁶ Столяров О. Д. Внутриполитическая деятельность А.И. Остермана в период правления Анны Иоанновны // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Самара, 2011. № 7 (88). С. 46.

⁴⁷ Бюшинг А.Ф. Основательно исследованные изысканные причины перемен правления в доме Романова. С. 23–30.

характеристику, практически лишённую какой-бы то ни было фактологической правдоподобности⁴⁸.

Большой вклад в изучение событий конца 1741 г. внесла публикация П.П. Пекарским в 1872 г. источников, собранных К.И. Арсеньевым. Это были протоколы заседаний в доме А.И. Остермана, на которых обсуждались проблемы престолонаследия в начале ноября 1741 г., а также материалы следственной комиссии, разбиравшей после прихода к власти Елизаветы Петровны дела ведущих сановников регентства Анны Леопольдовны⁴⁹.

Несмотря на наличие этой публикации, историки долгое время не проявляли внимания к проблеме кризиса престолонаследия 1741 г. Ситуация изменилась только в современной российской историографии. Прежде всего, укажем на работу И.В. Курукина 1997 г., согласно которой «желание Анны Леопольдовны издать акт о престолонаследии» обостряло ситуацию противоборства в среде правящей элиты⁵⁰. Несколько более подробно на этом вопросе историк остановился в монографии 2003 г. Он отметил, что Анна Леопольдовна «по наущению Головкина ... и любимой фрейлины ... решилась, наконец, изменить свой неопределённый статус и издать новый акт о престолонаследии. Она лично у себя в спальне дала указание действительному статскому советнику И.Н. Темиряеву подготовить два манифеста». Отмечая понимание Анной, что «такое “домашнее” правотворчество в важнейшем для государственного устройства вопросе может вызвать возражения», историк указал на обсуждение проблемы, организованное регентшей, которое имело место в доме у А.И. Остермана 3–4 ноября 1741 г. После этого

⁴⁸Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 19–20. М., 1963. С. 687–689.

⁴⁹Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. IX. СПб., 1872. С. 154–160, 222–331.

⁵⁰Курукин И.В. Дворцовый переворот 1741 года: причины, «технология», уроки // Отечественная история. 1997. №5. С. 7–8.

Курукин констатировал, что «каких-либо следов дальнейшего обсуждения проблемы престолонаследия не сохранилось»⁵¹.

Упомянул об участии Остермана в составлении манифеста 1731 г. (который подтверждал действие Устава о престолонаследии 1722 г.) Н.Н. Петрухинцев⁵².

В статье 2007 г. на этой проблеме остановился О.А. Омельченко. Он заметил, что «Анна Леопольдовна секретным указом от 1 ноября 1741 г. своему Кабинету инициировала обсуждение вопроса о престолонаследии в специальном совещании высшей бюрократии», которое было проведено А.И. Остерманом «с канцлером Г.И. Головкиным (так! – *А.Л.*), князем А. Черкасским, новгородским архиепископом Амвросием». Исследователь обозначил основные проблемы, поднятые во время дискуссии: это внесение корректив в принцип престолонаследия (возможность передачи власти по женской линии), а также «уподобление общеевропейским началам законодательного регулирования вопросов престолонаследия» в России⁵³.

В книге 2008 г. проблемы престолонаследия в период регентства Анны Леопольдовны коснулся Е.В. Анисимов. Он, используя опубликованные П.П. Пекарским материалы, а также некоторые архивные источники, последовательно пересказал ход событий, связанных с обсуждением проблем престолонаследия в 1741 г. При этом историк сделал, прежде всего, акцент на скрытую борьбу ведущих сановников, фактически говоря, что правовые определения и юридические нормы были лишь ее своеобразной формой⁵⁴.

Упомянем также статью Е.М. Рассела 2012 г., где кратко описываются совещания 2–4 ноября 1741 г. со ссылкой на статью О.А. Омельченко⁵⁵. При этом, скорее всего, только эта статья была для него источником информации, так как в обоих текстах – и у

⁵¹ Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 317–318.

⁵² Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735. С. 62.

⁵³ Омельченко О.А. Становление законодательного регулирования престолонаследия в Российской империи // Фемис. Ежегодник истории права и правоведения. 2006. Вып. 7. М., 2007. С. 31–32.

⁵⁴ Анисимов Е. В. Иван VI Антонович. М., 2008. С. 169.

⁵⁵ Russell E. M. Law, Succession, and the Eighteenth-Century Refounding of the Romanov Dynastya // *Dubitando: studies in history and culture in honor of Donald Ostrowski*. Bloomington (IN), 2012. P. 227.

Омельченко, и Рассела – допущена ошибка в инициалах М.Г. Головкина: он называется Г.И. Головкиным.

Таким образом, дореволюционными исследователями был введен в научный оборот ряд важных документов эпохи, которые стали источниковой основой для дальнейшего изучения проблемы. Опираясь на эти источники, современные историки с той или иной степенью подробности описывают ход событий кризиса престолонаследия 1741 г., чаще всего рассматривая эти события с позиции дворцовых интриг и борьбы за влияние на правящую особу. Между тем, за кажущейся очевидностью политических событий 1741 г. скрывается ряд до сих пор непроясненных и немаловажных исследовательских проблем, не говоря уже о том, что роль Остермана в вопросах престолонаследия не сводится только к 1741 г., так как уже с начала царствования Анны Иоанновны он проявлял инициативы в установлении стабильной системы передачи власти во избежание новых политических потрясений.

Также в той или иной степени исследователями государственного управления России была затронута деятельность Остермана в связи с департаментскими реформами 1730–1741 гг. Одним из первых исследователей, затронувших департаментскую реформу Кабинета министров 1741 г., был А.Д. Градовский. В работе 1866 г. он отмечал, что она была связана с деятельностью Б.-Х. Миниха⁵⁶. В то же время С.М. Соловьев пришел к выводу, что реформа стала результатом попыток Остермана ослабить влияние Миниха на Анну Леопольдовну⁵⁷. Его в работе 1910 г. фактически поддержал П. Голицын⁵⁸. В то же время В.М. Строев представил эту реформу как результат совместной деятельности Миниха и Остермана⁵⁹.

Современные историки больше склонны к той точке зрения, что Б.-Х. Миних не был автором реформы. Д.Н. Шанский пишет, что тезис А.Д. Градовского о «какой-то

⁵⁶Градовский А.[Д.] Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 160–161.

⁵⁷Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. XXI–XXV. СПб., 1895–1896. С. 29–30

⁵⁸Голицын П. Первый век Сената. СПб., 1910. С. 114.

⁵⁹Строев В. М. Бироновщина. Ч. 2. Вып. 1. СПб., 1910. С. 60.

“реорганизации” Кабинета Б.-Х. Минихом и отрыве его от Сената представляется малодоказательным»⁶⁰. В.П. Наумов связывает ее с именем А.И. Остермана⁶¹. И.В. Курукин также утверждает, что «инициатором принятия столь важного акта стал опытный администратор – Остерман»⁶².

Одним из первых на неосуществленную реформу Сената 1741 г. обратил внимание А.Н. Филиппов. Он писал, что, хотя А.И. Остерман и не был автором проекта реформы, он был все же связан с его деятельностью⁶³. Несколько иной точки зрения придерживается Н.Н. Петрухинцев. Он упоминает сохранившиеся в остермановских бумагах документы по сенатской реформе 1741 г., свидетельствующие, что неудавшаяся департаментская реформа Сената 1730 г. «с большей степенью вероятности может считаться творением Остермана»⁶⁴. Кроме того, И.В. Курукин пишет, что именно Остерманом Анне Леопольдовне была подана записка «о разделении Сената на четыре департамента»⁶⁵.

Итак, исследователи обращали большее внимание на осуществленную реформу по разделению на департаменты Кабинета министров указом от 28 января 1741 г. Ее возможными авторами назывались Б.-Х. Миних и/или А. И. Остерман, при этом большинство историков (С.М. Соловьев, П. Голицын, В.П. Наумов, И.В. Курукин, отчасти В.М. Строев) делали акцент на роли последнего. Несостоявшаяся реформа Сената привлекла существенно меньшее внимание, и ее немногочисленные исследователи связали ее с персоной Остермана. Таким образом, авторство как реформы Кабинета министров, так и реформы Сената в историографии, прежде всего, приписывается Остерману. И если выводы по указу 28 января 1741 г. оказались основанными лишь на предположениях о выгоде его проведения для Остермана с целью ослабления

⁶⁰Шанский Д.Н. К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. (20-е – 60-е годы) // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 125.

⁶¹Наумов В.П. Послепетровская эпоха глазами российских немцев // Перевороты и войны. М., 1997. С. 498

⁶²Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. С. 298–299.

⁶³История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. Т. I. СПб., 1911. С. 545

⁶⁴Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735. С. 75.

⁶⁵Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. С. 312.

Миниха, то выводы по проекту реформы Сената были сделаны лишь исходя из того, что он сохранился в бумагах Остермана и был изъят при конфискации.

Внутриполитическая деятельность Остермана в 1730–1741 гг. также включала в себя вопросы торгово-промышленной политики. Однако, в дореволюционный период они практически остались за рамками научных изысканий. Показательна в данном случае работа В.И. Рожкова⁶⁶. В обширном обзоре промышленной политики с петровского времени до конца правления Анны Иоанновны не нашлось места Остерману (кроме упоминания написанной его рукой записки от 11 июня и ряда указаний на подпись наравне с другими министрами), хотя сам факт привлечения его в качестве специалиста по указу императрицы уже заслуживает, как минимум, краткого замечания.

Более внимательно в своих работах отнеслись к участию Остермана в торгово-промышленной политике советские историки. Прежде всего, следует указать на фундаментальную работу, посвященную промышленной политике первой половины XVIII в. Н.И. Павленко. Однако в ней деятельность Остермана в аннинское время по горным вопросам практически не освещена, за исключением нескольких упоминаний, в том числе связанных с обсуждением в высших правительственных кругах проектов приватизации А.К. Шемберга и озвученных в связи с этим в собственном мнении идей А.И. Остермана⁶⁷.

Отметим работу Р.И. Козинцевой⁶⁸. Описывая события, предшествовавшие принятию таможенного тарифа 1731 г., исследовательница поместила их в контекст придворных неформальных взаимоотношений, в которых велись согласования условий

⁶⁶ Рожков В.И. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии. (Материалы к истории горного промысла в России в царствование Анны Ивановны). // Горный журнал. 1885. Т. II. Апрель. С. 119–141; Т. II. Май. С. 243–301; Т. II. Июнь. С. 435–466; Т. III. Июль. С. 101–140.

⁶⁷ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: Промышленная политика и управление. М., 1953. С. 218.

⁶⁸ Козинцева Р.И. От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. // Вопросы генезиса капитализма. Л., 1960. С. 182–216.

таможенного тарифа. В них, как руководитель Комиссии о коммерции, активную роль сыграл Остерман.

Другая работа, в которой была затронута деятельность А.И. Остермана по вопросам торгово-промышленной политики, принадлежит уже современной исследовательнице – Н.В. Козловой⁶⁹. В ней достаточное внимание уделено первой Комиссии о коммерции. Во время функционирования (1727–1732 гг.) ее главой был Остерман. С одной стороны, Козлова выделила некоторые его инициативы в экономической политике страны, упомянув его участие в заключении русско-английского торгового договора (1734 г.)⁷⁰. С другой стороны, личный вклад Остермана в деятельность Комиссии, а также его принципиальные позиции в отношении развития экономики страны оказались неосвященными. Слова самого автора о принадлежности одного из экономических проектов перу Остермана характеризуют всю историографическую ситуацию в отношении внутривластной деятельности графа: «Сосредоточив в своих руках все управление российской коммерцией, Остерман должен был принимать самое деятельное участие в разработке нормативного акта (Вексельного устава – *А.Л.*)... Однако у нас нет доказательств, позволяющих приписывать составление проекта устава непосредственно А.И. Остерману»⁷¹.

Знаменательной в плане изучения торгово-промышленной политики 1730-х гг. является капитальная монография Н.Н. Петрухинцева, вышедшая в 2014 г. Однако, в ней исследователь, подробно останавливаясь на событиях аннинского времени, связанных с решением вопросов о формах собственности горных заводов, освещает деятельность Остермана довольно кратко, не подводя какую-то общую черту под ее результатами⁷².

Таким образом, несмотря на большую вовлеченность Остермана в торгово-промышленную политику страны, его вклад в нее исследован частично. При этом

⁶⁹ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М., 1999. 384 с.

⁷⁰ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). С. 175.

⁷¹ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). С. 182.

⁷² Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014. С. 902–915.

наиболее полно изучена остермановская деятельность в рамках Комиссии о коммерции. Другие сюжеты, связанные с его участием в определении торгово-промышленной политики, остались неосвещенными должным образом. Это располагает к дальнейшему изучению данной проблематики.

В нашем научном исследовании отдельное внимание мы уделили идейно-политическим представлениям Остермана. До недавнего времени трудов, посвященных в той или иной степени этому вопросу, практически не было. В качестве определенного исключения можно указать на монографию С.П. Луппова 1976 г., в которой он рассмотрел читательские интересы Остермана на основании анализа каталога его книжного собрания⁷³. Однако ситуация изменилась в связи с выходом ряда работ И.И. Федюкина, посвященных проблеме дворянской службы и образования во внутренней политике России первой половины XVIII в. Прежде всего, следует указать на его статью 2014 г. Реконструируя систему представлений о дворянской службе автор особое внимание уделяет идее «поощрения» или «анкуражирования». В частности, эта концепция была особенно близка Остерману – об «анкуражировании» он писал, как минимум, с 1730 г. При этом исследователь убедительно показал ее значимость в связи с зарождением протомодерных представлений о профессионализме⁷⁴. Кроме того, историк указал на возможное участие А.И. Остермана в принятии манифеста от 31 декабря 1736 г., в котором ограничивался срок службы для дворян, признавая, что «происхождение этого манифеста остается до сих пор не вполне выясненным» и что пока не удастся «точно установить авторство большинства документов, в которых предлагались меры по облегчению условий службы»⁷⁵. В следующей публикации (2015 г.) И.И. Федюкин

⁷³ Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время. 1725–1740. Л., 1976. С. 180–195.

⁷⁴ Федюкин И.И. «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского. М., 2014. С. 115, 117–118. См. также: Fedyukin I. From Passions to Ambitions: Human Nature and Governance from Peter I to the Emancipation of the Nobility // *The Europeanized Elite in Russia, 1762–1825*. Northern Illinois University Press, 2016. P. 38, 39.

⁷⁵ Федюкин И.И. «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. С. 100, 109.

предложил исследование проекта реформы Морской академии 1730-х гг., принадлежавшей Остерману, и подготовил к изданию ряд важных архивных источников по теме. Говоря о роли Остермана в аннинское время, он отметил его роль «как ключевого деятеля... причем не только как практика и мастера аппаратной интриги, но и как ... идеолога, если не сформулировавшего лично, то во всяком случае поддерживавшего вполне определенную модель управления и воспитания»⁷⁶. Важно, что речь идет именно об «идеологии», которой Остерман руководствовался, осуществляя (или поддерживая) свой политический курс. То есть речь идет об идейном обосновании действий. Эти рассуждения были развиты автором в статье «The "German Party" in Russia in the 1730s: exploring the ideas of the ruling faction»⁷⁷. В ней историк рассматривает влияние пиетизма – европейского религиозного идейного течения – на иностранных подданных на русской службе. В том числе пиетизм повлиял, по мнению И.И. Федюкина, на некоторые идеологические соображения Остермана. Это нашло отражение в его кадровой политике (идея «анкуражирования» к службе), мнениях и проектах (идеи развития образовательных учреждений в проекте Морской академии, обширном мнении Анне Леопольдовне и др.)⁷⁸.

Кроме того, следует упомянуть работу М.А. Киселева 2016 г, в которой историк указал на факт влияния на политические представления А.И. Остермана естественноправовых идей⁷⁹.

В завершение нашего историографического обзора упомянем также несколько исследовательских работ, в которых авторы затрагивают некоторые аспекты внутривнутриполитической деятельности Остермана. С.М. Троицкий в монографии «Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке» назвал Остермана «в 30-е годы XVIII в. ...

⁷⁶ Федюкин И.И. Граф А.И. Остерман и проект реформирования Морской академии // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России первой половине XVIII века. М., 2015. С. 185.

⁷⁷ Fedyukin I. The "German Party" in Russia in the 1730s: Exploring the Ideas of the Ruling Faction / National research university Higher School of economics. Basic Research Programme. Working papers. Series: "Humanities". 2016. № WP BRP 132/HUM/2016. P. 3–22.

⁷⁸ См. подробнее: Fedyukin I. The "German Party" in Russia in the 1730s: Exploring the Ideas of the Ruling Faction. Pp. 12–15.

⁷⁹ Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016. С. 143.

фактическим руководителем всей внутренней и внешней политики России»⁸⁰. Он упоминал имя Остермана в связи с теми или иными обсуждениями финансовых проектов, не подчеркивая его роли в принятии решений. При этом Остерман с другими «временщиками» (Э.-И. Бироном, Б.-Х. Минихом и др.), «борясь за власть и стремясь обогатиться за счет казны, мало заботились о государственных интересах России»⁸¹. В связи с этим важно отметить, что ряд наблюдений о деятельности Остермана исследователь построил на основе анализа проекта о кабаках и винокуренных заводах, авторство которого им было ошибочно приписано Остерману⁸². Как результат, его выводы частично основаны на текстах, не принадлежащих Остерману, ввиду чего некоторые из них явно нуждаются в пересмотре и уточнении.

В 2003 г. вышла статья Е.Е. Рычаловского об организации Второй Камчатской экспедиции. Роль в ней Остермана сложно поддается полной реконструкции (и на это указал автор), так как «распределение сведений... по разным источникам, обычай бесписьменной передачи приказов из Кабинета министров в Сенат и другие ведомства далеко не всегда позволяют вычленить его (Остермана – *А.Л.*) роль в управлении экспедицией»⁸³. Ввиду этого Рычаловский рассуждал о деятельности Остермана с позиции распоряжений от имени Кабинета, так как взял «за постулат решающее значение его основателя»⁸⁴. Кроме того, исследователь указал на авторство Остермана двух

⁸⁰ Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М. 1966. С. 52.

⁸¹ Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. С. 258.

⁸² Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. С. 53. Проект находится в РГАДА. Ф. 19. Д. 215 «О кабаках и винокуренных заводах из бумаг графа А.И. Остермана». Вслед за С.М. Троицким эту же ошибку в атрибутировании проекта, а также неправильную ссылку на архивное дело в монографии 2014 г. допускает Н.Н. Петрухинцев: Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 758.

⁸³ О «неослабевающей» поддержке Остерманом экспедиции упоминал еще в 1959 г. А. Липски в статье, посвященной «вестернизации» России. См.: Lipski A. Some Aspects of Russia's Westernization during the Reign of Anna Ioannovna, 1730–1740 // *American Slavic and East European Review*. Vol. 18, No. 1 (Feb., 1959). P. 1–11.

⁸⁴ Рычаловский Е.Е. Кабинет-министр А.И. Остерман и Вторая Камчатская экспедиция // *Under Vitus Bering's Command. New Perspectives on the Russian Kamchatka Expedition* / P. U. Moller, N. A Okhotina-Lind (eds.). Aarhus, 2003. С. 77.

проектов указов, вошедших в «программу 1 июня» 1730 г. – о создании Военной комиссии и разделении Сената на департаменты⁸⁵.

Таким образом, историографический обзор показал достаточно большие лакуны в плане изучения внутривластной деятельности А.И. Остермана в 1730-1741 гг. В основном, историки уделяли внимание Остерману в рамках описания дворцовых интриг, на фоне которых он выступал в качестве кабинетного министра, автора нескольких законодательных актов и специалиста по всевозможным вопросам государственного управления. И хотя из работ может сложиться образ «первого министра», который на протяжении всего аннинского времени фактически руководил внутренней политикой, необходимо констатировать, что еще не было предпринято целостного анализа его внутривластной деятельности. Чаще всего эти попытки сводились к описаниям дворцовых интриг, и только в лучшем случае – к атрибуции решений Кабинета в качестве решений Остермана, объясняя его «первенством» в этом органе.

В целом, историографические проблемы представляется возможным связать с источниками. Несмотря на их наличие, достаточно массивная часть – делопроизводственные документы Кабинета министров, в рамках которого развернулась основная деятельность Остермана – имела коллективное авторство. Дополняя эти документы другими источниками, речь о которых пойдет в следующем параграфе, нам кажется возможным заполнить выявленные историографические пробелы.

1.2. Источники

В нашем научном исследовании мы использовали достаточно обширный круг источников, которые разделили на пять групп.

⁸⁵ Рычаловский Е.Е. Кабинет-министр А.И. Остерман и Вторая Камчатская экспедиция. С. 73.

Принимая во внимание тот факт, что нами исследуется внутривластная деятельность одного из главных чиновников первой половины XVIII в., первой и самой обширной по своему объему группой являются **источники делопроизводственного характера**. В первую очередь, это делопроизводственные документы Кабинета министров. Как отмечал А.Н. Филиппов, материалы такого рода «дают превосходный материал для разрешения вопросов о устройстве, компетенции и деятельности Кабинета министров, об отношении его к императрице, различным учреждениям и лицам, с которыми ему приходилось время от времени сношаться»⁸⁶. При этом важно учесть, что так как Кабинет был коллегиальным органом, то и принимаемые решения в нем составлялись от имени «господ кабинет-министров». Поэтому документы не всегда позволяют выделить вклад Остермана в работу Кабинета.

Главными делопроизводственными документами, в которых в наибольшей степени отразилась работа Кабинета министров, являются журналы или «протокольные записки». К моменту создания Кабинета единственные правила, регулирующие делопроизводство в государственных учреждениях, были зафиксированы в Генеральном регламенте 1720 г. Если следовать его положениям, то сначала составлялись черновые журналы, которые потом переписывались набело регистраторами⁸⁷. Как показывают наши наблюдения, эта норма соблюдалась в Кабинете, и кабинетскими служителями составлялись черновые журналы, а на их основе готовились беловые, при этом не вся информация из черновика могла попасть в беловик. Соответственно, в некоторых случаях черновые журналы могут содержать больше сведений, чем беловые. Например, если сравнить черновой и белой журналы за 21 декабря 1738 г., то можно увидеть увидим, что из 17 пунктов, которые присутствовали в черновике⁸⁸, в беловик вошли только 8⁸⁹. При этом в беловик не попали не только частные распоряжения, как то: «По данному репорту из губернской канцелярии

⁸⁶ СИРИО. Т. 104. С. XXIX–XXX.

⁸⁷ ПСЗ. Т. VI. № 3534. С. 195.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1142. Л. 1017–1020.

⁸⁹ СИРИО. Т. 124. С. 494.

о коширском воеводе Баскакове доложить его сиятельству графу Андрею Ивановичю и подлинной репорт предъявить»⁹⁰. В беловой протокол не попала и такая инициатива общеимперского значения, автор которой, впрочем, не был указан: «О продаже вина с кабаков во всем Государстве сочинить генеральный указ на основании прежних указов»⁹¹. Не исключено, что в беловик попадали лишь пункты, которые так или иначе получали одобрение от всех кабинет-министров. Однако все же в подавляющем большинстве случаев информация черновых протоколов совпадает с беловыми, так что мы в нашем исследовании использовали последние, хотя и с учетом черновигов.

Заметим, что беловые журналы были опубликованы в «Сборниках императорского русского исторического общества» (далее – СИРИО). Поэтому мы привлекли это издание, предварительно сверив его с оригиналами журналов, хранящимися в Российском государственном историческом архиве⁹². При этом следует отметить, что к настоящему времени журнал за 1740 г. считался утерянным⁹³. Однако мы смогли восполнить этот пробел с помощью черновых журналов⁹⁴.

На протяжении первых пяти лет журналы велись примерно по одним правилам и имели следующую структуру: отметки о присутствии императрицы, кабинетных министров и иных персон, приглашенных к обсуждению; круг вопросов; отданные распоряжения; полученные из разных мест или от разных лиц доклады / ведомости / челобитные / рапорты. Личные распоряжения кабинет-министров фиксировались редко. Кроме того, существовала практика докладов Анне Иоанновне лично кем-то из министров (чаще всего это был А.И. Остерман или А.М. Черкасский). С 1734 г. запись о том, что кто-либо из министров поднимался «наверх» к императрице с докладами, практически не встречается, а с 1735 г. вовсе исчезла. Скорее всего, эта практика была прекращена по мере того, как стало ясно, что Кабинет может функционировать самостоятельно, и

⁹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1142. Л. 1019.

⁹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1142. Л. 1018 об.

⁹² РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 59, 63, 72, 85, 96, 106, 140.

⁹³ СИРИО. Т. 138. С. XXXI.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1196.

необходимость в постоянном докладывании императрице о кабинетских делах сама по себе отпала. С весны 1736 г. Остерман перестал появляться при дворе, работая из дома. Несмотря на то, что Кабинет, после смерти Ягужинского (17 апреля 1736 г., второй кабинет-министр) полным составом до назначения А.П. Волынского третьим министром (1738 г.) не собирался, отдельные мнения не фиксировались, так как единственные члены Кабинета – Остерман и Черкасский – почти всегда сходились на одном мнении, и усложнять делопроизводство не было смысла. Поэтому и в этот период нет явной возможности выделить мнения Остермана. Но с 1738 г. произошли существенные изменения в ведении делопроизводства – это видно по форме записей в журналах – в них стали фиксироваться отдельные мнения министров. Вполне возможно, что это связано с борьбой между новым кабинетным министром А.П. Волынским и А.И. Остерманом. Волынский, в отличие от предыдущей практики, считал возможным высказывать свои мнения отдельно (или с Черкасским, что также было не редкостью, так как оба присутствовали при дворе). Чувствуя усиление третьего министра и одновременное ослабление собственной позиции, у Остермана появилась необходимость персонализировать свои мнения, и он стал посылать «записки», в которых особо фиксировал свою точку зрения. Благодаря этому возможно сделать выводы об основных направлениях деятельности именно Остермана в Кабинете. Кроме того, эта зафиксированная на бумаге информация как бы подсвечивает взаимоотношения между министрами, раскрывая таким образом обстоятельства придворной борьбы.

В 1738 г. была организована Комиссия по горным заводам. В связи с тем, что Остерман был привлечен к работе в ней, ее делопроизводство также представляет интерес для определения роли Остермана в торгово-промышленной политике. Прежде всего, это журналы ⁹⁵, содержащие сведения об обсуждениях в комиссии, в которых принимал участие и Остерман. Наибольший интерес для нашего исследования имеет

⁹⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 848 об–856.

зафиксированное в журнале 4 сентября остермановское мнение⁹⁶ на представленный ему проект («формуляр»), составленный членами комиссии, где перечислялись основные условия возможной приватизации государственных заводов⁹⁷. Ценность этого «мнения» состоит в том, что оно содержит в себе зафиксированные делопроизводителями комиссии емкие и при этом достаточно содержательные по себе замечания графа, которые он не успел подвергнуть тщательной редакции, в связи с чем утверждал, что его «мнение» «еще не во всем на мере поставлено»⁹⁸. Позднее он исправил такое «упущение», в результате чего появилась новая редакция. Она также находится среди документов комиссии. Впрочем, этот отредактированный вариант можно отнести к группе деловых документов личного происхождения (группа №2)⁹⁹. В целом содержательные части первого и второго варианта «мнения» не отличаются друг от друга. Однако, при редактировании Остерман встроил в текст формулировки, которые в некоторых случаях допускали неоднозначное толкование. Кроме того, в итоговом документе была усилена риторика государственных интересов, а также появилась прямая апелляция к мнению императрицы. Таким образом, благодаря наличию таких двух вариантов мнений Остермана можно не только выявить нюансы его идей касательно торгово-промышленной политики, но и «подсветить» риторические стратегии, которыми он пользовался при продвижении своих идей.

После переворота 25 ноября 1741 г. новой императрицей – Елизаветой Петровной – была организована следственная комиссия. Ее целью был суд над политическими противниками царицы, в том числе над А.И. Остерманом (всего было арестовано 23 человека¹⁰⁰). Систематизированные комиссией экстракты из допросов были собраны К.И. Арсеньевым и опубликованы П.П. Пекарским¹⁰¹. Несмотря на содержательность этого

⁹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 842–847.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 120–129.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 855 об.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 78–89 об.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 6. Д. 303. Л. 9–9 об.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 303–304; Изложение вин графов: Остермана, Миниха, Головкина и других, сужденных в первые месяцы вступления на престол императрицы Елисаветы // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1872. Т. IX. С. 222–331.

источника, мы дополнили наше исследование другими материалами – протоколами допросов Остермана¹⁰². Они содержат информацию, которая не отразилась в экстрактах протоколов допросов, составленных комиссией. Как известно, Остерман не оставил после себя мемуаров. Однако именно допросы позволяют компенсировать их отсутствие, так как ответы Остермана можно расценивать как эго-документ. При этом, конечно же, мы должны понимать специфику источника. Остерман, будучи под следствием, не просто занимался апологетикой своей деятельности, а пытался уклониться от наиболее серьезных обвинений. Как минимум, Остерман подвергся 4 большим допросам (не считая отдельных показаний, которые он предоставлял), ответив, более чем на 90 вопросов¹⁰³.

После следственной комиссии была собрана другая, занимавшаяся конфискацией имущества главных осужденных лиц – Остермана, Головкина, Миниха, Левенвольде. Она работала с 20 октября 1742 г. по 31 октября 1743 г. 3 ноября 1743 г. в Академию наук было отдано распоряжение относительно разбора библиотечных собраний осужденных. Так как по решению комиссии книги были разделены на несколько партий, то не было составлено их единого перечня. С.П. Лупповым удалось установить, что всего было 4 «партии»¹⁰⁴. В качестве источника информации о книгах, содержащихся в библиотеке Остермана, мы использовали опись книг из второй партии, так как в ней книги Остермана выделены отдельным списком. Эта партия была сформирована 31 октября 1743 г., опись находится в Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии Наук (далее – СПФ АРАН)¹⁰⁵. Книги в описи разделены на группы по критерию языка, на котором были изданы. Также имеются отметки о наличии нескольких экземпляров. Названия книг, как правило, давались в довольно вольном переводе на русский язык, фамилии авторов транслитерировались и писались кириллицей, в ряде случаев также указывался и год издания. Так, в описи значилось «Должность человеческая Пуфендорфа», т.е. известный

¹⁰² Допросы графа А.И. Остермана хранятся в РГАДА. Ф. 6. Д. 304.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 303. Л. 65.

¹⁰⁴ Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время. 1725–1740. Л., 1976. С. 184–185.

¹⁰⁵ СПФ АРАН. Ф. 841. Оп. 1. Д. 3.

трактат С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному». В редких случаях названия не переводились, а транслитерировались. Например, в описи был зафиксирован «Гувернамент цивильной через господина Локка», то есть вторая часть «Двух трактатов о правлении» Дж. Локка, имевшая в переводе на русский название «О правлении гражданском. Также заметим, что опись составлена не очень разборчивым почерком. Все это не способствует определению точных названий и авторов книг. Тем не менее, опись помогает реконструировать состав библиотеки Остермана. Это, в свою очередь, позволяет сделать выводы о его интеллектуальном мире и идеях, которые, впоследствии, повлияли на его государственные представления.

Вторая группа источников – деловые документы личного происхождения. Мы включили в нее **проекты**, **«мнения»**, **записки** Остермана, а также **конспекты** с заседаний, которые проводились в его доме. Мы посчитали возможным их всех объединить, так как их автором являлся исключительно Остерман, и адресовались они в большинстве случаев правящей особе.

В связи с этим следует заметить, что в РГАДА хранится ряд проектов, которые были изъяты из бумаг Остермана после его ареста в 1741 г. При работе с проектами из конфискованных у Остермана бумаг – и не только – возникает проблема определения их авторства, так как большая часть не подписана. В некоторых случаях может возникнуть соблазн на основании факта нахождения проекта среди конфискованных остермановских бумаг приписать авторство Остерману. Именно так поступил с проектом о кабаках и винокуренных заводах С.М. Троицкий¹⁰⁶. Исследователь, говоря о том, что автором проекта был Остерман, исходил из того, что этот документ находился в деле «из бумаг графа А.И. Остермана». Однако эта формулировка означает всего лишь, что документ хранился в доме Остермана. Среди его бумаг могли быть не только документы, которые он сам сочинял, а и чужого авторства. Если обратиться к упомянутому проекту, то можно

¹⁰⁶ Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. С. 53.

обнаружить, что в самом его начале есть запись: «В Кабинет Его Императорского Величества доклад»¹⁰⁷. Этого достаточно для утверждения, что Остерман не являлся его автором, ведь, будучи кабинет-министром, он не мог прислать сам себе доклад. Соответственно, С.М. Троицкий ошибся, приписав этот проект авторству Остермана, а сам факт нахождения некоего проекта среди конфискованных бумаг А.И. Остермана отнюдь не означает, что автором проекта был Остерман.

В связи с этим следует указать на примеры удачного определения авторства Остермана. Так, Е.Е. Рычаловский смог установить на основании анализа почерка, что два проекта именных указа 1730 г. – о Военной комиссии и департаментской реформе Сената, 1 июня 1730 г. – были написаны рукою Остермана, и, скорее всего, именно он и был их автором¹⁰⁸. Кроме того, И.И. Федюкин, исследуя другой проект из бумаг А.И. Остермана – о Морской академии¹⁰⁹, смог установить «несомненную» и «ключевую роль» Остермана в разработке проекта¹¹⁰. Историк пришел к такому результату на основании анализа текста и сопоставления его с другими документами, авторство которых несомненно принадлежало Остерману.

Таким образом, при установлении авторства того или иного проекта нельзя руководствоваться лишь фактом того, что он находился среди бумаг А.И. Остермана. Необходимо учитывать как содержание (используя при этом сопутствующие документы и помещая их в соответствующий исторический контекст), так и почерк.

С учетом всего вышеизложенного мы привлекли следующие документы, которые можно достоверно связать с А.И. Остерманом. Прежде всего, это остермановские проекты именных указов, которые легли в основу так называемой «программы» 1 июня 1730 г. (проект указа о Военной коллегии и департаментской реформы Сената)¹¹¹. С большой вероятностью можно говорить об авторстве Остермана благодаря следующим фактам. Во-

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 19. Д. 215. Л. 1.

¹⁰⁸ См.: Рычаловский Е.Е. Кабинет-министр А.И. Остерман и Вторая Камчатская Экспедиция. С. 73

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–38об.

¹¹⁰ Федюкин И.И. Граф А.И. Остерман и проект реформирования Морской академии. С. 177.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1081. Л. 201–207, 209–210 об.

первых, они написаны рукой Остермана. Во-вторых, идеи, озвученные в двух проектах, соответствуют идеям Остермана, зафиксированным в документах, авторство которых несомненно принадлежит Остерману (например, в обширном мнении 1740 г., адресованном Анне Леопольдовне¹¹²).

В 1730 г. для императрицы Остерманом было составлено «Представление... о повышении в чины»¹¹³. В нем отражена суть кадровой политики, которую Остерман считал наиболее приемлемой в сложившихся условиях после прихода к власти Анны, а также зафиксировано несколько суждений, которые позволяют реконструировать остермановские представления об основных принципах кадровой политики. Документ не подписан и не датирован. Авторство устанавливается по почерку (документ написан рукой Остермана) и зафиксированному в некоторых мемуарах факта обсуждения Остерманом с императрицей кадровых вопросов весной 1730 г. Время составления документа можно определить благодаря упоминанию просьбы В. Геннина о повышении: «О чем генерал лейтенант Геннин просит едва ли ему то позволено быть может, понеже тем новой оклад при армии введен будет, которой по регламенту Петра Великого отставлен. И Гинтер будучи уже генерал фельдцейхместером все старое жалование получал, а ему Геннину я от всего моего сердца служить рад»¹¹⁴. Принимая во внимание, что Геннин подал в Сенат доношение о его назначении при артиллерии в «ранге и трактаменте» покойного генерала-фельдцейхмейстера Гинтера 12 апреля 1730 г.¹¹⁵, можно утверждать, что остермановская записка была составлена вскоре после этой даты.

Как уже было упомянуто, Остерман был привлечен к работе Комиссии по горным заводам с конца августа 1738 г. В связи с чем в период с 1 января по 15 февраля 1739 г. им

¹¹² Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году, сообщено им же, с заметкою А.К. // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов. Т. III. СПб., 1873. С. 256–277

¹¹³ РГАДА. Ф. 16. Д. 225. Л. 1–3.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 16. Д. 225. Л. 1 об–2.

¹¹⁵ Корепанов Н.С. Геннин на Урале. Екатеринбург, 2006. С. 171; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 278. Л. 392, 396 об.

было сочинено «Всеподаннейшее генеральное рассуждение о горных заводах...»¹¹⁶. Мы можем с уверенностью говорить об этих датах благодаря данным из остермановского конспекта, составленного им после конференции в его доме: «Хотя Ея Императорского Величества всемилостивейше апробовано было, но понеже я в делах такой важности, и в которых я малое или никакого знания не имею, на мои собственные разсуждении не полагаюся, то я всеподаннейше просил, дабы то мое мнение тогдашней Горной Комиссии для лутчего разсмотрения и разсуждения сообщено было»¹¹⁷. То есть на момент сочинения «мнения» Комиссия по горным заводам еще действовала. Соответственно, крайняя дата документа – 15 февраля 1739 г. Правда, в эти же дни произошли другие события: 9 и 10 февраля члены Комиссии вместе с Шембергом были призваны в Кабинет для разсуждений над поданным от кабинетных министров доклада, а 14 февраля был подписан составленный всеми членами Комиссии, Шембергом, а также тремя кабинетными министрами итоговое решение заседаний («конференций») ¹¹⁸. Возможно, Остерман писал свое «рассуждение» как раз к заседаниям 9 и 10 февраля. Исходя из этого нам представляется возможным опустить верхнюю границу с 15 до 8 февраля 1739 г.

Еще один подобный документ, привлеченный нами, был своего рода оправдательным докладом Остермана перед Анной Иоанновной¹¹⁹, создание которого было связано с тем, что императрица, недовольная работой Кабинета по вопросу организации продажи казенных товаров, затребовала у кабинет-министров соответствующие разъяснения¹²⁰. Н.Н. Петрухинцев датирует его началом августа 1739

¹¹⁶ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 1–14 об.

¹¹⁷ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 18 об.

¹¹⁸ СИРИО. Т. 126. С. 127–130.

¹¹⁹ РГАДА Ф. 248 Оп. 17. Д. 1182. Л. 100–129 об.

¹²⁰ Императрица высказала свое недовольство в сообщении кабинетным министрам: «Хотя при отдаче купцам Шифнеру и Вульфю казенного железа нам представлено было, что оное железо выше 58 к. пуд продать невозможно, и по оному кабинетному представлению мы тогда ... соизволили оное железо отдать помянутым купцам Шифнеру и Вульфю в таком мнении, что чрез ту отдачу никакого казенного убытку не будет, а ныне мы к немалому нашему неудовольствию заподлинно уведомились, что о том железе никакого торгу и публикации не было, как обычайно по указам нашим чинить надлежало, от чего немалой казенной убыток приключится мог, когда б по представлению кабинетскому оное железо у Шифнера и Вулфа осталось» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1182. Л. 100).

г¹²¹. Этот доклад содержит ряд ценных сведений о взглядах Остермана на организацию экспорта, а также о его участии в торгово-промышленной политике.

В конце 1739 г. в доме Остермана прошли заседания («конференции») кабинет-министров¹²². Остерман составил краткий конспект этих встреч, о датировке которого можно рассуждать по некоторым косвенным данным. Из источника становится известно, что Анна Иоанновна к тому моменту, как была составлена записка, «горную привилегию все милостивейше апробовала, которая уже везде напечатана и опубликована»¹²³. Т.е., как минимум, эта конференция в его доме произошла после 3 марта 1739 г. Более точную датировку можно предположить по упоминанию «представления» о Мейере, которое было «неапробовано»¹²⁴. Об этом сюжете пишет историк Н.Н. Петрухинцев: «9 августа 1739 г. английский купец Герман Мейер подал в Генерал-Берг-директориум прошение о передаче ему всех еще остающихся в собственности казны сибирских металлургических заводов»¹²⁵. Результатом стало то, что «кабинет-министры ... добились от императрицы отрицательной резолюции на представления Мейера», и 21 ноября 1739 г. императрица «словесным указом» ему отказала¹²⁶. В связи с этим, Шембергом было сделано заявление об убыточности заводов. Это стало причиной обращения к В.И. Геннину и В.Н. Татищеву относительно состояния заводов. 16 декабря 1739 Г. «В.Н. Татищев подал ... представление “О казенных сибирских заводах к рассуждению” с приложенными к нему ведомостями»¹²⁷. Кроме того, в записке Остермана есть упоминание о данных Татищева, который тот не смог представить вовремя по причине болезни¹²⁸. Возможно, именно эти сведения упоминает Остерман в разговоре с кабинетными министрами: «Господа кабинет министры далее объявили, коим образом Ея Императорское Величество все милостивейше

¹²¹ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 908.

¹²² РГАДА. Ф. 151 Д. 64. Л. 15–23 об.

¹²³ РГАДА. Ф. 151. Оп 1. Д. 64. Л. 19 об.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 151. Оп 1. Д. 64. Л. 15 об.

¹²⁵ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 908–909.

¹²⁶ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 910–911.

¹²⁷ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 911–912.

¹²⁸ РГАДА Ф. 151. Оп 1. Д. 64. Л. 16.

указала с тайным советником Татищевым о том деле поговорить, и что болезнь сего последнего препятствовала требуемым от него ведомости прежде получить. Я потребовал те ведомости видеть, которые состояли в учиненной от Татищева репартиции заводам с описанием прибыли, которая в казну ежегодно с тех заводов приходила»¹²⁹. Во всяком случае, действительно, Татищевым были предоставлены ведомости о состоянии заводов после отказа Мейеру, о чем писал Остерман. Это дает основания предполагать, что эти собрания состоялись в период с 21 ноября по 16 декабря 1739 г. и, соответственно, в это время и был составлен этот конспект.

Следующее, достаточно обширное, «мнение» было подготовлено Остерманом для регента Анны Леопольдовны, в котором он рассуждал «о надежнейших способах к благоуспешнейшему управлению государства»¹³⁰. В нем он давал рекомендации правительнице касательно морального облика царствующей особы, правосудия, государственного устройства, армии и флота, торгово-промышленной, финансовой политики. Судя по этому «мнению», Остерман представляется специалистом с широким диапазоном познаний, так как он комментировал и давал советы от поправления состояния казны в государстве до усовершенствования делопроизводства в коллегиях. Скорее всего, документ был составлен вскоре после 9 ноября 1740 г., когда был свергнут Бирон и новым регентом стала Анна Леопольдовна, так что логично было бы датировать «мнение» концом 1740 г. Неоконченным планом-конспектом «мнения» является «Записка для памяти»¹³¹.

Еще одним источником стало «мнение» Остермана по поводу проекта департаментской реформы Сената 1741 г. На документе отсутствуют сведения о времени создания и авторе. Однако ряд фактов позволяют установить его личность. Так, в нем

¹²⁹ РГАДА Ф. 151. Оп 1. Д. 64. Л. 16–16 об.

¹³⁰ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году, сообщено им же, с заметкою А.К. // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов. Т. III. СПб., 1873. С. 256–277.

¹³¹ Записка для памяти графа Андрея Ивановича Остермана // Архив князя Воронцова. Кн. 24. М., 1880. С. 1–5.

указано: «Я во всю мою жизнь к тому склонен был, чтоб в Коллегиях и в самом Сенате дела между членами в некоторыя департаменты разделены были, как то в других краях отправляется, и таким образом дела скорее и притом с совершенным рассмотрением отправляемы будут»¹³². Такое заявление более чем перекликается с остермановскими рассуждениями о департаментах из упомянутого в начале статьи обширного «мнения» конца 1740 г. И это не единственная параллель между этими двумя документами. Так, в «мнении» конца 1740 г. А. И. Остерман писал, что «множество членов иногда более препятствует делопроизводству, чем споспешествует оному»¹³³. Автор же «мнения» 1741 г. заявлял, что «множество членов не всегда дело решить, и некогда в отправлении оных вящше препятствует, нежели споспешествует»¹³⁴. Кроме того, витиеватый стиль документа так же соответствовал манере письма Остермана. Исходя из этого, можно с полной уверенностью утверждать, что «мнение» принадлежало Остерману. Соответственно, он не мог выступать автором или даже соавтором в отношении проекта указа. На это указывает еще один факт. 17 сентября 1741 г. был назначен ряд новых сенаторов, среди которых были кн. М.М. Голицын и кн. А.Д. Голицын. При этом последний был еще и восстановлен в чине действительного статского советника¹³⁵. Выражая свое недовольство этими назначениями, Остерман напоминал Анне Леопольдовне об участии представителей семьи Голицыных в событиях междуцарствия 1730 г.: «Какое старание фамилия Г[олицыных] о опровержении самодержавства имела, то известно. Тех опять производят, и многие из них входят в Сенат»¹³⁶. Имея такое негативное отношение к этому семейству, Остерман едва ли мог включить М.М. Голицына в список персон, которые должны были войти в состав обновленного Сената.

¹³² РГАДА. Ф. 16. Л. 156. Л. 6 об–7.

¹³³ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 269.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 16. Д. 156. Л. 7.

¹³⁵ Сенатский архив. Т. IV. СПб., 1891. С. 419.

¹³⁶ Изложение вин графов: Остермана, Миниха, Головкина и других, сужденных в первые месяцы вступления на престол императрицы Елисаветы. С. 160.

Ряд документов о престолонаследии, составленные осенью 1741 г., также были использованы нами. Это «мнение» и конспект с совместных заседаний Кабинета.¹³⁷

В отдельную, третью группу нами были помещены **законодательные акты**. Прежде всего, это законодательные акты, связанные с внутривластной деятельностью Остермана, часть из которых была создана при его самом непосредственном участии: два именных указа от 1 июня 1730 г. о создании Военной комиссии¹³⁸ и департаментской реформе Сената¹³⁹, именной указ об объединении Берг-коллегии и Мануфактур-конторой с Коммерц-коллегией от 8 октября 1731 г.¹⁴⁰, именной указ об учреждении Кабинета министров от 10 ноября 1731 г.¹⁴¹, манифест от 17 декабря 1731 г., подтверждавший положения петровского Устава 1722 г.¹⁴², таможенный тариф от 2 августа 1731 г.¹⁴³, указ о закладных имениях от 1 августа 1737 г.)¹⁴⁴, Берг-регламент от 3 марта 1739 г.¹⁴⁵, манифест от 5 октября 1740 г., согласно которому наследником Анны Иоанновны стал Иоанн Антонович¹⁴⁶, устав о банкротах от 15 декабря 1740 г.¹⁴⁷. Кроме того, был использован ряд других нормативных актов, необходимых для воссоздания контекста остермановской внутривластной деятельности.

Четвертая группа – **депеша иностранных дипломатов**, в которых упоминается Остерман. Это официальные документы, составленные уполномоченными европейских держав при русском дворе, цель которых информировать о внутри- и внешнеполитическом состоянии. Депеша как источник привлекательна тем, что их авторы интересовались Остерманом как умелым дипломатом на международной арене,

¹³⁷ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Конспекты заседаний частично были опубликованы П.П. Пекарским [Изложение вин графов: Остермана, Миниха, Головкина и других, сужденных в первые месяцы вступления на престол императрицы Елисаветы. С. 154–160].

¹³⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1081. Л. 201–207.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1081. Л. 209–210.

¹⁴⁰ ПСЗ. Т. VIII. № 5860. С. 549–550.

¹⁴¹ ПСЗ. Т. VIII. № 5871. С. 552.

¹⁴² ПСЗ. Т. VIII. № 5909. С. 602.

¹⁴³ ПСЗ. Т. VIII. № 5821. С. 526–528.

¹⁴⁴ ПСЗ. Т. X. № 7339. С. 229–233.

¹⁴⁵ ПСЗ. Т. X. № 7766. С. 734–737.

¹⁴⁶ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб., 1862. С. 619–622.

¹⁴⁷ ПСЗ. Т. XI. № 8300. С. 310–320.

давая при этом ему личную характеристику¹⁴⁸. Дипломаты были заинтересованы были в том, чтобы разбираться в дворцовых конъюнктурах¹⁴⁹ – ведь от влияния той или иной персоны могли зависеть исходы переговоров. Поэтому в немалой степени информация о личных взаимоотношениях между представителями политической элиты нашла отражение в их текстах. Так, некоторые сведения можно извлечь из переписки между англичанами – К. Рондо (посол), Э. Финч (посол), лорд Форбс (посол), лорд Гаррингтон (министр иностранных дел). В них передавались сведения о непростых взаимоотношениях между Остерманом и Ягужинским¹⁵⁰. Нередко в этом контексте упоминался Бирон¹⁵¹. Описаны сюжеты, речь в которых идет о взаимоотношениях Остермана с царствующими особами. Например, французский посол Маньян описывал события, при которых Анна Иоанновна пришла к власти, и об особой благосклонности императрицы, оказываемой Остерману в 1730 г. Сведения Маньяна еще интересны тем, что он объясняет нелюбовь «старорусской» партии к Остерману¹⁵². Другой французский посол – Шетарди – описывает связь между Антоном Ульрихом и Остерманом (последний, если верить автору, хотел расположить к себе, чтобы управлять государством от его имени)¹⁵³.

Таким образом, депеши иностранных дипломатов интересны как источники, содержащие личные характеристики Остермана как политика и участника придворных интриг, а также источники по его взаимоотношениям с царствующими особами.

Также нами были привлечены источники **личного** происхождения (пятая группа) – мемуары современников Остермана. Это сочинения Х.-Г. Манштейна¹⁵⁴, графа Б.-Х. Миниха¹⁵⁵, его сына – графа Э. Миниха¹⁵⁶, герцога Э.-И. Бирона¹⁵⁷, Ф. И. Соимонова¹⁵⁸, И.

¹⁴⁸ См., например: СИРИО. Т. 85. СПб., 1893. С. 67.

¹⁴⁹ См., например: СИРИО. Т. 66. СПб., 1899. С. 250.

¹⁵⁰ См., например: СИРИО. Т. 66. СПб., 1899. С. 229.

¹⁵¹ См., например: СИРИО. Т. 5. СПб., 1870. С. 426, 432, 434, 447, 459.

¹⁵² События 1730 года (Извлечения из депеш французских резидентов в Москве) // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов, издаваемый В. Кашпиревым. Т. 1. СПб., 1871. С. 370, 376.

¹⁵³ Маркиз де ла Шетарди в России 1740–1742 годов. СПб., 1862. С. 342.

¹⁵⁴ Манштейн Х.Г. Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны. М., 1997.

¹⁵⁵ Миних Б.-Х. Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны. М., 1997.

¹⁵⁶ Миних Э. Записки графа Эрнста Миниха // Перевороты и войны. М., 1997.

И. Неплюева¹⁵⁹, князя Я. П. Шаховского¹⁶⁰, анонимного автора «Замечаний на записки г. Манштейна»¹⁶¹ и заметки мемуарного характера В.Н. Татищева¹⁶², содержащиеся в его «Лексиконе российском», всего 10 источников. Мы отдаем себе отчет в том, что мемуарный жанр требует особого методологического подхода при изучении в силу своей субъективности, которая, одновременно, является его преимуществом. Про авторов всех этих текстов, за исключением анонимного, личность которого неизвестна, можно сказать, что они были не только современниками Остермана, а и лично знали его. Из восьми известных авторов четверо были иностранцами на российской службе, четверо – русскими дворянами. Принимая во внимание, что «Замечания на записки г. Манштейна» были написаны по-немецки, можно с осторожностью предположить, что их автор также был иностранцем на российской службе¹⁶³.

Самым ранним мемуаром были воспоминания Х. Г. Манштейна. Время их создания относят ко второй половине 1740-х гг.¹⁶⁴ Он в 1736 г. поступил на русскую службу, а уже в 1744 г. был вынужден покинуть Россию из-за нависшей над ним угрозы. Соответственно, в период написания воспоминаний Манштейн находился на службе у прусского короля Фридриха II. Важно заметить: мемуарист в своих «Записках о России» описывал события из российской истории с 1727 г. Как он сам заявил в начале своего сочинения: «Пробыв большую часть моей жизни в России, я успел ... быть свидетелем многих необыкновенных событий. Это побудило меня записать все, что произошло

¹⁵⁷ Motifs de la disgrâce d'Ernest-Jean de Biron, duc de Courlande // *Magazin für die neue Historie und Geographic*, angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. 1775. IX; Бирон Э. И. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского // *Время*. 1861. Т. 6, № 12. Декабрь.

¹⁵⁸ Соймонов Ф. И. Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. М., 2014.

¹⁵⁹ Неплюев И. И. Записки // *Империя после Петра 1726–1765*. М., 1998.

¹⁶⁰ Шаховской Я. П. Записки // *Империя после Петра 1725–1765*. М., 1998.

¹⁶¹ Неизвестный автор. Замечания на «Записки о России генерала Манштейна» // *Перевороты и войны*. М., 1997.

¹⁶² Татищев В.Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский // Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 7–8. М., 1996.

¹⁶³ Петров П.Н. Составитель «Замечания на Записки Манштейна о России» // *Записки Манштейна о России 1724–1744 гг. Замечания на них графа Петра Ивановича Панина*. СПб., 1879. С. 102–112.

¹⁶⁴ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991. С. 247.

наиболее замечательного со дня кончины императрицы Екатерины»¹⁶⁵. Однако непосредственным свидетелем событий в России он мог быть только с 1739 г. Таким образом, его описание событий до 1739 г. основано на собранных им свидетельствах и слухах. Э. И. Бирон написал свои мемуары совершенно в иных условиях, будучи в ссылке в Ярославле. Известны две редакции записки, которые были созданы к 1747 г.¹⁶⁶). По мнению А. Н. Филиппова, одна из них предназначалась для Елизаветы Петровны, а другая – для европейского читателя. Несмотря на общую канву повествования, некоторые моменты в двух версиях поданы по-разному. По сути, они представляли оправдательную записку, в которой курляндский герцог старался переложить всю ответственность за события, связанные с престолонаследием, на другие лица, в том числе на Остермана¹⁶⁷.

Э. Миних закончил работу над своими мемуарами в 1759 г., пребывая, как и Бирон, в ссылке. Автор сам обозначил намерения следующими словами: «Дабы мои дети пример из того взяли и старались подобного избегать и уклоняться»¹⁶⁸. Соответственно, у него не было причин намеренно исказить события, дабы добиться оправдания со стороны власти, а декларируемое желание передать детям свой неудачный опыт, скорее, располагало к взвешенному описанию событий.

Сочинение Б.-Х. Миниха фактически было создано по заказу Екатерины II в 1760-х гг. Последняя даже распорядилась определить в качестве помощника к фельдмаршалу, находившемуся в преклонном возрасте, Г.-Ф. Миллера. По сути, их нельзя назвать классическими мемуарами. Они представляли собой очерк по новейшей политической истории России¹⁶⁹, в котором Б.-Х. Миних стремился продемонстрировать императрице свою большую роль, нередко приукрашивая свои достижения. Целью другого мемуариста

¹⁶⁵ Манштейн Х.Г. Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны. М., 1997. С. 11.

¹⁶⁶ Филиппов А. Неизданный текст записки, представленной императрице Елизавете Петровне бывшим герцогом Эрнестом-Иоганном Бироном // Журнал министерства народного просвещения. 1903. Ч. СССХХХХVII. Июнь. С. 324.

¹⁶⁷ Бирон Э.И. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского // Время. 1861. Т. 6. № 12. Декабрь. С. 522.

¹⁶⁸ Наумов В. Послепетровская эпоха глазами российских немцев // Перевороты и войны. М., 1997. С. 500.

¹⁶⁹ Наумов В. Послепетровская эпоха глазами российских немцев. С. 497.

– Ф. И. Соймонова – скорее всего, было описание непростого жизненного пути и передача потомкам богатого опыта государственной службы. Основная часть мемуаров была написана в конце 1750-х–начале 1760-х гг., а завершены они были уже начале 1770-х гг. При работе над воспоминаниями автор использовал несохранившиеся к сегодняшнему дню журналы, т.е. своеобразные дневниковые записи, которые вел в течение многих лет¹⁷⁰.

Я. П. Шаховской, приступив к написанию мемуаров в начале 1770-х гг., следующим образом определил цель их создания: «По просьбе моих друзей ... а притом частью еще и в удовольствие собственной ... частью же добродетельствуя моему отечеству ... сочинил я сие краткое описание»¹⁷¹. Автор надеялся на то, что его опыт сможет пригодиться читателям.

Неясны мотивы И. И. Неплюева при создании воспоминаний. Скорее всего, они целенаправленно составлялись для будущих поколений. Последний этап работы над ними пришелся на начало 1770-х гг. Сами по себе «Записки» неоднородны, так как их разные фрагменты создавались в разное время¹⁷².

Особо отметим краткие заметки мемуарного характера В.Н. Татищева, которые последний поместил в своем «Лексиконе». В статье «Академия ремесел» он упомянул о поданном Анне Иоанновне в 1730 г. проекте Академии ремесел и о роли Остермана в том, что проект не был реализован¹⁷³. Кроме того, в статье «Заклад письменной» он упоминает проект о закладных имениях (1737 г.), поданный секретарем А. Яковлевым Остерману¹⁷⁴. При этом важно помнить, что Татищев, рассчитывавший опубликовать свое сочинение,

¹⁷⁰ Горбушина Н.В., Чекунова А.Е. Предисловие. Федор Иванович Соймонов и его мемуары // Соймонов Ф. И. Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. М., 2014. С. 21.

¹⁷¹ Шаховской Я.П. Записки // Империя после Петра 1725–1765. М., 1998. С. 11.

¹⁷² Наумов В. Мемуары русских государственных и военных деятелей послепетровского времени // Империя после Петра 1726–1765. М., 1998. С. 471.

¹⁷³ Татищев В.Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский // Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 7–8. М., 1996. С. 157.

¹⁷⁴ Татищев В.Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. С. 281.

работал над ним и при Елизавете Петровне, поэтому вряд ли оно могло содержать какие-либо положительные факты и отзывы о деятельности Остермана.

Исследование мемуаров позволяет реконструировать образ Остермана глазами его современников, а также извлечь необходимую информацию, которая в силу своей специфики не могла появиться в источниках делопроизводственного характера.

Таким образом, выявленные и отобранные нами источники и созданная таким образом источниковая база исследования позволяет, на наш взгляд, считать, что мы располагаем необходимой и достаточной фактологической основой для достижения поставленной исследовательской цели.

Глава 2. Внутренняя политика А.И. Остермана: основные принципы и направления

2.1 Принципы государственного управления в политических представлениях А.И.

Остермана

При реконструкции представлений А.И. Остермана о государственном управлении, в границах которого он осуществлял внутривластную деятельность, существует следующая проблема: Остерман не оставил после себя сочинений, в которых бы специально описал свои политические представления и взгляды на принципы государственного устройства. В то же время сохранились его «мнения» и записки, которые позволяют сделать выводы о его политических воззрениях.

И.И. Федюкин, говоря о формировании представлений Остермана в «европейской социальной, культурной и политической среде», отнес его «к числу наиболее образованных иностранцев на российской службе»¹⁷⁵. Некоторый свет на идейные предпочтения Остермана могут пролить сведения о его библиотеке. Как показывает анализ ее описи, он был обладателем одной из самых внушительных коллекций европейской юридической литературы в России (более 70 томов). При этом, если говорить о конкретных авторах, то следует заметить, что в остермановском книжном собрании были, прежде всего, весьма хорошо представлены теоретики нововременного естественного права: Г. Гроций, С. Пуфендорф, Хр. Томазий, И. Буддей, Г.Ф. Штрубе де Пирмонт и другие менее известные юристы¹⁷⁶. В связи с этим также следует указать на факт тесного общения Остермана с профессором Академического университета

¹⁷⁵ Федюкин И.И. «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. С. 89.

¹⁷⁶ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 841. Л. 157–179 об.

в Петербурге Хр.-Ф. Гроссом, одним из первых преподавателей естественного права в России¹⁷⁷. Во время обсуждения проблем, связанных с престолонаследием в 1741 г., Остерман обращался за консультацией именно к нему¹⁷⁸. Более того, согласно показаниям Остермана, «профессор Гросс жил в доме его более десяти лет для обучения детей его, Остермана»¹⁷⁹.

Кроме того, немаловажное место в формировании политического мировоззрения графа занимали и его представления о современном ему состоянии европейских государств. На это указывают его прямые апелляции к опыту иностранных государств, который, конечно следовало применять с учетом особенностей России. Например, в мнении 1740 г., говоря о необходимости введения «советных» дней регентше, он подчеркивал, что это «по обыкновению других стран»¹⁸⁰; или «я бы думал, что шведския учреждения о дорогах и мостах могли бы и здесь столь же хорошо быть введены, как в другом месте, и принесли бы государству великую пользу»¹⁸¹. Схожим образом Остерман приводил в качестве примера опыт других европейских стран в вопросах регулирования престолонаследия: «Такое наследство введено не токмо в России, но оно и в других землях, как в Гишпании, в Англии, в Португалии и в Дании употребительно, тако ж и при нынешней в Венгрии королеве». Однако, когда Головкин при этом счел возможным упомянуть и Швецию, Остерман заявил: «И в Швеции також содержано было, как долго там находилось самодержавство. А ныне Швеция в рассуждении настоящего ея состояния примером нам в том быть не может»¹⁸². Остерман здесь имел в виду то, что с 1720 г. в Швеции после упразднения королевского абсолютизма («самодержавства») была

¹⁷⁷ Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016. С. 130, 143.

¹⁷⁸ Изложение вин графов: Остермана, Миниха, Головкина и других, сужденных в первые месяцы вступления на престол императрицы Елисаветы. С. 256.

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 6. Д. 304. Л. 25 об.

¹⁸⁰ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 259.

¹⁸¹ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 274

¹⁸² РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 41 об.

ограниченная монархия, которая никоим образом не могла послужить образцом для российского «самодержавства».

О том, что именно Остерман видел в качестве идейного базиса политического курса российского монарха, мы можем судить, например, на основе следующего документа. В 1736 г. был опубликован манифест от имени Анны Иоанновны, в котором обосновывалась необходимость войны с Портой. Вместе с манифестом была опубликована копия письма Остермана, адресованная турецкому визирю. В манифесте заявлялось: «При таком злобственном сего неприятеля намерении Мы по натуральным правам и по положенному на нас от Бога о безопасности наших государств попечению, необходимо принуждены ... силы употребить»¹⁸³. В тексте письма А.И. Остермана, где содержится обоснование начала войны с Османской империей, также содержалась отсылка к естественному праву: «И как по закону Божию и по всем светским и *натуральным правам* (выделено нами – *А.Л.*), так и по должности своей, яко Государь и Мать Империи своей принужденну себя находит все от Бога ей дарованный силы в защищение своей империи, и подданных своих, противу Порты употреблять»¹⁸⁴. Получалось, что Анна Иоанновна руководствовалась не своей прихотью. Она была «принуждена» к этому «законом Божиим», «светскими и натуральными правами», а также своей «должностью» правителя. Итак, над правителем предсказуемо возвышался Бог. Однако над монархом возвышались и «светские и натуральные права». Если рассуждения об обязанностях правителя перед Богом для российской политической традиции были привычными, то отсылка об обязанностях, вытекающих из светского и естественного права были довольно новационны и напрямую отсылали к идеям нововременных авторов, писавших о естественном праве.

¹⁸³ [Остерман А.И.] Копия с письма отправленного по указу ея императорскаго величества самодержицы всероссийской от кабинетнаго министра вице-канцлера и орденов всероссийских кавалера графа Остермана к турецкому верховному везиру Апреля 12 дня, 1736 года [СПб., 1736]. С. 3.

¹⁸⁴ [Остерман А.И.] Копия с письма отправленного по указу ея императорскаго величества самодержицы всероссийской от кабинетнаго министра вице-канцлера и орденов всероссийских кавалера графа Остермана к турецкому верховному везиру Апреля 12 дня, 1736 года [СПб., 1736]. С. 34. См. также: Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель. С. 172.

Что касается представлений Остермана о государственном устройстве России, то следует упомянуть следующие события. 2 ноября 1741 г. между двумя кабинетными министрами, М.Г. Головкиным и А.И. Остерманом, состоялась беседа о праве принцесс на трон. Остерман, говоря о наследовании по женской линии, отмечал, что «оное дело само по себе ничего чрезвычайного не содержит: потому что по *основательным узаконениям* (выделено нами. – *А.Л.*) сего государства, за неимением принца, принцессы беспрекословия наследовать могут, как сие поныне и всегда содержано было». Уже 4 ноября 1741 г. Остерманом было подготовлено мнение, предназначенное Анне Леопольдовне, в котором он указывал на право принцесс наследовать власть. Он утверждал, что «по силе здешних государственных установлений (*constitution*), основательных законов (*grund gesetzen*) и обыкновений приходит наследство до принцесс и само по себе, когда не бывает принцов». Он указывал на то, что согласно Уставу 1722 г., наследование «зависит то всегда от воли владеющего самодержавного государя, такое определение о наследстве учинить, какое он по своей самодержавной власти заблагоразсудит». В связи с этим, обращаясь к Анне Леопольдовне, он заявлял: «Ваше императорское высочество императорским именем с такою ж самодержавною властью и силою государство правите, какая приличествует владеющему императору»¹⁸⁵. Речь идет о «самодержавной власти» в России, в которой существуют «основательные законы».

Заметим, что проникновение представлений о государственном устройстве, в котором верховная власть осуществляет управление страной в соответствии с *фундаментальными законами*, фиксируется в России еще в первой трети XVIII в. Если же говорить о появлении *фундаментальных законов* в политической практике, то можно констатировать, что к настоящему времени первым известным случаем его использования в данной сфере был проект И.И. Шувалова, подготовленный по повелению императрицы

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 38–39.

Елизаветы Петровны в 1760—1761 гг.¹⁸⁶ Однако, как показывают процитированные выше источники, уже Остерман привлекал это понятие в своей политической деятельности в начале 1740-х гг.

Итак, в России по Остерману была абсолютная монархия, в которой существовал «основательный закон» – петровский Устав о престолонаследии 1722 г. Что он имел в виду? Как отмечает М. Томпсон, в европейской юриспруденции Нового времени было два подхода к пониманию того, что есть фундаментальные законы в государстве. Первый подход – это отношение к фундаментальному закону как к старому обычаю (*ancient custom*), являвшемуся важной частью государственного устройства (*constitution*). Второй подход, связанный с контрактной теорией возникновения государства, предполагал, что фундаментальные законы есть некие правила, которыми ограничивается власть правителя, включая и его право распоряжения престолом¹⁸⁷.

Исходя из остермановских суждений о «здесь государственных установлениях, основательных законах и обычкновениях», по которым в России наследование «поне и всегда содержано было», можно сказать, что это соответствовало логике понимания фундаментальных законов как части правовой традиции страны. В то же время не стоит упускать из виду и сочинения европейских юристов Нового времени, написанных в рамках контрактной теории и присутствовавших в библиотеке Остермана.

Обратимся к рассуждениям одного из наиболее популярных и известных правоведов XVIII в. С. Пуфендорфа, чей трактат «О должности человека и гражданина по закону естественному» был издан в Санкт-Петербурге в 1726 г., и идеи из которого излагались на лекциях упоминавшимся профессором Хр.-Ф. Гроссом¹⁸⁸. В этой книге Пуфендорф

¹⁸⁶ Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 124; Киселев М. А. Проблема прав и обязанностей российского дворянства в Уложенной комиссии на рубеже 1750-х и 1760-х гг.: к истории Манифеста о вольности дворянской // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 33; Польской С. В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 1. С. 203.

¹⁸⁷ Martyn P. Thompson. The History of Fundamental Law in Political Thought from the French Wars of Religion to the American Revolution // The American Historical review. 1986. Vol. 91, No. 5. P. 1106, 1108, 1109.

¹⁸⁸ Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель. С. 130, 144.

утверждал, что власть правителя могла быть установлена либо через «насилие брани», либо «самоизвольно избирают над собою граждане властелина». В первом случае правители могли распоряжаться захваченной страной как своей собственностью, включая возможность раздела государства по завещанию между детьми. Во втором случае, «во оных же государствах, которые от начала самоизвольною народа волею устроены суть, чин наследствия из начала в воли тогожде народа имеется». И народ может либо установить законы о престолонаследии, где будет прописан порядок наследования в семье правителя, или же, «которые егда Государю с государством купно и право о устроении наследника вручал: то наследовати будет, кого он восхощет». Получение правителем от народа права назначать себе наследника подразумевало, что он должен помнить про «целость государства», то есть не распоряжаться страной как своей собственностью¹⁸⁹. Если учесть правовые рассуждения такого рода, то, по нашему мнению, можно говорить о договорных коннотациях в остермановской формулировке об Уставе 1722 г. («по учиненному от Петра ... и от всех государственных чинов присягами подтвержденному узаконению зависит то всегда от воли владеющего самодержавного государя такое определение о наследстве учинить, какое он по своей самодержавной власти заблагоразсудит»), которая указывала не только на прерогативы монарха, а и подразумевала, как это на первый взгляд не покажется парадоксальным, и ограничение его всевластия. В этой логике, например, нельзя было рассматривать Российскую империю как частное владение династии Романовых, где монарх мог распоряжаться как вотчинник. Действительно, если бы подданные российского монарха были частью имущества вотчинника (рабами), зачем нужно было беспокоиться об организации «прошения от народа»? Получалось, что отношения между государственной властью и народом в России строились на публично-правовых основаниях, в основе которых лежал договор между монархом и подданными.

¹⁸⁹ Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. С. 440–446.

В то же время мы понимаем, что такая наша интерпретация остермановских рассуждений является дискуссионной и в определенной степени не согласующейся с концепцией, согласно которой российское самодержавие XVIII в., по формулировке Е.В. Анисимова, имело «право править без права»¹⁹⁰.

Наиболее полное представление о том, каким должен был быть правитель в абсолютной монархии по мнению А.И. Остермана, можно почерпнуть из обширного мнения, предоставленного им Анне Леопольдовне в 1740 г. Эти же идеи в более схематичной форме он высказывал в «Записке для памяти», которая являлась своего рода конспектом обширного мнения Анне Леопольдовне.

Главными для монарха он называл три качества. Первым было «благочестие». Трактовка Остерманом данного понятия принципиально важна для нашего исследования. Нравственно-религиозное содержание «благочестия» в его понимании превращается в политическую добродетель. Мы можем говорить об этом благодаря пояснениям Остермана: «Оно учинит Вас как временно, так и вечно счастливою. Упование, возлагаемое на Ваше N.N. целым народом, чрез то наипаче утвердится, поелику он знать и потому счастливым себя считать будет, что имеет благочестивую правительницу»¹⁹¹. Таким образом, благочестие правителя, в первую очередь, вело не к спасению души или к получению иного воздаяния от Бога, а к лучшей управляемости подданных. Идея «благочестия» также является одной из «ключевых тем» в проекте Морской Академии, подробно изученной И.И. Федюкиным. Исследователь отмечает, что благочестие – это и долг и «первая и основная мотивация надлежащего поведения в целом». При этом «первой обязанностью учеников объявляется не верность государю или исполнение профессионального долга, а именно “страх божий”»¹⁹². Действительно, глава «О должности учащих общей» (XI.1) начинается со следующих слов: «Должны они во-

¹⁹⁰ Анисимов Е. В. Самодержавие XVIII века: право править без права // Нестор: ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Технология власти (источники, исследования, историография). 2005. № 1. С. 200–207.

¹⁹¹ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 257.

¹⁹² Федюкин И.И. Граф А.И. Остерман и проект реформирования Морской академии. С. 183.

первых в божеском страхе быть и всякия христианския добродетели творить, и от всех злых и скверных дел воздержаться, ведая, что от лица божия нигде скрытны быть не могут»¹⁹³. Однако, как и в случае с «благочестием» монарха, нам кажется, что идея заключается не в религиозной интерпретации. Наличие «благочестия» у учеников предполагало их управляемость.

Далее речь шла о «человеколюбии и благосклонности», которыми царствующая особа привлечет «к себе во всякое время сердца и умы целаго народа... Всем известно, какое доброе действие производит то в умах подданных, когда имеют они правительницу милостиво и человеколюбно их выслушивающую, и никого от себя печальным не отпускающую»¹⁹⁴.

Третьим качеством он называл «любовь к правосудию и истине»: «Злоба чрез то покорянится; все будет в должном повиновении и в сердцах всех честных подданных, боящихся Бога и хотящих быть христианами, воспалится неугасимый огонь любви и радостнаго на Ваше N.N. упования»¹⁹⁵. Благодаря руководству этими качествами, «правление счастливым, славным и вкупе спокойным [будет], поелику ничем другим, как токмо оными, можно привлечь к себе умы всех и получить благословение от Бога»¹⁹⁶.

Кроме того, А.И. Остерман обращался к категориям «справедливости» и «правосудия» (его он признает «подпорою каждого правительства»). Он отдельно написал про «власть законов», которые «каждому надлежащую определяя мзду, долженствуют быть для каждого священны»¹⁹⁷. Поэтому у него вызывал неподдельное раздражение медленный и затянувшийся более чем на 20 лет процесс составления нового Уложения, «как трудятся ... над новою книгою законов»¹⁹⁸. По мнению Остермана, следствием

¹⁹³ Проект к Морской академии и принадлежащей ко оной школе (1730–е) // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М., 2015. С. 198.

¹⁹⁴ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 257.

¹⁹⁵ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 257. В «Записке для памяти» это звучит, как: «Милосердие и снисходительство. Любовь к правосудию и исполнение онаго. Поклеплять правосудие частыми издаваемыми манифестами» [Записка для памяти. С. 1]

¹⁹⁶ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 259.

¹⁹⁷ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 258.

¹⁹⁸ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 259

руководства буквой закона станет то, что у подданных будет «любовь вместе с повиновением, и время и опыт покажут великую от того пользу»¹⁹⁹. Таким образом, божественное ушло на второй план, уступая место светским нормам.

Одной из обязанностей монарха, как представлялось Остерману, было в том числе поощрение своих подданных к службе, которое он назвал в записке 1730 г. «анкуражированием» (то есть, по словам И.И. Федюкина, «возбуждать ... охоту к службе»²⁰⁰). Как следует из документа, Остерману был предоставлен список кандидатов на повышение, на что было запрошено его мнение. На это указывает следующая фраза: «Из показанных в реэстре персон, которые мне знакомы, все вашего величества милости достойны»²⁰¹.

Согласно содержанию записки, «особливо» надлежало «смотреть», «ежели кто какую особливую службу показал», такого человека, несмотря на возраст и ни на что другое, «пожаловать пристойно, для анкуражирования другим». В противном случае следовало учитывать «достоинство» и «старшинство», иначе «старший в печали останется и охота к службе пропадет»²⁰². То есть на первое место Остерман выдвигал все-таки профессиональные навыки (собственно, благодаря чему он сам смог сделать свою карьеру). При выборе кандидатов он руководствовался следующими правилами: «Выбрать тех, которые... себя особливо пред другими радетьельно показали», далее по приоритетам «при пожаловании других» шло «достоинство» и «старшинство», а для этого «повелеть себе подать исправную роспись всем чинам до полуполковнического рангу»²⁰³. Кроме того, он рекомендовал «генерально объявить, что ... извольте в ранги производить по некоторому определенному числу..., и сперва производить в то числе тех, которые того особливо достойными ... себя учинили, а потом, сколько возможно по старшенству, чтоб

¹⁹⁹ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 260.

²⁰⁰ Федюкин И.И. «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. С. 117.

²⁰¹ РГАДА. Ф. 16. Д. 225. Л. 1 об.

²⁰² РГАДА. Ф. 16. Д. 225. Л. 1.

²⁰³ РГАДА. Ф. 16. Д. 225. Л. 2.

никому напрасной обиды не было»²⁰⁴. При том он указывал на то, что ряд кандидатов при армии «места не имеют и иметь не могут», поэтому следовало их «в статские чины с повышением» производить. В том числе Остерман таким образом предлагал выход в ситуации кадровой перенасыщенности: «Лишнего генералитетства не прибудет»²⁰⁵.

Концепт поощрения присутствует и в проекте Морской Академии (сер. 1730-х гг.). Как отмечает И.И. Федюкин, проект предполагал задачу «воспитателей не принуждать учеников, а возбудить в них “охоту” и к учебе, и к успешной службе в целом»²⁰⁶. В качестве мотивации предлагалась возможность, говоря современным языком, карьерного роста. В другом документе – его обширном мнении Анне Леопольдовне (1740 г.) – Остерман, осознавая важность мотивации в работе, указывал на необходимость «узнавать людей по их делам»²⁰⁷. И вновь он упоминал важность поощрения карьерными перспективами: «Никто не хочет охотно служить во флоте, потому что они там не имеют таких случаев к повышению и к знатнейшим чинам, как в сухопутной армии; для того потребно для сих людей некоторое поощрение»²⁰⁸. Более того, эти принципы он распространял на вольнонаёмный труд. Летом 1739 г. Остерманом был подготовлен в связи с выговором императрицы оправдательный доклад. В нем он приводил следующие сведения: «Сие генерално толко могу донести, что по учиненной от меня в Морской комиссии пробе явно показалось к немалой Вашего Императорскаго Величества казенной ползе, что все то, что порядочным наймом исправлено быть может, прибылнея и скоряе делается»²⁰⁹. Таким образом, вольный найм и заработная плата поощряют к труду. В этом же Остерман видел экономическую выгоду. Эти же идеи были зафиксированы им и в мнении 1740 г.: «Весма потребная отстройка доков необходимее всего к содержанию и сохранению кораблей... можно работать при том солдатами. Они будут получать

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 16. Д. 225. Л. 2 об.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 16. Д. 225. Л. 3.

²⁰⁶ Федюкин И.И. Граф А.И. Остерман и проект Морской академии. С. 184.

²⁰⁷ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 259.

²⁰⁸ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 267

²⁰⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1182. Л. 128.

ежедневно 4 копейки, сверх обыкновенного содержания, работа пойдет успешнее и меньше стоить будет»²¹⁰.

В связи с этим Остерман считал, что необходимо должным образом способствовать воспитанию подданных. В мнении регентше Остерман писал: «Ничто так государству не нужно, как хорошия училища». Обучение детей и юношей, как он полагал, в будущем «послужило б со временем к сильному искоренению злобы»²¹¹, и, соответственно, способствовало бы лучшему управлению подданными.

Таким образом, Остерман придавал важное значение идее правильного поощрения и направления поведения подданных, которая касалась не только государственной службы как таковой, а и других сфер их деятельности.

Таким образом, по представлениям А.И. Остермана, в России была и должна была быть абсолютная монархия, «самодержавие». При этом, нам представляется возможным утверждать наличие в его идейной концепции «договора» между монархом и народом. Хорошему монарху Остерман приписывал три основных качества, благодаря которым его правление должно было быть «счастливым» – это «благочестие», «человеколюбие и благосклонность», «любовь к правосудию и истине». Обладание этими морально-нравственными качествами создавали, по мнению Остермана, положительный образ правителя в глазах подданных. Он, в свою очередь, служил инструментом в управлении народом. Руководствуясь концепцией естественного права, Остерман отталкивался в данном случае от идеи природы человека, управляемой страстями. Правильное руководство должно было направить эти страсти в верное русло, ведущее к общему благу. Как следствие, хороший монарх должен был постоянно поощрять – «анкуражировать» – своих подданных к службе. При этом, в первую очередь по мнению Остермана, учитывались не принадлежность к старому роду, а личные качества и способности.

²¹⁰ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 266. Эти идеи в более схематичной форме он высказывал в «Записке для памяти», которая являлась своего рода конспектом обширного мнения Анне Леопольдовне.

²¹¹ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 261.

Рассуждая о монархии, Остерман не мог не задумываться о ее государственном устройстве. В связи с этим упомянем департаментские реформы, проводимые с 1730 г. при подаче Остермана. В первый год царствования Анны Иоанновны к 1 июня была составлена так называемая «программа», которая определила внутреннюю политику новой императрицы. Один из указов предполагал разделение Сената на 5 департаментов. Ее автором был Остерман. Это делалось для «для убежания» несходств в работе Сенате «и для лутчаго порядочнейшаго и основательнейшаго управления»²¹². Будучи последовательным политиком, эти же идеи он использовал в мнении 1740 г.: «Когда б в таких местах, где случаются дела различного и между собою несходного содержания и свойства, учредить различные департаменты, то делопроизводство чрез то весьма бы облегчилось, и все в лучшем порядке содержано было» и «департаменты можно учредить смотря по множеству и разнообразности дел, и по тому ж точно определить число нужных членов. Если департаменты разделить между членами, то каждый из них получит чрез то случай показать свое прилежание и рачение к службе»²¹³. В следующем году, когда ему был представлен новый проект сенатской реформы (подготовленный, вероятно, Б.-Х. Минихом), Остерман заявил: «Я во *всю мою жизнь* (выделено нами – *А.Л.*) к тому склонен был, чтоб в Коллегиях и в самом Сенате дела между членами в некоторыя департаменты разделены были, как то в других краях отправляется»²¹⁴. Несомненно, что в данном случае Остерман руководствовался европейским опытом. Н.Н. Петрухинцев, говоря о «программе», называл департаментскую реформу Сената ее «оригинальной чертой ... ориентированную на европейские образцы»²¹⁵.

В целом, эти идеи исходили из понимания человеческой природы, когда светские представления стали доминировать над религиозными. «Морализаторская философия и

²¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1081. Л. 209.

²¹³ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 269–270. В «Записке для памяти» это звучит, как: «Не упускать награждать чинами и должностями людей достойных и заслуги оказавших» [Записка для памяти. С. 1]

²¹⁴ РГАДА. Ф. 16. Д. 156. Л. 6 об.

²¹⁵ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735. С. 77.

религиозные предписания» уже не могли быть инструментом, сдерживающим человеческие страсти. Как указывает А.О. Хиршман, встала задача найти «более эффективные способы регулирования человеческого действия, чем те, что сводились к морализаторским наставлениям или же угрозам вечного проклятья»²¹⁶. Это вполне соответствует идеям нововременного естественного права, под влиянием которого находился Остерман. Свободно владея несколькими иностранными языками, он имел возможность знакомиться с обширной современной ему литературой (поэтому не зря он был обладателем одного из самых больших книжных собраний), среди которой, в том числе, было много книг авторов естественного права. В конец концов, среди тех немногих, кого он приближал к себе, был профессор Гросс – знаток естественного права, под чьим руководством воспитывались дети Остермана. К этому можно добавить не первоочередное, но не менее важное замечание, что Остерман был иностранцем, получившим хорошее европейское образование. При этом он обращался не только к умозрительным теориям в своих реформаторских начинаниях, но и руководствовался актуальным европейским опытом управления.

2.2 От неформального советника монарха к кабинетному министру

События, связанные с междуцарствием 1730 г. и приходом к власти Анны Иоанновны, стали важной ступенью в карьере А.И. Остермана. Хотя он и был одним из членов Верховного тайного совета, он постарался дистанцироваться от «затейки», связанной с попыткой ограничить самодержавие в России. Согласно донесениям французского резидента Маньяна, Остерман притворялся «больным, чтоб освободить себя

²¹⁶ Хиршман А.О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М., 2012. С. 42.

от необходимости принимать участие в этом трудном деле»²¹⁷. Однако, он не бездействовал. По мнению Маньяна, не без участия Остермана удалось подготовить почву для того, чтобы Анна Иоанновна отказалась от кондиций: «Относительно тех способов, посредством которых это странное решение было подготовлено, ... это сделалось... чрез г. Остерманна с одной стороны, и г. Ягужинскаго, с другой, так как оба они, один – лежа в постели, другой – сидя в заключении, нашли возможность действовать через своих жен и известь царицу о всем своем плане, не смотря на бдительность князя Долгорукаго»²¹⁸. Кроме того, французский резидент указывал на то, «что совершившийся переворот был подготовлен гг. Остерманном и Ягужинским через князя Черкаскаго»²¹⁹. И тут важно подчеркнуть не только роль Остермана в этих событиях, но и кн. А.М. Черкасского – персоны, которая, по словам Б.-Х. Миниха, будучи «телом Кабинета министров», не проявляла особой инициативы в управлении государством. Однако, как замечал Шетарди в 1736 г., «кн. Черкасской, второй член кабинета, не вмешивается в другия дела, кроме внутренних»²²⁰. В свете этого и других источников (журналы Кабинета министров, о которых пойдет речь ниже), Черкасский явно не был лишен инициативы во внутренней политике. Соответственно, все решения Кабинета министров нельзя приписывать одному Остерману.

Отметим, что в мемуарах некоторые современники Остермана специально останавливались на вопросе о его роли в событиях междуцарствия 1730 г. Так, Х.-Г. Манштейн приводил сведения, согласно которым сама Анна Иоанновна поручила Остерману «составить план интриги, которая повела бы ее к самодержавию», в результате чего она и смогла отвергнуть «кондиции»²²¹. Однако такая информация больше нигде не фиксируется. Как отмечает исследователь А.Б. Сидякина, Манштейн мог «наблюдать

²¹⁷ События 1730 (Извлечение из депеш французских резидентов в Москве) // Памятники новой русской истории. СПб., 1871. Т. 1. С. 365.

²¹⁸ События 1730 (Извлечение из депеш французских резидентов в Москве). С. 369.

²¹⁹ События 1730 (Извлечение из депеш французских резидентов в Москве). С. 370, 374.

²²⁰ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. С. 3.

²²¹ Манштейн Х.Г. Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны. М., 1997. С. 31.

русский двор и важнейших его деятелей ... лишь в краткий, но насыщенный событиями период с осени 1739 г. по лето 1741 г.». При этом, по ее мнению, «источником по жизни двора для него были именно “слухи”», несмотря на то, что они оказались собранными «профессионально и проанализированы мастерски»²²². Не исключено, что Манштейн мог зафиксировать только некие позднейшие слухи о хитроумном Остермане.

Другой мемуарист – Э. Миних – написал следующее по вопросу участия Остермана в событиях 1730 г.: «Хитрого Остермана еще в 1730 г., после кончины Петра II, если не истинная, то по крайней мере притворная болезнь благополучно освободила от присутствия в том собрании, в котором тогда об ограничении самодержавной власти рассуждаемо и положение сделано было»²²³. Следует заметить, что Миних с 1729 по 1733 г. отсутствовал в России и, подобно Х.-Г. Манштейну, мог писать про такое поведение Остермана только с чужих слов. Схожее с миниховским мнение можно обнаружить у анонимного автора «Замечаний...»: «Может статься, что под предлогом болезни желал он и уклониться от присутствия в совете при крайне затруднительном рассуждении о наследии»²²⁴.

Таким образом, три данных воспоминания сообщают диаметрально противоположные, на первый взгляд, сведения о роли А.И. Остермана в событиях 1730 г.: если, по Х.-Г. Манштейну, он оказался чуть ли не главным организатором прихода к власти Анны Иоанновны, то, согласно Э. Миниху и анониму, он избегал активного политического участия. Принимая во внимание сведения из других источников, приведенные в монографии И.В. Курукина и А.Б. Плотникова о 1730 г., можно утверждать, что правы были Миних и аноним²²⁵. Так или иначе, Остерман оказался замешанным в затее с приходом к власти Анны и в любом случае не был против нее, чем

²²² Сидякина А.Б. «Записки о России» Х. Г. Манштейна как источник по истории деятельности Э. И. Бирона // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. Вып. 1. С. 2.

²²³ Миних Э. Записки графа Эрнста Миниха // Перевороты и войны. М., 1997. С. 384.

²²⁴ Неизвестный автор. Замечания на «Записки о России генерала Манштейна» // Перевороты и войны. М., 1997. С. 419.

²²⁵ Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М. : Квадрига, 2010. С. 99–100.

уже мог заслужить ее доверие. Таким образом, после поражения «верховников» и прихода к власти Анны Иоанновны, Остерман, единственный член Верховного Тайного Совета, не замешанный в «затейке», смог не только сохранить свое положение во власти, но и усилить его. Так, Маньян отмечал: «Сообщенное ... прежде о том, что Остерман, по видимому, сохранить свой кредит, подтверждается доселе»²²⁶. Тот факт, что Анна Иоанновна действительно доверяла Остерману, подтверждается другими приведенными сведениями резидента: «20-го числа сего месяца (апреля – *А.Л.*), государыня, после тайных совещаний с г. Остерманном в своем кабинете в течение нескольких дней, повелела обнародовать распоряжения об удалении от двора шести лиц...»²²⁷. Получалось, что Анна Иоанновна, не вполне владея обстановкой в начале царствования, обратилась именно к Остерману за советом по такому важному делу, как формирование нового круга лиц вокруг, или, как минимум, исключение из него наиболее нежелательных. Кроме того, сохранилась записка 1730 г., в которой Остерман высказывал свои взгляды на кадровую политику. Исходя из ее содержания становится понятно, что Остерману предоставили список кандидатов на повышение. Об этом можно судить из следующей фразы: «Из показанных в реэстре персон, которые мне знакомы, все вашего величества милости достойны»²²⁸. В данном случае важен факт того, что Анна Иоанновна обратилась именно к Остерману за рекомендацией подобного рода. Поэтому нельзя согласиться с наблюдением Р.И. Козинцевой, что «в сложной и неустойчивой обстановке первых месяцев нового царствования положение Остермана было шатким»²²⁹, так как он не просто был приближен к императрице, но и влиял на формирование ее нового круга доверенных лиц в государственном управлении.

Подобным поведением Остерман не мог не навлечь на себя недовольство со стороны правящей элиты. Французский резидент подчеркивал, что «без сомнения,

²²⁶ События 1730 (Извлечение из депеш французских резидентов в Москве). С. 376.

²²⁷ События 1730 (Извлечение из депеш французских резидентов в Москве). С. 377.

²²⁸ РГАДА. Ф. 16. Д. 225. Л. 1 об.

²²⁹ Козинцева Р.И. От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. С. 198.

опасение великих неприятностей лично для себя побуждает г. Остерманна советовать государыне перенести свое местопребывание в Петербург, где он будет более обеспечен от сплетен, чем в Москве. Вам известно, что он не мог добиться этого от покойного царя в следствие оппозиции старо-русской партии, и особенно Долгоруких; но теперь эти препятствия, по-видимому, не существуют»²³⁰. Но не только желание сменить обстановку побудило Остермана к принятию такого важного решения: «... не подлежит сомнению, что он легко [смог] убедить царицу в необходимости ея пребывания в Петербурге для восстановления в прежнем виде морской части, которая пришла в совершенный почти упадок с тех пор, как двор оставил Петербург, между тем как именно от этого обстоятельства зависит внешнее значение России и только оно может внушить к ней уважение соседей»²³¹.

Высокую степень влияния Остермана на императрицу подтверждает другой факт. Согласно воспоминаниям В.Н. Татищева, в 1730 г. он представил императрице проект Академии ремесел. Императрица его поддержала и «ко устройению оное соизволение свое объявить и на содержание ее по 12 000 рублей в год дать изволила». Несмотря на то, что указ был на стадии подписания, его Остерман «по некоей ненависти удержал... и уничтожил»²³². Почему? Ведь Остерман был сторонником просвещения и сам, спустя 10 лет, предлагал Анне Леопольдовне развитие учебных заведений²³³. Возможно, он боялся конкуренции со стороны Татищева – талантливого государственного деятеля, который, к тому же, приходился Анне дальним родственником и поддержал ее при перевороте 1730 г. Он мог угрожать авторитету Остермана. Возможно, страх разделить влияние на монарха с другим пугала графа, в связи с чем он и воспрепятствовал татищевскому проекту. В связи с этим уместно вспомнить характеристику Остермана в «Записках» Б.-Х. Миниха,

²³⁰ События 1730 (Извлечение из депеш французских резидентов в Москве). С. 378.

²³¹ События 1730 (Извлечение из депеш французских резидентов в Москве). С. 378.

²³² Татищев В.Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский // В.Н. Татищев. Собрание сочинений. Т. 7–8. М., 1996. С. 157.

²³³ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 261.

согласно которым граф «не может никого терпеть около себя»²³⁴. Естественно, что их необходимо понимать не как любовь Остермана к одиночеству, а как нелюбовь к конкурентам. То же подтверждал и Х.Г. Манштейн, сообщавший, что Остерман в «своих сослуживцах терпеть не мог ума»²³⁵.

Таким образом, после поражения «верховников» и прихода к власти Анны Иоанновны, Остерман, единственный член Верховного тайного совета, не замешанный в «затейке», смог не только сохранить свое положение во власти, а и усилить его, став фактически советником императрицы. Пользуясь политическим лексиконом того времени, его можно даже назвать ее фаворитом. Согласно В.Н. Татищеву, «временщик, фаворит лат., есть человек, который в милости у государя или коего великаго господина находится. Таковой, ежели не льстец и хисчник казны, а народу не обитчик и довольно себя по правилам мудрости содержит, не токмо в жизни счастлив, но и по смерти похвалу вечную оставляют, каковых хотя весьма редко, однако ж по древним гисториям немало находится и в наши времена неколико видели»²³⁶. Формально, поведение и деятельность Остермана удовлетворяла этим требованиям. Таким образом, доподлинно неизвестно, действительно ли он был одним из тех, кто смог повернуть авантюру за спиной Долгоруких и Голицыных с кондициями и помочь устоять пошатнувшемуся было монархическому порядку в России. Тем не менее, роль Остермана в событиях прихода к власти новой императрицы (пусть и в разной степени) была отмечена современниками. Так или иначе, он в 1730 г. вошел в ее ближайший круг доверия.

После ликвидации Верховного тайного совета Остерман 4 марта 1730 г. стал одним из сенаторов, которых к этому времени насчитывалось более десяти персон²³⁷. Показательно, что при разделении Сената на департаменты 1 июня 1730 г. Остерман был определен в департамент «О купецких и государственных заводов, фабриках и бергверках

²³⁴ Миних Б.-Х. Записки фельдмаршала графа Миниха. С. 303.

²³⁵ Манштейн Х. Записки о России генерала Мантшейна. С. 162.

²³⁶ Татищев В.Н. Собр. Соч. Т. 7–8. М., 1996. С. 224.

²³⁷ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящейся в С-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. III. 1740–1762 / Сост. П. Баранов. СПб., 1878. С. XXVI.

(к тому же принадлежала монетная кантора)»²³⁸. Получалось, что он к 1 июня был фактическим руководителем Коммерц-коллегии, главой Комиссии о коммерции и членом департамента Сената, также ответственного за коммерцию. Соответственно в этот период во внутригосударственной сфере он официально был ответственен, прежде всего, за торгово-промышленную политику.

Опираясь на такое доверие нового монарха, Остерман получил возможность для продвижения своих идей и замыслов во внутренней политике. Так, он оказал самым непосредственным образом влияние на определение политического курса Анны Иоанновны. Как показал Н.Н. Петрухинцев²³⁹, этот курс оформился в виде так называемой «программы» 1 июня 1730 г. и включал в себя 6 именных указов. При этом два из них были написаны рукой Остермана, он же являлся их автором. Это были указы, касающиеся учреждения Военной комиссии и разделения Сената на департаменты. К первому указу прилагался список лиц, которые должны были составить эту Комиссию²⁴⁰.

Ведущая роль Остермана была институционализована при учреждении по его же инициативе Кабинета министров 18 октября 1731 г., в котором он стал одним из 3 министров вместе с А.М. Черкасским и Г.И. Головкиным. Как показывает анализ журналов Кабинета, в 1731–1732 чаще всего заседали А.И. Остерман и А.М. Черкасский. Г.И. Головкин нередко отсутствовал. Если же он появлялся, в некоторых случаях это обозначалось отдельно²⁴¹. Заседания проводились практически ежедневно. В первые месяцы Анна Иоанновна проявляла интерес и часто лично присутствовала на заседаниях, но ориентировочно с марта – начала апреля 1732 г. она перестала это делать, и кабинетные министры уже сами относили ей доклады или указы на подпись «наверх». За 1732 г. также впервые встречается практика «домашней» работы, которую начал кн. А.М. Черкасский. 20 мая, «в кабинете Ея И. В-ва гг. министры не были», но «действ. тайн. сов.

²³⁸ РГАДА. Ф. 16. Д. 159. Л. 2 об.

²³⁹ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735. С. 69–70.

²⁴⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1081. Л. 207.

²⁴¹ См., например: СИРИО. Т. 104. С. 340, 388, 462.

князь Черкасский, будучи в доме своем, приказал взять ведомости из Сената, ... еще отдал челобитную ... Он же приказал собрать доклады и взять с собою в поход при Ея И. В-ве ... и приготовить к завтраю»²⁴².

Кроме того, отмечены ситуации, при которых в Кабинете заседали министры по отдельности (в том числе министр Г.И. Головкин²⁴³), но чаще всего это был А.И. Остерман или А.М. Черкасский. При этом как первый, так и второй, судя по журнальным записям, могли подниматься к императрице за подписями или обсуждениями²⁴⁴ тех или иных вопросов.

Мы подсчитали общее количество журнальных записей и процент от них тех дней, когда Остерман заседал в Кабинете один, отдавая единолично распоряжения. Всего журнальных записей за 1731–1732 гг – 371 (100%). Из них на 26 заседаниях присутствовал Остерман один, что составляет около 7% от общего количества. В целом, это небольшая цифра, при этом часто указывались причины отсутствия остальных министров – по болезни или присутствию в других «комиссиях». Подавляющее число заседаний было проведено при участии А.М. Черкасского. То есть чаще всего решения принимались от имени их двоих, при этом нет никаких доказательств о доминирующей роли Остермана.

Каким кругом вопросов обычно занимался А.И. Остерман, находясь в Кабинете один? Чаще всего, вице-канцлер требовал для рассмотрения ведомости из коллегий или передавал распоряжения императрицы²⁴⁵. Сложность выявления его инициативы заключается в том, что его мнения на ранних этапах существования Кабинета отдельно не обозначались. Как отмечал Е.Е. Рычаловский, «источники – особенно относящиеся к начальному периоду деятельности Кабинета – крайне скупо освещают их роль (министров – *А.Л.*), всех вместе и каждого в отдельности»²⁴⁶. Не всегда присутствие в Кабинете обязывало к решению вопросов государственной важности: «В Кабинете... заседал

²⁴² СИРИО. Т. 104. С. 281-282.

²⁴³ СИРИО. Т. 104. С. 135.

²⁴⁴ См., например: СИРИО. Т. 104. С. 430, 432, 434.

²⁴⁵ СИРИО. Т. 104. С. 141–142, 170–171, 205, 225, 234, 270

²⁴⁶ Рычаловский Е.Е. Кабинет-министр А.И. Остерман и Вторая Камчатская экспедиция. С. 66.

действ. тайн. сов. вице-канцлер и кавалер граф Остерман, а делам никаким отправления не было»²⁴⁷. Наиболее частые указы от его имени были связаны с кадровой политикой: «1) ...выдать ... жалованье (секретарю Шульцу – *А.Л.*) по окончании нынешняго году, и ... отправить его, Шульца, немедленно; 2) взяв ведомость деревням бывшего фельдмаршала князь Василия Долгорукаго, тако же князь Юрия Долгорукаго, выбрать из тех деревень, в пристойных местах, 100 дворов для награждения капитану Крюковскому»²⁴⁸. Кроме того, в той или иной степени Остерманом затрагивались вопросы торгово-промышленного характера²⁴⁹, армии и флота²⁵⁰, судебные²⁵¹, международные вопросы²⁵², финансы²⁵³. В то же время деятельность Кабинета была наполнена, в основном, решением текущих вопросов: «Отдал присланное сего числа к Ея И. В-ву от генерала г. Салтыкова доношение о требовании указу о починке в Москве осмотренной в старом дворце у Сената и красного крыльца каменной худобы, на что, по приторгованной цене, за материалы и работу требуют 4110 руб., и дать бы оную сумму из камор-коллегии из положенной на то дворцовое, тако же городовое и цейхгаузное строение суммы, которая расположена, вместо пошлиннаго поворотнаго сбора, отпускать из кабацких доходов»²⁵⁴. И это главное после императрицы государственное учреждение, управляющее страной и потеснившее Сенат!

Часто, будучи единственным кабинетным министром на месте, Остерман ходил к императрице за подписями или за обсуждением текущих дел. Конечно, эти приватные встречи и их содержание остались закрытыми для посторонних глаз, протоколы при этом не велись, и мы не узнаем о них подробнее. Тем не менее, именно через такие встречи *tet-a-tet*, возможно, и могли обсуждаться наиболее насущные вопросы по управлению

²⁴⁷ СИРИО. Т. 104. С. 270.

²⁴⁸ СИРИО. Т. 104. С. 96. См. также: СИРИО. Т. 104. С. 95, 271, 274, 432.

²⁴⁹ СИРИО. Т. 104. С. 32, 157–158, 432, 434.

²⁵⁰ СИРИО. Т. 104. С. 42, 59, 141–142, 157–158, 170–171, 274.

²⁵¹ СИРИО. Т. 104. С. 95–96.

²⁵² СИРИО. Т. 104. С. 305–306, 432.

²⁵³ СИРИО. Т. 104. С. 42.

²⁵⁴ СИРИО. Т. 104. С. 271.

страной. Более того, даже во время присутствия в Кабинете других лиц (т.е. не только кабинетных министров), Остерман оставлял за собой эту привилегию единственным подниматься к императрице по рабочим вопросам²⁵⁵. Позже, будучи лишенным этого в силу своей непрекращающейся болезни и необходимости работать из дома, Остерман стал терять постоянный контакт с Анной Иоанновной.

Важно отметить, что в работе Кабинета не всегда официально заседали все три министра. В период с февраля 1734 г по апрель 1735 г. министрами были Остерман и Черкасский (т.к. Головкин скончался летом 1734 г., перестав появляться во дворце еще с февраля, а Ягужинский был назначен в Кабинет 30 апреля 1735 г.: «По указу ЕИВ господин генерал граф Павел Иванович Ягушинский начал присутствовать в Кабинете»²⁵⁶). Назначение Ягужинского в Кабинет не было случайностью: «Для “противовеса” хитроумному министру после смерти Головкина в состав Кабинета последовательно вводились вполне самостоятельные и амбициозные фигуры из русской знати – сначала возвращенный из почетной ссылки Ягужинский (1735 год), затем деятельный и честолюбивый Артемий Волынский (1738 год) и, наконец, будущий канцлер А.П. Бестужев-Рюмин (1740 год)»²⁵⁷. За этими назначениями стоял фаворит императрицы – Э.-И. Бирон, который, согласно И.В. Курукину, с 1732 г. «стал проявлять инициативу: встречался с иностранными послами и вел беседы по интересовавшим их вопросам», а в «1733 году английский резидент Рондо и саксонский посланник Лефорт докладывали об “обычае” посещать обер-камергера, который стали соблюдать члены дипломатического корпуса»²⁵⁸. К этому же времени относится еще один примечательный эпизод, иллюстрирующий нарождавшееся противоречие между Остерманом и Бироном. В 1732 г. А.И. Остерман был назначен императрицей членом Военской морской комиссии. Несмотря на то, что граф был в ней «первым», ведущую роль в комиссии играл Н.Ф.

²⁵⁵ СИРИО. Т. 104. С. 277, 511, 515.

²⁵⁶ СИРИО. Т. 111. С. 151.

²⁵⁷ Курукин И.В. Бирон. М., 2006. С. 185.

²⁵⁸ Курукин И.В. Анна Иоанновна. М., 2014. С. 273.

Головин, так как ему покровительствовал Бирон. Очевидец событий – Ф.И. Соймонов – описывал это в своих мемуарах следующим образом: «Головин, планируя в перспективе стать президентом Адмиралтейств-коллегии, предложил упразднить в последней должности вице-президента и прокурора для усиления власти президента». Как результат, «Остерман по политике, а прочие члены от трусости и согласились, и в доклад представили»²⁵⁹. Поэтому вывод Е.Е. Рычаловского о том, что «продвижение Головина по служебной лестнице не обошлось без протекции Андрея Ивановича» так как до Военной морской комиссии Головин «в течение шести лет находился в качестве чрезвычайного посланника в Швеции, следовательно служил в ведомстве вице-канцлера»²⁶⁰ кажется сомнительным²⁶¹. Невмешательство в дела Головина по линии комиссии можно объяснить нежеланием Остермана ссориться с Бироном, что говорит о растущем влиянии последнего. Более того, в 1734 г. Бирон даже смог «вторгнуться» в безраздельную сферу влияния Остермана – международные переговоры²⁶².

Из сказанного очевидно, что влияние Бирона постепенно усиливалось к 1734 г., и уже в 1735 г. в Кабинет приходит Ягужинский. Как отмечает Курукин, «одним из первых П.И. Ягужинский начал в 1731 году посылать Бирону донесения из Берлина»²⁶³, так он «постепенно вникал в хитросплетения большой европейской политики»²⁶⁴, т.е. они поддерживали связь, как минимум, уже с начала царствования Анны. Таким образом, ослабление здоровья Остермана, усиление Бирона и неслучайное появление в Кабинете его креатур способствовали ослаблению позиций Остермана начиная с 1735 г. По этой причине нам кажется неслучайным введение практики 3 подписей министров, которые

²⁵⁹ Соймонов Ф.И. Рукописное наследие. М., 2014. С. 69, 74.

²⁶⁰ Рычаловский Е.Е. Кабинет-министр А.И. Остерман и Вторая Камчатская Экспедиция. С. 71–73.

²⁶¹ Этот вывод подтверждает другое наблюдение. Среди бумаг Остермана находится проект Морской академии. По словам И.И. Федюкина, Остерман играл ключевую роль в его разработке (см. подробнее: Федюкин И.И. Граф А.И. Остерман и проект Морской академии. С. 177). Несомненно, граф был заинтересован в его реализации. Скорее всего, если бы он действительно играл в комиссии ключевую роль, ему бы удалось довести проект до конца. Однако, похоже, остермановского авторитета не хватило для этого, что может указывать на неверность мнения о его решающем влиянии в комиссии.

²⁶² См.: Курукин И.В. Анна Иоанновна. М., 2014. С. 276.

²⁶³ Курукин И.В. Анна Иоанновна. С. 261.

²⁶⁴ Курукин И.В. Бирон. С. 124.

приравнивались к подписи самой императрицы. Чаще всего этот шаг рассматривается как свидетельство усиление Кабинета и самого Остермана в нем. Однако нам кажется, что таким образом Остерман ввиду усиливавшейся болезни и назначения Ягужинского пытался сохранять возможность контроля над самыми важными мероприятиями. К тому же, в тексте самого указа обозначалась причина: «Понеже нам известно учинилось, что во многих местах объявляются словесные именные наши указы: того ради указали мы, ... чтоб никаких наших словесных именных указов, кроме тех, которые за подписание собственныя нашей руки или за руками всех трех наших кабинет-министров будут, не принимать и в действо не производить»²⁶⁵. Скорее, это была вынужденная мера борьбы с «самозванными» указами. К тому же, в норме четко прописано условие наличия всех *трех* кабинет-министров. А после смерти Ягужинского вплоть до назначения Волинского в Кабинете было лишь два министра. Поэтому это событие 1735 г. вряд ли можно рассматривать как акт усиления власти Остермана.

Переломный момент наступил в следующей году: именно с 1736 г. А.И. Остерман перестает присутствовать лично в Кабинете министров и начинает работать дома. А, если быть точнее, то после 19 июля. В журнальной записи за этой датой зафиксировано мнение одного А.М. Черкасского (что было большой редкостью), а спустя несколько дней – 23 июля – помещена следующая запись: «Кадетскаго корпуса директору ф. – Теттау завтра в первом на десятом часу пред полуднем быть к его сиятельству гр. А.И. Остерману», «сию ведомость, сделав, прислать к дому его сиятельства, т. д. сов. гр. А.И. Остермана сего числа в седьмом часу пополудни, для отсылки»²⁶⁶ к императрице. После этой даты в том числе встречаются формулировки «приказано от его сият-ва Остермана»²⁶⁷ (т.е. он отдал распоряжение, находясь на непосредственном удалении, поэтому секретари отдельно стали обозначать указания от него), «прислать репорт о тех всех делах, от которых от его

²⁶⁵ ПСЗ–I. Т. IX. № 6745. С. 529.

²⁶⁶ СИРИО. Т. 114. С. 346.

²⁶⁷ СИРИО. Т. 114. С. 384.

сиятельства ... Остермана ... Манукову приказано»²⁶⁸, представить учеников академии со списком в доме Остермана²⁶⁹ и др. Это было связано с его прогрессирующей болезнью и невозможностью присутствовать лично на заседаниях, но в то же время он не желал терять контроль над происходящими событиями. Поэтому документы возили для ознакомления к нему домой.

В мемуарах также есть свидетельства о продолжающейся еще с конца 1720-х гг. болезни Остермана. Как сообщал генерал Манштейн, к 1740 г., Остерман был поражен параличом в ногах, из-за чего *несколько лет* не выходил из комнаты, поэтому часто перемещался в носилках²⁷⁰. Анонимный автор «Замечаний на “Записки о России”» сообщал, что еще во время Петра II Остермана называли «старым и подверженным болезням», а после его смерти он «действительно изнурился и занемог»²⁷¹. Бирон писал, что смерть К.-Г. Левенвольде (1735 г.) сопровождалась болезнью Остермана, а, описывая события 1740 г., нашел необходимым указать, что «гр. Остерман, *несколько лет* (выделено нами – *А.Л.*) не выдавшийся с императрицею, отправился к Ея Величеству, говорил с нею без свидетелей»²⁷². Таким образом, его состояние и необходимость в течении нескольких лет находиться дома вряд ли справедливо называть «дипломатической» болезнью. Историк И.В. Курукин указывает, что «осторожный» Остерман перестает «являться в присутствии» в 1739 г., и причиной тому стали «разногласия кабинет-министров»²⁷³. Однако, 31 августа 1736 г. Бирон писал Г.-К. Кейзерлингу следующее: «Его сиятельство граф Остерман уже 6 месяцев лежит в постели»²⁷⁴. Это значит, что с начала марта Остерман не покидал свой дом. Таким образом, как минимум, с 1735 г. болезнь Остермана прогрессировала, а с весны 1736 г.,

²⁶⁸ СИРИО. Т. 114. С. 405.

²⁶⁹ СИРИО. Т. 114. С. 408.

²⁷⁰ Манштейн Х.Б. Записки о России генерала Манштейна. С. 164.

²⁷¹ Неизвестный автор. Замечания на «Записки о России генерала Манштейна». С. 419.

²⁷² Бирон Э.-И. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского // Время. 1861. Т. 6. № 12. С. 527, 531–532.

²⁷³ Курукин И.В. Анна Иоанновна. С. 170.

²⁷⁴ Цит. по: Курукин И.В. Анна Иоанновна. С. 266.

согласно бироновским сведениям, он не посещал собраний (а если обратиться к журнальным записям – то с 19 июля). Ввиду этого он был удален от главного места событий жизни – дворца. Однако это не повлияло на его влияние в Кабинете, так как в это же время скончался Ягужинский (17 апреля 1736 г.), и министров снова стало двое, при этом один из них (Остерман), работал дома. Смерть Ягужинского, как и смерть Головкина, не была обозначена в журнале как примечательное событие. Вплоть до 1738 г. (назначения Волынского третьим министром), в Кабинете работали Остерман и Черкасский. Учитывая, что оба министра в этот период действовали в тандеме, мнения Остермана отдельно не фиксировались. Поэтому в следующие полтора года, в 1737 г. и 1738 г., сохранялась та же тенденция, при которой имена министров отдельно не обозначались, а фиксировались, в основном, лишь их указания. Остерман продолжал сидеть дома, это видно из кратких, но емких по смыслу заметок, как, например, «Андрею Ивановичу донесено»²⁷⁵ (15 октября 1737 г.). Однако все изменилось с назначением в начале 1738 г., когда третьим кабинетным министром стал А.П. Волынский: «Через полтора года после его (Ягужинского – *А.Л.*) смерти настала очередь Волынского – к тому времени он уже показал свои “добрые квалитеты и достохвальные поступки”. Такая комбинация обеспечивала устойчивость нового органа, хотя взаимный контроль и “запланированные” конфликты между его членами порой вызывали проблемы»²⁷⁶. А.П. Волынский стал новой креатурой Бирона, поставленной в Кабинете для контроля за Остерманом. И это назначение стало в определенном смысле удачным. Более того, судя по журнальным записям, Волынский начал активизировать свою деятельность в Кабинете с июня 1738 г. и отдавать единолично распоряжения и, в том числе, объявлять словесные указы императрицы (а это значит, что он ходил к ней и получал их лично в приватной

²⁷⁵ СИРИО. Т. 117. С. 617.

²⁷⁶ Курукин И.В. Бирон. С. 253.

беседе). Это не могло не вызвать раздражения Остермана, т.к. он не любил конкуренции²⁷⁷.

Во второй половине 1738 г. появляются первые отдельно зафиксированные мнения Остермана, что не было случайностью. В том числе есть свидетельства о коммуникации между министрами: «Приказано от его сиятельства графа Андрея Ивановича Остермана доложить его превосходительству А.П. Волынскому»²⁷⁸. Как результат, уже следующий год – 1739 г. – дал сведения о том, как Остерман пытался исправить ситуацию. К тому же, к 1739 г. форма журнала несколько изменилась. Например, появились записи, которыми они дополнялись явно позже, т.к. в них постоянно присутствует упоминание решений за более поздние даты. Чаще всего эти упоминания относились как раз к Остерману, т.к. он, находясь дома, мог присылать свои записки позже. Его мнение фиксировалось отдельно. Например, в журнале 19 августа запротоколированы его мнения на «подданные доношения и сообщения из Сената того-ж августа 13, 15, 16 дня»²⁷⁹. Иногда отмечалось, что «графу Андрею Ивановичу докладовано того-ж числа, на что изволил сказать...»²⁸⁰. Т.е. была практика, когда Остерман присылал с курьером сразу несколько мнений на доношения за разные даты, которые обозначались в журналах за те даты, когда было доставлено письмо. В одном случае особо крупное мнение Остермана было разбито на 2 даты журнальной записи: от 31 августа и 2 сентября²⁸¹, которые объединили в себе его мнения на доношения с 26 августа по 31 августа. По некоторым вопросам Остерман отправлял свои приказания с формулировкой «приказал учинить следующее секретно и без дальняго разглашения»²⁸². Также он неоднократно требовал ведомости из разных коллегий²⁸³, и по этой причине становится понятно, почему он в своем мнении,

²⁷⁷ Манштейн Х. Записки о России генерала Манштейна. С. 162.

²⁷⁸ СИРИО. Т. 124. С. 442.

²⁷⁹ СИРИО. Т. 130. С. 127–130.

²⁸⁰ СИРИО. Т. 130. С. 131.

²⁸¹ См., например: СИРИО. Т. 130. С. 200–202, 206–210.

²⁸² СИРИО. Т. 130. С. 232.

²⁸³ См., например: СИРИО. Т. 130. С. 595.

адресованном Анне Леопольдовне в 1740 г., легко приводил разные необходимые сведения, ссылаясь на собранные им материалы в течение продолжительного времени.

Не менее важно обозначить механизмы коммуникации между министрами. В историографии сложилось стройное представление о том, что Остерман был «душой» Кабинета министров, его идейным вдохновителем, и, вообще, главным действующим лицом. Однако большинством историков упускается из виду его отсутствие с 1736 г. на заседаниях Кабинета, по причине чего к нему отправляли курьеров с записками из Кабинета, на которые он давал свое мнение. Это лишний раз подтверждается тем фактом, что неоднократно в журнальных записях встречаются следующие указания: «Его сият-во Андрей Иванович приказал донести г.г. кабинет-министрам, что ...»²⁸⁴. Т.е. он не мог присутствовать при заседании министров, поэтому возникала необходимость «донести» его мнение до них. Или, например, в журнале от 19 сентября 1739 г. содержатся следующие строки: «Записка его сият-ва гр. Андрея Ивановича, 19 сентября 1739 г.» и далее идет ее краткое содержание с перечислением его указаний²⁸⁵. Иногда его краткие замечания помещались в скобки после мнений Черкасского и Волынского: «Мнение ... Андрея Ивановича того-ж 30 сентября...»²⁸⁶, «а прочее изволила апробовать, о чем и к его сият-ву, гр. Андрею Ивановичу, было сообщено, который ... согласен, токмо изволил приказать, в разсуждение, донести: ...»²⁸⁷, «гр. Андрей Иванович изволил согласиться, и о том его светлости кн. Алексею Михайловичу и его пр-ву Артемию Петровичу докладывано»²⁸⁸. Или, например, в журнальной записи 9 ноября было следующее замечание: «Тот перенаправленный формуляр сообщен был к его сият-ву, гр. И. Остерману, котораго смотря изволил согласиться; отдан 10 ноября обер-секретарю Севергину»²⁸⁹. Этот случай говорит, во-первых, о том, что журнальные записи либо

²⁸⁴ СИРИО. Т. 130. С. 298.

²⁸⁵ СИРИО. Т. 130. С. 269.

²⁸⁶ СИРИО. Т. 130. С. 318–319.

²⁸⁷ СИРИО. Т. 130. С. 364.

²⁸⁸ СИРИО. Т. 130. С. 364.

²⁸⁹ СИРИО. Т. 130. С. 466.

создавались позже, либо пополнялись через несколько дней; во-вторых, этот случай лишний раз подтверждает факт отсутствия Остермана на совместных собраниях кабинетных министров.

Итак, с 1736 г. общение с Остерманом строилось преимущественно на переписке. Сам Остерман мог сочинить свое мнение и отправить его в тот же день или предоставить его несколько дней спустя в записках, что отмечалось в журнале: «Послано с запискою марта 2»²⁹⁰.

Пунктирно в журналах по некоторым свидетельствам отражается стиль общения между А.И. Остерманом и А.П. Волынским. В журнале от 16 августа была зафиксирована «апробация» Волынского по ряду вопросов и мнения на них Остермана²⁹¹. Этот случай единичный, поэтому едва ли можно говорить о том, что окончательно резолюция принималась после ответа Остермана. Тем не менее, такой прецедент существует. В журнале от 14 декабря «А.И. Остерман, смотря реестр входящим, ноября 29 и 30, да декабря 2 чисел, с разметкою его пр-ва А.П. Волынского, изволил объявить...»²⁹².

В некоторых случаях встречается запись: «Ежели г.г. кабинет-министры об оном положили Ея И. В-ву доложить с представлением от кабинета мнения, то б изволили о том с его сият-вом обще советоваться»²⁹³. Складывается ощущение, что «первый» кабинетный министр боялся, что его могут обойти другие персоны, которые имели больше шансов на контакт с императрицей, находясь в непосредственной близости от нее. Поэтому он был вынужден в своих записках обозначать эти особые случаи, чтобы добиться обратной связи от двух других министров. Более того, по всей видимости, они могли представить ей мнение «кабинетных министров», не согласовав его с Остерманом. Е.Е. Рычаловский отмечал, что согласованность резолюции с Остерманом была «естественной»²⁹⁴, однако

²⁹⁰ СИРИО. Т. 126. С. 214.

²⁹¹ СИРИО. Т. 130. С. 106–109.

²⁹² СИРИО. Т. 130. С. 606.

²⁹³ СИРИО. Т. 130. С. 475.

²⁹⁴ Рычаловский Е.Е. Кабинет-министр А. И. Остерман и Вторая Камчатская экспедиция. С. 67.

если взять во внимание наши наблюдения, с этим тезисом можно поспорить: вероятно, такая согласованность между министрами существовала не всегда.

О несогласованности мнений и даже о напряженности отношений между министрами свидетельствует и другой факт. Судя по всему, кабинетные министры не всегда быстро откликались на просьбы Остермана, а в некоторых случаях могли даже игнорировать их. Например, от того же 16 августа есть следующие сведения: «Действительный тайный советник и кабинет-министр, гр. А.И. Остерман изволил *многokrатно* (выделено нами – *А.Л.*) требовать штата о Новгородском архиерейском доме, но оный штат рассматривали и разсуждение имели кабинет-министры...; а сего августа 10 дня его сият-во паки его требовать изволил, токмо упомянутый штат, по данной памятной записке от его светлости кн. А.М. Черкасского, взят в Петергоф»²⁹⁵. Т.е. кабинетные министры А.М. Черкасский и А.П. Волынский не посчитали необходимым предоставить Остерману требуемые сведения, несмотря на его просьбу, и оставили решение вопроса за собой. Тем не менее, Остерман все-таки не отступал, добиваясь обратной связи. Уже в журнале от 24 августа было записано: «А.И. Остерман приказал от дома Новгородскаго архиерея взять ведомость: обретающиеся при С.-Петербурге и в Нове-городе и в других местах артиллерийские сады и огороды, в каком оброке состоят и кто ими владеет»²⁹⁶. О том же свидетельствует следующая цитата: «о входящих в Кабинет делах, что его сият-во, какия есть, чрез немалое время, не видел, чтоб ему сообщаемы были»²⁹⁷. Или: «В Кабинете припомнить: о кандидатах к губерниям и к делам *многokrатное* (выделено нами – *А.Л.*) от меня (Остермана – *А.Л.*) напоминанье было, не угодно-ли будет когда *ко мне приехать* (выделено нами – *А.Л.*) для общаго о том разсуждения; об отдаче питейных дворов и об учинении о том определения – дело нужное и требует *общее разсуждение* (выделено нами – *А.Л.*) (Записка писана рукою его сият-ва,

²⁹⁵ СИРИО. Т. 130. С. 109.

²⁹⁶ СИРИО. Т. 130. С. 155.

²⁹⁷ СИРИО. Т. 130. С. 406.

графа А.И. Остермана)»²⁹⁸. По наиболее важным вопросам Остерман требовал присылать ему доклады, как в случае с назначением нового прокурора на место Толбугина, когда А.И. Остерман «приказал из упомянутого сенатского сообщения и из приложений сделать краткий экстракт для доклада, понеже во оном сообщении не об одном прокуроре и деньгах написано, но и о прочих некоторых делах, которыя *обще и решить надлежит* (выделено нами – *А.Л.*)»²⁹⁹.

Вряд ли Остерману забывали присылать требуемые им доклады. Скорее, это делалось намеренно, так как реально у него было мало шансов повлиять на действия министров, имевших возможность личного обращения к императрице. О таком пренебрежении можно судить и по другим источникам, не только кабинетным журналам. В период с 21 ноября по 16 декабря 1739 г. в доме Остермана прошло два заседания Кабинета, которые проходили в рамках обсуждения формы собственности казенных заводов (в том числе приватизационный проект А.-К. Шемберга). Остерман составил конспект этого совещания из которого следует, что после второго дня два кабинетных министра – Волынский и Черкасский – решили написать общее мнение, после чего «паки съехатся, вместе апробовать и подписать (т.е. приехать к Остерману, вместе с ним согласовать и подписать – *А.Л.*)». Однако, этого не произошло. Остерман «многократно» (!) напоминал министрам «о скорейшем поспешествовании того дела». Только через несколько дней к нему пришел кабинет-секретарь и объявил, «что оба господина кабинетныя министры мнение свое написали. Которому я приказал у них спросить, что будут ли они по данному обещанию ко мне для заключения сего дела. На что поныне ответа не получал»³⁰⁰. То есть два кабинетных министра решили необязательным согласовывать «общее» мнение с Остерманом, проигнорировав его напоминания и не удостоив его объяснением причины такого поступка.

²⁹⁸ СИРИО. Т. 130. С. 557.

²⁹⁹ СИРИО. Т. 130. С. 139.

³⁰⁰ РГАДА. Ф. 151. Д. 64. Л. 23–23 об.

Так как Остерман эти годы действительно работал дома, а кабинетные министры могли не отвечать на некоторые его запросы, то становится понятным: поддерживать свой авторитет будучи на расстоянии от места событий было достаточно сложно. Отсюда и указания Остермана в особых случаях «обще советоваться», прежде чем предоставлять решение от лица Кабинета министров императрице (что, видимо, имело место), или его повторные просьбы присылать тот или иной материал.

Обратимся к мнениям и распоряжениям А.И. Остермана, отраженных в журнале 1739 г. Всего журнальных записей за 1739 г. – 212³⁰¹. Из них в 40 журналах зафиксировано мнение или распоряжение Остермана, что составляет около 19% от общего количества. Однако, в каждой журнальной записи могло обозначаться от 1 до 15 и более распоряжений или мнений, что создает определенную трудность при подсчете тех или иных мнений / распоряжений по выделенным нами рубрикам, поэтому мы подсчитали их отдельно и получили цифру 208 (распоряжений или мнений Остермана в Кабинете министров за 1739 г.). Далее мы выделили следующие рубрики: армия, кабинет министров, кадровая политика, международная политика, следственная комиссия и судебные вопросы, (торгово)-промышленная политика, финансы, флот, церковь, другое. Прежде чем обозначить результаты, важно отметить следующее: границы между этими рубриками достаточно размыты, так как одно и то же его рассуждение можно отнести одновременно сразу к разным тематическим блокам. Уже этот факт является дискуссионным, тем не менее, мы пришли к следующим результатам, высчитывая процент каждого из мнений по рубрикам, приняв 208 за 100%.

- финансы – 48 мнений / распоряжений (23%)
- кадровая политика – 48 мнений распоряжений (23%)
- армия – 40 мнений / распоряжений (19%)
- (торгово)-промышленная политика – 24 мнения / распоряжения (11%)

³⁰¹ СИРИО. Т. 126, 130.

- другое – 14 мнений / распоряжений (7%)
- следственные комиссии и судебные вопросы – 12 мнений / распоряжений (6%)
- кабинет министров – 10 мнений / распоряжений (5%)
- флот – 4 мнения / распоряжения (2%)
- международная политика – 4 мнения / распоряжения (2%)
- церковь – 4 мнения / распоряжения (2%)

Таким образом, преимущественно в область компетенции Остермана входили вопросы, относящиеся к финансам, кадровой политике и армии. Интересно, что международная политика – по сути, главная сфера деятельности Остермана по должности, в Кабинете почти никак не отражена, как и флот, к которому ранее он проявлял интерес. Тем не менее, если учесть, что мнений Остермана в целом всего лишь 19% от общих рассуждений министров, то остальной 81% вопросов обсуждался без него и решения принимались так же без него, отсюда неоднократные напоминания министрам со стороны Остермана о необходимости прислать ему документы, которые он не видел ранее или которые он уже требовал, но не получал обратной связи. Располагая этими цифрами, можем ли мы говорить о всесии Остермана и его доминирующей роли как минимум в 1739 г.? Такое резкое ослабление позиций вице-канцлера связано с растущим влиянием А.П. Волынского и невозможностью ему противостоять, поскольку перманентная болезнь Остермана вынужденно удерживала его от центра событий.

Обратимся к содержательному анализу его мнений. В своей монографии В.Н. Строев уже останавливался подробно на блоках решаемых министром вопросов. Но в своих рассуждениях он не обозначал роль и позицию Остермана. Поэтому к ним обратимся мы.

Механизм взаимодействия между Остерманом и Кабинетом министров во время его пребывания в доме был следующим. Отвечая на то или иное доношение / доклад,

Остерман составлял свое письменное мнение в виде «записки», которое попадало потом в канцелярию Кабинета и фиксировалось в журнале. При этом, как было отмечено, он мог присылать свои мнения за несколько предыдущих дат сразу. А далее из Кабинета указания попадали к секретарям тех учреждений, к чьему ведомству относились эти вопросы. Он давал мнения, распоряжения, рекомендации (в том числе, «к рассмотрению...») или просто отметки о том, что (не) ознакомлен с делом или требовал известия / ведомости.

Судя по процентному соотношению, наиболее часто Остермана привлекали к обсуждению финансовых и кадровых вопросов. Что касается первых, то спектр решаемых проблем был достаточно широк. Можно очень условно и с большой оговоркой выделить несколько областей его финансовой компетенции: 1) вопросы, касающиеся доимок: «о сложении сей доимки, по силе указа 18 ноября прошлаго 1732 года, надлежит доложить Ея И. В-ву»³⁰², «о выключке Костромскаго Ипатскаго монастыря запустелых мельниц и о невзыскании доимки»³⁰³; 2) рабочий вопрос: «Тульскому и Калужскому воеводам, для заготовления угля, употреблять тех крестьян и купцов, кои сидят за караулом... зимою по 4 коп., а летом по 5 коп. на день, и из того, чтоб половину им на корм, а другую – в уплате имеющейся на них доимки»³⁰⁴, «кто за какую-либо доимку в такую работу употреблен будет и хотя-б он мог, чрез свои труды и ремесло, против того, что ему при той работе платиться будет, весьма больше достать, или у кого по случаю занять, то уже, будучи в работе, ничего того сделать будет некогда и тако о сыскании денег, в платеж доимки, вся надежда отыметя»³⁰⁵; 3) пошлины, налогообложение, сборы: о «пропуске из Литвы вина до 50000 ведер, в том числе в нынешнем лете 20000, да в 740-м году 30000 ведер», но в том случае, если «он (обер-гоф-комиссар Липман – А.Л.) надлежащая пошлины

³⁰² СИРИО. Т. 130. С. 107.

³⁰³ СИРИО. Т. 130. С. 127. См. также: СИРИО. Т. 126. С. 391, 454; Т. 130. С. 102, 103, 106, 128, 207, 466, 654.

³⁰⁴ СИРИО. Т. 130. С. 102.

³⁰⁵ СИРИО. Т. 130. С. 102–103. См. также: СИРИО. Т. 130. С. 431, 606.

заплатит»³⁰⁶, «о взятъе с живущих близ границ ясашных тайшей и зайсангов и улусных людей, ясаку, за неимением у них зверей, по прежнему деньги отослать к Сибирскому вице-губернатору Лангу...»³⁰⁷, «Остерман приказал требовать известия: ... о сборе табачном... о кабацком сборе»³⁰⁸; 4) денежное обращение: «по доношению монетной канцелярии оставшие от посылки ефимки с щербинами и с пленами переделать в российскую монету, а российские червонные в расход без особливаго указа употреблять не велеть»³⁰⁹; 5) штрафы: «мнится, что такого штрафа вдруг складывать не надлежит для того, что ослушникам о неплатеже чрез то подастся повод и, вместо того, разсуждается, резолюцию изготовить на таком основании»³¹⁰, «что когда, по указу, (не) надлежит таких дел отправлять на гербовой бумаге, то и в штраф вменять того не надобно»³¹¹; 6) устав о «банкрутах», составление окладных книг³¹²: «о банкрутах (банкротах) рассмотреть, призвав знающих людей в таких делах, чтоб учинить такой устав, который-бы на все времена мог быть тверд и безпорочен»³¹³, «понеже во учинении таких новых окладных книг крайняя государственная нужда состоит, для пресечения единожды всех до сего времени происходящих великих непорядков и конфузий»³¹⁴; 7) оценка имущества: «из сего доклада усмотрено, коим образом в оценке деревень так несправедливо поступается, что к великому казенному убытку касается, ибо, ежели по такой оценке те деревни проданы будут, то только купцам одним оттого польза и прибыль, того ради потребно такая оценки в разсуждение взять и об оных порядочное определение учинить»³¹⁵; 8) распределение финансовых потоков: «по доношению от строения Троицкаго Александровскаго монастыря о деньгах, по которому прочие г.г. министры изволили разсудить,

³⁰⁶ СИРИО. Т. 126. С. 390.

³⁰⁷ СИРИО. Т. 130. С. 127.

³⁰⁸ СИРИО. Т. 130. С. 199. См. также: СИРИО. Т. 126. С. 391, 470; Т. 130. С. 103, 206, 495.

³⁰⁹ СИРИО. Т. 126. С. 391.

³¹⁰ СИРИО. Т. 130. С. 106.

³¹¹ СИРИО. Т. 130. С. 107. См. также: СИРИО. Т. 130. С. 128, 405.

³¹² См. также: Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. С. 252.

³¹³ СИРИО. Т. 130. С. 127–128.

³¹⁴ СИРИО. Т. 130. С. 127–128.

³¹⁵ СИРИО. Т. 130. С. 207.

чтоб отпустить 3000 руб. ... его сият-во (А.И. Остерман – А.Л.) изволил разсудить, что деньги на расплату монастырским людям отпустить надлежит, токмо, сколько в прошедшем лете в том монастыре какого строения учинено... взять ведомость»³¹⁶.

В равной степени Остерман занимался вопросами кадровой политики. В основном, это были вопросы 1) жалованья (например, сенаторам³¹⁷, канцелярским служителям³¹⁸ и др.); 2) кадровых перемещений, назначений: «по доношению ген.-лейт. и лейб-гвардии Измайловскаго полка подполковника барона фон Бирона о произведении лейб-гвардии-ж в Преображенский полк ... в капитаны доложить Ея И. В-ву»³¹⁹, «г. дейст. статский советник фон Бреверн отдал челобитную скотляйской (шотландской) нации дворянина Джона Друмонда, и притом объявил, что его сият-во гр. Андрей Иванович приказал онаго дворянина принять в службу прапорщиком»³²⁰, «Остерман приказал донести его светлости, кн. А.М. Черкасскому, чтоб генерала-лейтенанта барона фон-Любераса напредь отправить в Кронштадт и там велеть ему строить и починивать Кронштадтской крепости...»³²¹.

В процентном соотношении вопросам финансовой и кадровой политики немного уступали вопросы военного характера. В них также можно выделить свои подрубрики, как в случае с предыдущими: 1) распределение личного состава воинских частей и подразделений: «к генералу-лейтенанту фон Бисмарку... то, хотя присланные к нему солдаты малорослы и негодны, об оных надлежало ему доносить, а, не отсылая обратно, употребить в полки в денщики и профосы и другие нижние чины»³²²; или на доклад из военной коллегии «об оставлении в Москве из марширующих двух полков поровну» Остерман имел мнение «оставить из обоих полков по половине роты, которых

³¹⁶ СИРИО. Т. 130. С. 366. См. также: СИРИО. Т. 126. С. 447–448; Т. 130. С. 103, 606.

³¹⁷ СИРИО. Т. 126. С. 448,

³¹⁸ СИРИО. Т. 126. С. 454. См. также: СИРИО. Т. 126. С. 470; Т. 130. С. 127, 201, 207, 208, 366, 495, 654.

³¹⁹ СИРИО. Т. 126. С. 470.

³²⁰ СИРИО. Т. 126. С. 548.

³²¹ СИРИО. Т. 130. С. 8. См. также: СИРИО. Т. 130. С. 128, 201, 208, 226, 269, 298, 364, 417, 653.

³²² СИРИО. Т. 126. С. 390

укомплектовать в Москве рекрутами и сделать из них полные две роты»³²³; 2) артиллерийские припасы: «о даче рижским мещанам заимно артиллерийских припасов с полученной от них росписи, сколько чего потребно...»³²⁴, на сообщение «из Сената об отправлении артиллерийских припасов наемных подвод... подтвердить»³²⁵; 3) материальные запасы армии и флота: Остерман требует «в Адмиралтейство об отпуске материалов подтвердить, чтоб потребных отпускали»³²⁶ или «по доношению из Казанской губернской канцелярии, – чтоб посланные из той губернии в военную коллегию, взятые у тамошних суконных фабриканов, сукна и об них доношение взять из той коллегии»³²⁷; 4) строительство и фортификация: «по доношению ... о приготовлении лесов, 2000 дерев, к перновской фортификации... справиться о тех публичных мызах – каковы оне, и у кого во владении, и не возможно-ли из Нарвы, купя тамо такого леса, туда водою отправить»³²⁸.

В два раза меньше Остерман занимался вопросами торгово-промышленной политики³²⁹. В ней мы выделяем следующие подрубрики: 1) вопросы, связанные с деятельностью Шемберга, Шифнера и Вульфа: «генералу берг-директору Шембергу объявить, или на его доношение резолюцию подписать: что по именному Ея И. В-ва указу об отдаче купцам Шифнеру и Вульфу железа 500000 пуд., или денег 20000 р. объявлено, и оные взяли на отписку к своим корреспондентам, а как ответ получен будет, тогда о том ему, Шембергу, сообщено быть имеет»³³⁰; или его мнение «когда Шифнер и Вульф внутреннюю пошлину не платили, то, кажется, и с него, генерал-берг-директора [Шемберга – А.Л.], требовать не надлежит, понеже железо ему на тех-же кондициях отдано, на которых упомянутым купцам оное отдано было»³³¹; 2) торговля, купеческие дела: «о пропуске из Литвы поташа 120 бочек мнения дать не может, дабы здешняго торгу

³²³ СИРИО. Т. 130. С. 201. См. также: СИРИО. Т. 130. С. 127, 130, 208, 209, 234, 269, 405, 494.

³²⁴ СИРИО. Т. 130. С. 141.

³²⁵ СИРИО. Т. 130. С. 207. См. также: СИРИО. Т. 130. С. 108, 130.

³²⁶ СИРИО. Т. 130. С. 200.

³²⁷ СИРИО. Т. 130. С. 495. См. также: СИРИО. Т. 130. С. 155.

³²⁸ СИРИО. Т. 130. С. 130. См. также: СИРИО. Т. 130. С. 200.

³²⁹ См., например: СИРИО. Т. 126. С. 390,

³³⁰ СИРИО. Т. 126. С. 390.

³³¹ СИРИО. Т. 130. С. 141–142.

не испортить, разве позволить с таким обязательством, чтоб по привозе отдавать в казну на брак, и когда тот поташ такой-же доброты будет, как российский, за оный деньги ем платить по той-же цене, по чему на российских заводах и с провозом становится, а будь поплоче, то против того, по пропорции худобы, с уступкою»³³²; «(на сообщение из Сената о продаже в Ревеле казенного ячменя) с сенатским мнением согласен, токмо прибавлю, чтоб в крупу и в солод переделывать и употреблять для солдат и морских служителей»³³³;

3) фабрики: «об отдаче железных его (Панкрата Рюмина – *А.Л.*) заводов иноземцам – Белому и Янковичу – какие между ними контракты учинены ... и для чего тогда ..., доимки удержать велено, и для владения упомянутым иноземцам оных заводов из коммерц-коллегии и той коллегии от контор указы и печатная привиллегия в какой силе даны, и потом чего ради повелено ему со оными иноземцами ведаться судом»³³⁴;

4) отношения с Китаем («китайский караван»): «о вывозе золота из Китая на границу – надлежит смотреть подлинное-ж дело»³³⁵; «понеже с китайским государством всегда как о границах и о перебежчиках и о коммерции, так и других всяких делах всегда дела будут, и потому небезпотребно, дабы при караване по прежним примерам, такой человек был, который бы и о тех делах наставлен и в состоянии быть мог китайским министрам, когда оные о нем говорят, надлежащий ответ дать, того ради на место Ланга определить другого пристойнаго человека... к чему может быть Евреинов способен... а при караване в главные директоры представленнаго Фирсова»³³⁶.

Еще один круг вопросов, которым занимался Остерман, включал в себя судебные вопросы. К их числу относились, например, экстраординарное наказание «по доношению от полка конной лейб-гвардии о рейтаре Иване Кириллове в смертном убийстве, в городе Путивле, Нарвскаго пехотнаго полку солдата Никиты Ледюхина»³³⁷. При этом Остерман

³³² СИРИО. Т. 126. С. 390.

³³³ СИРИО. Т. 130. С. 201. См. также: СИРИО. Т. 126. С. 548; Т. 130. С. 207, 420.

³³⁴ СИРИО. Т. 130. С. 102. См. также: СИРИО. Т. 130. С. 101, 318–319, 365.

³³⁵ СИРИО. Т. 130. С. 127.

³³⁶ СИРИО. Т. 130. С. 196–197. См. также: СИРИО. Т. 130. С. 128, 212.

³³⁷ СИРИО. Т. 126. С. 454.

не на все мог дать свое мнение, как это, например, было в случае «на два сообщения из Сената – по первому о смертном убийстве крестьянами адмирала гр. Головина монастырских крестьян, по второму – о не посылке в Иркутск для следствия», потому что «те оба сообщения» оказались Остерману «не объявлены». В таких ситуациях граф писал: «мнения объявить не могу»³³⁸.

В рубрику «Кабинет министров» мы поместили те замечания Остермана, которые позволяют сделать некоторые выводы о механизмах взаимодействия между двумя кабинетными министрами: А.М. Черкасским и А.П. Волынским, находившимися во дворце, и А.И. Остерманом. В связи с этим показательное замечание последнего по поводу лошадей кабинетных курьеров: «По доношению кабинетных ездовых, ежели они для беспрестанной езды... желают содержать своих собственных по другой лошади, только требуют ... фураж, в том позволить можно...»³³⁹.

Достаточно скромным оказался круг дел, касающийся флота. Мы насчитали только 4 высказанных в отношении него мнения Остермана: о строении судов и высланных к тому людей³⁴⁰, упоминание о тревоге в Кронштадте (мнение не высказал)³⁴¹, требование ведомости о расходах Адмиралтейств-коллегии³⁴², о строении кораблей и фрегатов³⁴³. Интересно, что, несмотря на заинтересованность Остерманом делами флота, ему не доверяли каких-либо значимых в этой области вопросов.

Возможно, покажется странным, однако в Кабинете Остерман практически не занимался вопросами международного характера, несмотря на его признанный статус творца внешней политики. Они касались лишь третьестепенных сюжетов, к примеру,

³³⁸ СИРИО. Т. 130. С. 130. См. также: СИРИО. Т. 130. С. 134, 141, 201, 208, 212, 366, 484, 606.

³³⁹ СИРИО. Т. 126. С. 390. См. также: СИРИО. Т. 130. С. 109, 128, 131, 139, 406, 475, 557, 654.

³⁴⁰ СИРИО. Т. 126. С. 391.

³⁴¹ СИРИО. Т. 130. С. 128.

³⁴² СИРИО. Т. 130. С. 139.

³⁴³ СИРИО. Т. 130. С. 408.

положения турецких пленных, которых следовало «тяжкими работами не утверждать, а употреблять бы их к легким работам»³⁴⁴.

В той же небольшой степени Остерман был компетентен в вопросах церкви. Среди его мнений есть упоминание о мемориалах «от Свяжскаго архимандрита Алексея об обращении иноверцев», с просьбой Остермана рассмотреть и предоставить ему свое мнение (или «в Кабинет»)³⁴⁵; о штрафе на не присягнувших священниках; а также «учинение накрепкого реприманда» архиерею Сибирскому за «непорядочный ... поступок»³⁴⁶.

В рубрику «Другое» вошел ряд мнений / распоряжений Остермана, который было невозможно ввиду их обособленности отнести к любому из перечисленных разделов. Например, Остерман отдал распоряжение «по доношению кадетского корпуса директора фон Теттау ... экзамен отложить, а впредь экзаменовать в году по дважды»³⁴⁷ или «по прошению имеретинской царевны – доложить Ея И. В-ву»³⁴⁸.

Далее обратимся к журналам 1740 г. Они не были опубликованы в СИРИО, т.к., по словам Филиппова, были утрачены³⁴⁹. Это справедливо в отношении беловых журналов. Однако в ходе наших архивных исследований мы нашли черновые журналы 1740 г., которые позволяют частично восполнить утрату беловых записей.

Остерман все еще работал, находясь дома (это дополнительно указывает на то, что его отсутствие в Кабинете было действительно обусловлено болезнью, а не конфликтом с Волынским). Подавляющее количество распоряжений / мнений Остермана связано с кадровой политикой (15). Не меньше он занимался вопросами военного характера – как армией, так и флотом (9), и примерно в равной степени проблемами финансов, торгово-промышленной политики или судебной практики (по 5). При бытности Волынского в

³⁴⁴ СИРИО. Т. 130. С. 495. См. также: СИРИО. Т. 126. С. 132; Т. 130. С. 208, 227.

³⁴⁵ СИРИО. Т. 126. С. 214.

³⁴⁶ СИРИО. Т. 126. С. 290. См. также: СИРИО. Т. 126. С. 214, 470.

³⁴⁷ СИРИО. Т. 126. С. 391.

³⁴⁸ СИРИО. Т. 126. С. 455. См. также: СИРИО. Т. 130. С. 128, 201, 202, 208-210, 495, 653.

³⁴⁹ СИРИО. Т. 104.

составе Кабинета, Остерман испытывал едва скрываемое раздражение к последнему. Также его задевала почти открытое пренебрежение к собственной персоне. Иногда это видно в словах графа. Например, на вопрос министров (Волынского и Черкасского) от 20 февраля 1740 г., когда есть у Остермана время для решения совместного вопроса, последний ответил, что «его сият-ву время всегда есть»³⁵⁰. Ситуация меняется с удалением третьего министра³⁵¹. 15 июня Остерман приказал для записи в журнале отметить, что прежде чем передавать императрице для доклада или подписи материал, он должен пройти сначала через Остермана, а без этого «не докладывать»³⁵².

Все изменилось осенью 1740 г. По свидетельству Э. Миниха, 6 октября 1740 г. (он ошибается – это произошло 5 октября³⁵³) императрице за столом стало плохо, она упала в обморок и ее отнесли в постель³⁵⁴. Это стало своеобразным сигналом для приближенных императрицы к необходимости принятия официального решения о дальнейшей судьбе российского престола. Миних вспоминал, что вечером того же дня, у Э.-И. Бирона состоялось совещание с Б.-Х. Минихом, А. М. Черкасским, А. П. Бестужевым-Рюминым и гр. Р.-Г. Левенвольде, по итогам которого герцогу было предложено стать регентом. Однако Остерман, в отличие от двух других кабинетных министров, на нем не присутствовал из-за своей болезни. Как подчеркивал автор мемуаров, в этот раз у него была «действительная подагра в обеих ногах»³⁵⁵. В связи с этим Бирон, указав на ряд мер, которые необходимо принять («паче всего необходимо молодого принца Иоанна объявить наследником престола и ему учинить присягу в верности»), предложил «обо всем оном рассудить и сообразить с графом Остерманом»³⁵⁶. После этого участники совещания отправились к Андрею Ивановичу. Последний, узнав о результатах совещания с Бироном, «немедленно при величайших знаках усердия согласие свое изъявил, присовокупя, что

³⁵⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1196. Л. 10.

³⁵¹ О деле Волынского см. подробнее: Курукин И.В. Артемий Волынский. М., 2011. 448 с.

³⁵² РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1196. Л. 256.

³⁵³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 304. Л. 11 об.

³⁵⁴ Миних Э. Записки графа Эрнста Миниха. С. 382.

³⁵⁵ Миних Э. Записки графа Эрнста Миниха. С. 384.

³⁵⁶ Миних Э. Записки графа Эрнста Миниха. С. 384.

если герцог Курляндский в нерешимости своей останется, то надлежит самую императрицу утруждать, дабы она преклонила его к тому»³⁵⁷. После этого «тем же часом» был составлен манифест о престолонаследии. Это произошло при участии Остермана и в его доме. Схожее описание приводится в анонимных замечаниях³⁵⁸.

Наиболее значимые сановники империи поддерживали кандидатуру герцога Курляндского. Однако именно Остерман «взял на себя ... предложить императрице» кандидатуру Бирона в качестве регента³⁵⁹. И.В. Курукин предложил иную картину событий. По его мнению, на Остермана надавили, чтобы тот поддержал кандидатуру Бирона³⁶⁰. Так или иначе, надолго в своих руках власть регент не удержал. Спустя почти месяц его заменила мать императора, Анна Леопольдовна.

После удаления Бирона от власти, влияние Остермана вновь стало расти. Складывалась благоприятная ситуация: главные политические конкуренты Остермана сошли со сцены, царствующая семья к нему была расположена. Поэтому граф решил воспользоваться случаем и предоставить регентше большой проект, в котором была представлена новая программа реформирования государства. Как заметил Н.Н. Петрухинцев, она, по сути, почти соответствовала «логике и структуре» программы 1 июня 1730 г.³⁶¹, предложенной десятилетием ранее другой Анне. Однако она не успела реализоваться, так как спустя год к власти пришла Елизавета Петровна. Да и был ли у этой программы шанс на успех? На смену бывшему фавориту пришли новые лица, не желавшие разделять власть с Остерманом (Б.-Х. Миних и М.Г. Головкин, на тот момент – оба кабинетных министра). К тому же Остерман продолжал работать дома, что тоже не способствовало восстановлению его авторитета. Неслучайно поэтому английский резидент Финч дал следующую характеристику Остерману в начале 1740-х гг.: «Этот министр... ни о чем кроме дел не помышляет, и представляет собою какого-то

³⁵⁷ Миних Э. Записки графа Эрнста Миниха. С. 385.

³⁵⁸ Неизвестный автор. Замечания на «Записки о России генерала Манштейна». С. 438–440.

³⁵⁹ Миних Э. Записки графа Эрнста Миниха. С. 385.

³⁶⁰ Курукин И.В. Анна Леопольдовна. С. 74.

³⁶¹ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 29.

чернорабочаго»³⁶². В связи с этим необходимо привести наблюдения Шетарди об Остермане, сделанные еще в 1736 г. Согласно его словам, Остерман был занят «единственно мыслию удержаться на месте во время частых дворских бурь» и стремился не «пристать к которой либо партии». Шетарди отмечал, что «тишина в правительстве есть для него лекарство» и «на нем одном лежит вся тяжесть дел, и хотя его правила, совершенно нейтральные, не внушают обыкновенно много доверия, однако принуждены прибегать к нему, потому что не знают, как обойтись без этого человека»³⁶³. Следует также привести и характеристику Остермана, данную Э. Минихом в его воспоминаниях. Согласно им, Остерман «сделался необходимым своим искусством в политических делах, обширными познаниями внутреннего состояния империи и преизящным слогом в сочинениях»³⁶⁴. Все это более чем подчеркивает роль Остермана как ранненовременно бюрократа, а не придворного интригана.

Наша характеристика деятельности Остермана как кабинет-министра не будет полной, если мы не упомянем его работу с проектами, которые ему подавались от разных персон как кабинет-министру. Всего, согласно описи проектов, найденных в конфискованных бумагах А.И. Остермана, к моменту его ареста в 1741 г. у него хранилось не менее 78 различных проектов. Они были распределены по следующим тематическим группам: 1) 10 проектов о коммерции, 2) 2 проекта о поселении в России гугенотов, 3) 14 проектов и мнений по разным делам, 4) 6 проектов, касающиеся Украины, 5) 7 проектов о наборе рекрутов и создании конных заводов, 6) 6 документов о государственных доходах, 7) 10 о винокуренных заводах, 8) 4 проекта о рудокопных заводах, 9) 5 проектов об учреждении консистории и ревизионных судей, 10) 5 представлений о денежном обращении, 11) 7 проектов, касающиеся Сената, 12) проект о Морской академии и принадлежащей к ней школ, 13) 6 проектов об академии наук и художеств, 14) проект об

³⁶²СИРИО. Т. 91. С. 302.

³⁶³ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. С. 2.

³⁶⁴ Миних Э. Записки графа Эрнста Миниха // Перевороты и войны. М., 1997. С. 339.

уменьшении пыток и доношениях в Юстиц-коллегию³⁶⁵. Какие-то из них могли быть написаны при участии Остермана, как это было в случае с проектом о Морской академии³⁶⁶. Однако все же их основная часть не была создана Остерманом.

Нередко проекты, подаваемые Остерману, судя по всему, оставались без движения, и это касалось не только бумаг авторства безвестных прожектеров, а и довольно значимых персон. Так, на бумаге остался проект экономических преобразований на Гетманской Украине, поданный в 1733 г. Генералом графом И.Б. Вейсбахом³⁶⁷. Однако есть и свидетельства о том, что какие-то проекты Остерман мог и поддержать. Согласно мемуарному свидетельству В.Н. Татищева, в 1737 г. кабинетным секретарем А. Яковлевым Остерману был «представлен» проект о закладных имениях, и он смог провести эту инициативу «без сообщения прочим министрам»³⁶⁸ (правда, на тот момент в Кабинете заседал лишь А.М. Черкасский), так что 1 августа 1737 г. Анна Иоанновна утвердила соответствующий именной указ³⁶⁹.

Другая поддержанная Остерманом инициатива касалась института прокуратуры. В первый год правления Анна Иоанновна издала манифест о восстановлении должностей генерал- и обер-прокуроров при Сенате³⁷⁰. В ее правление было издано еще несколько правовых актов, регламентирующих их работу. В целом, статус и состав прокуроров не был четко зафиксированным. При Анне Леопольдовне проблема определения статуса прокуроров вновь была актуализирована. Как указывал Ю.В. Готье, «в ноябре или декабре (1740 г. – *А.Л.*) кто-то поднял вопрос о совершенном упразднении прокурорского надзора». Он же указывает на возможного инициатора (после изучения «манифеста о винах Остермана, Миниха и их единомышленников») – близкого к Остерману генерал-

³⁶⁵ РГАДА. Ф. 11. Д. 393. Л. 1–2 об.

³⁶⁶ См.: Федюкин И.И. Граф А.И. Остерман и проект реформирования Морской академии // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России первой половине XVIII века. М., 2015. С. 176–218.

³⁶⁷ См.: Лазарев Я.А. Проект экономических преобразований на Гетманской Украине генерала И.Б. Вейсбаха 1733 г. // Славянский альманах 2016. Вып. 3–4. М., 2016. С. 56–78.

³⁶⁸ Татищев В.Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. С. 281.

³⁶⁹ ПСЗ–I. Т. X. № 7339. С. 229–233.

³⁷⁰ ПСЗ–I. Т. VIII. № 5625. С. 326.

лейтенанта Хрущева. Следовательно, ученый приходит к выводу, что «проект уничтожения прокурорского надзора исходил от всесильного» Остермана³⁷¹. Однако по другим сведениям инициатором выступил профессор Хр.-Ф. Гросс, который также был приближен к Остерману³⁷². Так или иначе, сам Остерман во время допросов признавал, что поддержал данную инициативу, так как «от прокуроров в делах остановка происходила»³⁷³. Конечно, решение по этому вопросу осуществлялось Кабинетом министров в диалоге с Сенатом, тем не менее, и Гросс, и Хрущев имели доступ к Остерману, поэтому у них были все шансы передать ему (а не кому-то из других кабинет-министров) этот проект и оказать влияние на последнего, чтобы он его поддержал и выступил в качестве проводника идеи.

Итак, Остерман как кабинет-министр выступал не только со своими проектами, а и рассматривал чужие инициативы. Однако поддержке удавались, прежде всего, те проекты, которые исходили из круга его доверенных людей.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В 1730–1731 г. Остермана можно назвать неформальным советником и даже фаворитом императрицы, обладавшим ее доверием в том числе и во внутренней политике. Соответственно, ему поручались такие вопросы, как определение кадровой политики нового монарха и составление внутривластной «программы». Как результат, Остерман получил возможность для воплощения некоторых своих идей в жизнь (департаментская реформа Сената, создание Кабинета министров). По сути, он был одним из немногих специалистов, к тому же умелым царедворцем, знающего двор изнутри, которого Анна приблизила к себе. Влияние Остермана было институционализировано при создании Кабинета, в котором он был бессменным министром. Пребывая в этом статусе, он в первые годы работы имел практически постоянный доступ к императрице, что фиксировалось в журналах, лично к

³⁷¹ Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. II. М., 1941. С. 9.

³⁷² Левин Л.И. Ученый и дипломат Христиан Фридрих Гросс по письмам и документам // Немцы в России: российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 19.

³⁷³ РГАДА. Ф. 6. Д. 304. Л. 32–32 об.

ней ходил с докладами. Круг обсуждаемых ими вопросов и, соответственно, определенную сферу влияния Остермана сложно описать, так как взаимоотношения между ним и царствующей особой, в основном, строились на неформальном общении. Однако его влияние не было безраздельным, так как и другие министры имели доступ к Анне Иоанновне. Более того, с 1732 г. при дворе стало усиливаться положение Бирона, а вместе с этим – его влияние на все сферы политики. В лице нового временщика Остерман обрел политического конкурента за влияние на Анну. Кроме того, здоровье графа ухудшилось, с весны 1736 г. он не имел возможности посещать собраний, а также, что не менее важно, и саму императрицу. В совокупности это привело к потере позиций при дворе. Вместе с ослаблением влияния на императрицу Остерман терял возможности для реализации собственных внутривнутриполитических инициатив. Однако это не означало его отстранения от внутренней политики как таковой. К концу 1730-х гг. «первый кабинетный министр» в своей государственной деятельности был погружен в решение множества повседневных вопросов управления империей, оказавшись в роли «чернорабочего» (Финч), заваленного ворохом бумаг, циркулировавших в Кабинете министров. После свержения Бирона (что означало удаление его главного политического конкурента), при новом правительстве Остерман попытался реабилитироваться и вернуть позиции, предложив регентше возможный проект внутривнутриполитического курса. Однако он все же не нашел достаточной поддержки, как это было при Анне Иоанновне, оформившей законодательно некоторые из его идей.

Глава 3. Реформаторская деятельность А.И. Остермана

3.1. Законодательное регулирование престолонаследия

Передача власти в монархическом государстве являлась одной из ключевых проблем государственного устройства, ведь от этого нередко зависела политическая стабильность в стране. А.И. Остерман не мог не учитывать этого и, благодаря своему высокому положению, оказался способным самым непосредственным образом повлиять на правовое регулирование престолонаследия в России.

Как хорошо известно, 5 февраля 1722 г. Петр I принял Устав о престолонаследии, согласно которому самодержцы сами выбирали себе преемника: «Благоразсудили Мы сей устав учинить, дабы сие было всегда в воле Правительствующаго Государя, кому Оной хочет, тому и определить наследство, и определенному, видя как непотребство, паки отменить»³⁷⁴. К этому законодательному акту прилагалось «Клятвенное обещание», в котором присягнувший обещал принять волю монарха в выборе наследника. Однако в Уставе не была прописана процедура утверждения наследника. Кроме того, в нем ничего не говорилось, что делать в случае, если монарх не оставит ясно выраженной воли о том, кому передать престол. Ничего не было сказано и об институте регентства. С одной стороны, Устав впервые в российской истории законодательно регулировал престолонаследие. С другой стороны, в нем не были прописаны все возможные ситуации с наследованием престола, которые могли возникнуть после смерти монарха. Первая спорная ситуация, связанная с такой непроработанностью Устава, возникла уже после смерти его создателя. Петр I умер, не назначив наследника. После этого началась борьба

³⁷⁴ ПСЗ. Т. VI. № 3893. С. 496–497.

двух придворных группировок, одна из которых желала увидеть на престоле жену умершего императора — Екатерину, другая — его внука Петра Алексеевича³⁷⁵.

Пришедшая в результате этой борьбы к власти Екатерина I не без помощи советников решила не повторять ошибок мужа³⁷⁶ и оставила после себя завещание, которое было оглашено после ее смерти 7 мая 1727 г. Согласно этому нормативному акту наследником российского престола стал малолетний внук Петра I — Петр Алексеевич. До наступления его совершеннолетия страной управлял Верховный Тайный Совет³⁷⁷, который получал «полную власть Правительствующаго Самодержавнаго Государя» за исключением права «определения о сукцессии». Петр II также не мог до своего совершеннолетия назначить себе наследника. В то же время была возможность его преждевременной смерти. На этот случай в завещании содержался следующий пункт: «Ежели Великий Князь без наследников преставится, то имеет по нем Цесаревна Анна с своими Десцендентами, по ней Цесаревна Елисавета и Ея Десценденты, а потом Великая Княжна и Ея Десценденты наследовать, однакож мужеска полу Наследники пред женским предпочтены быть имеют»³⁷⁸.

Опасения сановников оказались неслучайными. Петр II умер 19 января 1730 г. К этому моменту он уже был формально совершеннолетним, так что нормы завещания Екатерины I о том, кто должен был наследовать престол в случае его смерти, не имели юридической силы. В то же время он не оставил распоряжений о престолонаследии. В стране наступило междоусобице, которое привело к воцарению Анны Иоанновны.

Согласно мемуарам Э.-И. Бирона, вскоре после поражения «затейки верховников» и утверждения самодержавной власти Анны Иоанновны двое ее приближенных — А.И. Остерман и Р.-Г. Левенвольде — задались вопросом необходимости урегулирования престолонаследия. Они выдвинули идею, что наследником может стать один из детей,

³⁷⁵ Анисимов Е.В. Россия без Петра I, 1725–1740. СПб., 1994. С. 14–15.

³⁷⁶ Омельченко О.А. Становление законодательного регулирования престолонаследия в Российской империи. С. 25.

³⁷⁷ ПСЗ. Т. VII. № 5070. С. 789.

³⁷⁸ ПСЗ. Т. VII. № 5070. С. 790.

рожденных ее племянницей – Анной Леопольдовной. Законодательной основой для этого, по мнению Остермана, должен был стать Устав о престолонаследии 1722 г. Соответственно, он подготовил манифест о новой присяге по форме, приложенной к манифесту³⁷⁹, который был утвержден Анной 17 декабря 1731 г. Суть присяги заключалась в следующих словах, которые должен был произнести подданный: «Хотя я уже... Государыне Анне Иоанновне Императрице... в верном подданстве присягу чинил, однакож в подтверждение всенижайшей и всеподаннейшей моей верности... обещаюсь и клянуся... в том, что хочу и должен с настоящими и будущими наследниками моими не токмо Ея Величеству... но и по Ней Ея Величества Высоким Наследникам, которые по изволению и... власти определены, и впредь определяемы... верным... подданным быть»³⁸⁰. Получалось, что манифест и присяга подтверждали положения Устава 1722 г. Об участии Остермана в составлении текста документа также свидетельствовал Бирон: «Через два или три дня по учреждении кабинета» (т.е. в 1731 г.), Остерман «втайне составил манифест о присяге», по которому восстанавливалось право монарха назначать себе преемника³⁸¹. 17 декабря 1731 г. императрица утвердила его³⁸².

В связи с этим было важно выбрать подходящую пару для племянницы Анны Иоанновны. Показательно, что во время обсуждения возможных супругов как для Анны Леопольдовны, так и для Елизаветы Петровны в первой половине 1730-х гг. А. И. Остерман прямо заявлял, что «в единой самодержавной воле, и власти Ея Императорского Величества состоит по собственному своему соизволению и благоизобретению себе в сукцессоры определить и назначить»³⁸³.

³⁷⁹ Бирон Э.И. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского. С. 524–525.

³⁸⁰ ПСЗ. Т. VIII. № 5909. С. 602.

³⁸¹ Бирон Э.И. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского. С. 525.

³⁸² ПСЗ. Т. VIII. № 5909. С. 601–603; Омельченко О.А. Становление законодательного регулирования престолонаследия в Российской империи. С. 30–31.

³⁸³ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 1–1 об.

В итоге, Р.-Г. Левенвольде предложил в качестве супруга для Анны Леопольдовны герцога Антона-Ульриха Брауншвейгского. Однако после приезда последнего в Россию Анне Иоанновне он не понравился, и, по воспоминаниям Э.-И. Бирона, императрица обратилась за советом к А.И. Остерману. Последний высказался в поддержку этого брака, так что Анна Леопольдовна и принц Антон-Ульрих поженились в 1739 г.³⁸⁴ Важность этого события состояла в том, что ребенок, рожденный в браке Анны и Антона, должен был наследовать престол. Их первенцем стал Иоанн, который появился на свет незадолго до смерти Анны Иоанновны. Но его рождение еще не ставило точки в вопросе о престолонаследии.

Согласно манифесту 1731 г., статус наследника можно было приобрести только на основании официально выраженной воли монарха. Но Анна Иоанновна откладывала этот вопрос до последнего. После того, как 5 октября 1740 г. здоровье императрицы резко ухудшилось, Э.И. Бирон провел совещание с Б.-Х. Минихом, А.М. Черкасским, А.П. Бестужевым-Рюминым и гр. Р.Г. Левенвольде. В связи с отсутствием Остермана Бирон предложил «обо всем оном рассудить и сообразить с графом Остерманом», после чего участники совещания отправились к последнему. Граф, узнав о результатах совещания с Бироном, «немедленно при величайших знаках усердия согласие свое изъявил, присовокупя, что если герцог Курляндский в нерешимости своей останется, то надлежит самую императрицу утруждать, дабы она преклонила его к тому». После этого «тем же часом» был составлен манифест о престолонаследии³⁸⁵. Сам Остерман во время следствия в конце 1741 – начале 1742 г. признавался, что «по определениям о наследстве ... в своем доме сочинял»³⁸⁶.

Э.-И. Бирон в одной из своих записок несколько по-другому описывал эти события. Согласно одной записке, предназначенной в качестве оправдания для императрицы

³⁸⁴ Бирон Э. И. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского. С. 527.

³⁸⁵ Миних Э. Записки графа Эрнста Миниха. С. 384–385.

³⁸⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 304. Л. 11 об.

Елизаветы Петровны, в день, когда Анне Иоанновне стало плохо, сам герцог отправил Р.-Г. Левенвольде к А.И. Остерману за консультацией. После того как посланник вернулся с его рекомендацией, решать вопрос с наследником оба кабинетных министра отправились в дом к Остерману³⁸⁷. Однако в другой записке Бирон утверждал, что уже сама Анна Иоанновна отправила Левенвольде к Остерману, после чего «граф Левенвольде, которого Ее величество отправила к Остерману, чтобы узнать, что он собирается делать, вернувшись, принес план, который составил этот министр: прежде всего нужно думать о преемнике». Этим преемником официально следовало провозгласить младенца Иоанна Антоновича³⁸⁸. Так или иначе, Анна Иоанновна согласилась на предложенный Остерманом вариант действий и подписала манифест, согласно которому трон переходил маленькому принцу. Вопрос с наследником был решен.

Однако проблема заключалась в том, что Иоанн самостоятельно управлять не мог. Соответственно, было необходимо назначить регента или даже регентский совет. Наиболее значимые сановники империи поддерживали кандидатуру герцога Курляндского. По воспоминаниям Э. Миниха, А.И. Остерман «взял на себя <...> предложить императрице» кандидатуру Э.-И. Бирона в качестве регента³⁸⁹. 18 октября 1741 г. была обнародована духовная Анны Иоанновны, авторство которой принадлежало А.П. Бестужеву-Рюмину³⁹⁰. Показательно, что на этот раз в качестве составителя выступал не Остерман, и это не было случайностью. Несмотря на то, что Остерман являлся автором большинства важных проектов нормативных актов, Бирон доверил составление духовной человеку из своего круга. Следуя положениям духовной, до совершеннолетия Иоанна государством должен был управлять назначенный при нем регентом Бирон. Принимая во внимание как возможность скоропостижной смерти Иоанна, так и его неспособность

³⁸⁷ Бирон Э. И. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского. С. 528–529.

³⁸⁸ Motifs de la disgrâce d'Ernest-Jean de Biron, duc de Courlande // Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. IX. Hamburg, 1775. P. 387.

³⁸⁹ Миних Э. Записки графа Эрнста Миниха. С. 385.

³⁹⁰ Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. С. 278–279.

назначить самостоятельно себе наследника, в духовную поместили следующую норму: «А ежели Наш Внук благоверный Великий Князь Иоанн прежде возраста своего, и не оставя по себе законорожденных наследников преставится, то в таком случае определяем и назначиваем в наследники перваго по нем Принца брата его от Нашей любезнейшей племянницы». В случае смерти Иоанна и его братьев, а также «ненадежного наследства» регент должен был «заблаговременно с Кабинет-Министрами и Сенатом и Генералами Фельт Маршалами и прочим Генералитетом о установлении наследства крайнее попечение иметь, и по общему с ними согласию в Российскую Империю Сукцессора избрать и утвердить»³⁹¹.

Такая формулировка указывала на всю сложность с престолонаследием к концу 1740 г. К моменту подписания духовной Иоанн был единственным ребенком Антона и Анны. Распространенная в то время детская смертность могла в любой момент сделать престол вакантным, и не было никаких гарантий, что по смерти императора избрание нового самодержца прошло бы спокойно, без борьбы внутри элиты, которая могла еще осложниться и внешним вмешательством.

Таким образом, если верить мемуарам Э. Миниха, несмотря на то, что А. И. Остерман взял на себя ответственность предложить кандидатуру Бирона в качестве регента, автором духовной выступил другой человек – А.П. Бестужев-Рюмин. Соответственно, идеи, озвученные в ней, в том числе касающиеся широкого собрания для определения нового наследника и установления порядка наследования по мужской линии, Остерману не принадлежали³⁹².

Итак, казалось бы, законодательный акт с прописанным в нем порядком передачи власти был составлен и обнародован. Тем не менее регентство Бирона продолжалось недолго. В ноябре 1740 г. он был свергнут, новым регентом стала Анна Леопольдовна. В июле 1741 г. у императора-младенца появилась сестра — Екатерина. Родись вместо нее

³⁹¹ ПСЗ. Т. XI. № 8262. С. 276–277; Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. С. 626–627.

³⁹² Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. С. 626–627.

брат, он стал бы новым императором в случае смерти Иоанна до совершеннолетия. Однако рождение принцессы, чей статус не был оговорен в духовной Анны Иоанновны, не способствовало стабилизации престолонаследия. Ситуация усложнилась тем, что 28 июля 1741 г. Швеция объявила России войну. Шведское правительство одной из целей поставило перед собой возведение на российский престол Елизаветы Петровны. Это подталкивало к поиску решений, которые бы разрешили ситуацию неопределенности с наследником Иоанна и позволили бы избежать потрясений нового междоусобия.

Первым, кто сразу после свержения Бирона задался вопросом наследования трона, был М.Г. Головкин, указавший Анне Леопольдовне на то, что «в некоторых при таком учреждении наследства пунктах недовольно изъяснено, а особливо о принцессах не упомянуто», но его слова не имели последствий, и вновь этот вопрос снова подняли лишь через год. Анна Леопольдовна, осознавая сложность ситуации, решила предпринять несколько шагов для ее разрешения. По ее поручению Головкиным к 1 ноября был составлен проект указа Кабинету министров³⁹³. В его первой редакции было помещено упоминание о присяге 1731 г., которая подтверждала Устав о престолонаследии 1722 г., а также о манифесте от 5 октября и духовной от 18 октября 1740 г.³⁹⁴. Однако во втором – итоговом – тексте было оставлено только упоминание о духовной. Сутью проектов указа был созыв совещания ключевых сановников империи для обсуждения лакун в этом правовом акте, касавшемся основных проблем престолонаследия. Согласно итоговому варианту, помимо кабинет-министров для участия в совещании следовало привлечь фельдмаршалов гр. Б.-Х. Миниха и гр. П.П. Ласси, первенствующего члена Синода Новгородского архиепископа Амвросия, генералов Г.П. Чернышева, А.И. Ушакова, В.Я. Левашова, адмирала гр. Н.Ф. Головина и генерал-прокурора Сената кн. Н.Ю. Трубецкого³⁹⁵.

³⁹³ Изложение вин графов: Остермана, Миниха, Головкина и других, сужденных в первые месяцы вступления на престол императрицы Елисаветы. С. 244, 238.

³⁹⁴ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 25–25 об.

³⁹⁵ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 23.

Эта инициатива обсуждения при участии обозначенного круга лиц не встретила понимания у другого кабинет-министра – А.И. Остермана. Разногласия между министрами грозили привести к их ссоре. Кабинет-министр даже предложил обсудить проблему без М.Г. Головкина. Остерман считал, что будет достаточно участия, помимо него самого, кабинет-министра кн. А.М. Черкасского и архиепископа Амвросия³⁹⁶. Анна Леопольдовна, проявив государственную мудрость, решила не допустить ссоры между наиболее влиятельными сановниками. Она отправила записку Остерману, где предписала ему «з Головкиным сношение иметь, понеже он ... то дело зачал, и дабы в противном случае от того не произошли б ссоры»³⁹⁷.

В результате по ее указу 2–3 ноября 1741 г. в доме А.И. Остермана состоялось несколько совещаний по проблемам престолонаследия, в котором приняли участие, помимо хозяина дома, другие два кабинетных министра, М.Г. Головкин и А.М. Черкасский, а также приглашенный первенствующий член Синода архиепископ Новгородский и Великолуцкий Амвросий. Фактически, заседание должно было пройти в формате собрания Кабинета министров с приглашением представителя церкви. О том, что происходило на них, известно из конспектов, составителем которых был сам Остерман (оригинал был написан на немецком языке и к нему в дело помещен перевод на русский язык).

2 ноября М.Г. Головкин посетил А.И. Остермана. Последний заявил, что прежде хотел бы иметь беседу только с Головкиным, и лишь затем «с новгородским архиереем и с князем Черкасским о сем деле иметь конференцию»³⁹⁸. Главной проблемой, которую стали обсуждать А.И. Остерман и М.Г. Головкин, был статус принцесс, особенно остро вопрос встал после рождения Екатерины Антоновны. Это значило, что, в случае смерти Иоанна она могла стать наследницей, так как братьев у него на тот момент не было.

³⁹⁶ Изложение вин графов: Остермана, Миниха, Головкина и других, сужденных в первые месяцы вступления на престол императрицы Елисаветы. С. 236.

³⁹⁷ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 27.

³⁹⁸ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 42.

Остерман, говоря о наследовании по женской линии, отмечал, что «оное дело само по себе ничего чрезвычайного не содержит: потому что по *основательным узаконениям* (выделено нами – *А. Л.*) сего государства, за неимением принца, принцессы беспрекословия наследовать могут, как сие поныне и всегда содержано было». Он же привел в качестве примера опыт других европейских стран. Головкин при этом упомянул Швецию³⁹⁹. На этот счет у Остермана была своя позиция, согласно которой эта страна не могла послужить образцом для российского «самодержавства». Это было связано с ограничением монархии в Швеции после 1720 г. Несмотря на то, что Головкин не высказал принципиальных возражений против права принцесс на престол, он все же не обозначил четко своей позиции и покинул Остермана, взяв время на раздумье.

3 ноября состоялась новая встреча в остермановском доме, на которой, помимо хозяина дома, присутствовали М.Г. Головкин, А.М. Черкасский и архиепископ Амвросий. А.И. Остерман вновь обратился к проблеме наследования принцессами. Он указывал на важность быстрого принятия решения: «Для отвращения всем замешательств и смятений при будущей во власти Божей состоящих случаях, потребно наследство именно утвердить и на принцесс сестр императорских, как оное до них и без того принадлежит, и что в том состоит притчина сего собрания, дабы учинить общей совет, каким образом в том наилучше поступить можно было»⁴⁰⁰. Черкасский и Амвросий высказали свою точку зрения. Первый поддержал А.И. Остермана, ответив, что «принцессы в России в таком случае наследуют, когда не бывает принцов»⁴⁰¹. Это же подтвердил Амвросий. Однако Головкин сослался на духовную 18 октября 1740 г.: в ней «содержатся такие вещи, как, например, что бывшей регент обще с сенатом и генералитетом избрал наследника». Получалось, что Головкин продвигал идею более широкого собрания для решения проблемы. Однако Остерман выразил несогласие с этим, сославшись на следующее: «Духовная склонялось толко до бывшего регентскаго правления, а узаконение о

³⁹⁹ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 41 об.

⁴⁰⁰ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 46.

⁴⁰¹ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 46 об.

наследстве (Манифест 1731 г. – *А. Л.*) до того ненадлежит, но что оно еще при жизни Ея Императорскаго Величества опубликовано и присягами утверждено, и что в том теперь вся сила состоит, что там о принцессах не упомянуто»⁴⁰².

Продавливая свое предложение о быстром решении проблемы узким кругом лиц, А.И. Остерман апеллировал к внешнеполитической угрозе: «Известно, какое безбожное намерение неприятель против нас имеет... чего ради надобно, чтоб российский народ свою верность и любовь к нашему императору и к императорской фамилии публично засвидетельствовал»⁴⁰³. Под неприятелем Остерман имел в виду Швецию, которая в это время вела войну с Россией. Одним из поводов послужило непризнание шведским королем Фредериком I императора Иоанна. Именно поэтому было важно, по его мнению, засвидетельствовать публичное признание новой фамилии на престоле, а также предусмотреть решения проблем, которые могли бы возникнуть в случае внезапной смерти Иоанна. М.Г. Головкин, желавший организовать более широкое обсуждение, считал возможным заявить, что «о неприятельских намерениях он не знает»⁴⁰⁴. Несмотря на все усилия, Остерман не смог достичь своей цели прийти к общему решению узким совещанием.

А.И. Остерман в своем мнении, сочиненном на следующий день и предназначенном Анне Леопольдовне, указывал на право принцесс наследовать власть. Он апеллировал к Уставу о престолонаследии 1722 г., по которому «зависит то всегда от воли владеющего самодержавного государя, такое определение о наследстве учинить, какое он по своей самодержавной власти заблагоразсудит». В связи с этим, обращаясь к Анне Леопольдовне, он заявлял: «Ваше императорское высочество императорским именем с такою ж самодержавною властью и силою государство правите, какая приличествует владеющему императору»⁴⁰⁵. Этой формулировкой Остерман подтверждал право Анны Леопольдовны

⁴⁰² РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 46 об–47.

⁴⁰³ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 44.

⁴⁰⁴ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 44.

⁴⁰⁵ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 38–39.

принять еще до совершеннолетия Иоанна манифест, утверждающий порядок передачи трона.

В то же время он понимал возможную спорность принятия решения – нового порядка престолонаследия – от имени недееспособного суверена. Согласно собственному признанию, он обсуждал это с приближенными Брауншвейгской семьи – гр. Р.-Г. Левенвольде и бар. К.-Л. Менгденом, и даже с профессором Хр.-Ф. Гроссом, знатоком европейской юриспруденции, которому прямо заявил, что «государю, будучи малолетним, таких... указов выдавать было неприлично». Такие разговоры именно с этими лицами не были случайны. Остерман, скорее всего, не желая своими предложениями ухудшить отношения с родителями императора, рассчитывал через третьих лиц донести свои сомнения и предложения до правящей фамилии. Говоря собеседникам, что утверждение нового правового акта о престолонаследии можно «делать или властью, то есть указом, или прошением от народа», он настаивал, что это было бы желательнее оформить «через прошение народное»⁴⁰⁶.

Переворот 25 ноября 1741 г. привел к власти Елизавету Петровну. Одним из следствий этого был арест и последующее осуждение А.И. Остермана за то, что он препятствовал Елизавете Петровне в занятии «законно» принадлежавшего ей престола Российской империи. Таким образом, остермановские предложения по проблемам престолонаследия 1741 г. так и не получили законодательного воплощения. Несмотря на это, министр успел оказать значимое влияние на правовое регулирование престолонаследия в России. Именно Остерман в 1731 г. добился принятия манифеста и присяги, подтверждавших Устав 1722 г., а также манифеста от 5 октября 1740 г., провозгласившего наследником престола Иоанна Антоновича. Главной его целью как бюрократа стало поддержание правового регулирования механизмов передачи власти, которая гарантировала бы стабильность престолонаследия и, как следствие, стабильность

⁴⁰⁶ Изложение вин графов: Остермана, Миниха, Головкина и других, сужденных в первые месяцы вступления на престол императрицы Елисаветы. С. 256; РГАДА. Ф. 6. Д. 304. Л. 41 об–42.

политической жизни общества. Заметим, что в этом отношении он демонстрировал постоянство своих политических взглядов. При этом можно даже утверждать, что Остерман, отстаивая Устав о престолонаследии 1722 г. и выступая верным наследником петровских преобразований, руководствовался современными ему европейскими политико-правовыми идеями.

3.2. Государственное управление

А.И. Остерман, став в 1730 г. одним из доверенных лиц Анны Иоанновны по вопросам как внешней, так и внутренней политики, а затем занимая ответственную должность кабинет-министра, сумел оставить след и в реформировании государственных органов. Одним из первых мероприятий Остермана при новом правительстве было участие в составлении «программы» 1 июня 1730 г, определившей внутривнутриполитический курс Анны Иоанновны на первую половину ее царствования. Она включала в себя 6 именных указов⁴⁰⁷. Принимая во внимание, что проекты двух из шести указов были написаны Остерманом, можно утверждать, что он и был их автором. Согласно первому должна была быть учреждена специальная комиссия для рассмотрения состояния армии. Второй был посвящен реформе Сената.

Первый указ для нашего исследования интересен следующей пометой: «В Ызмайлове. Июня 1 дня 1730 года»⁴⁰⁸. Речь идет о месте подписания. Измайлово было царской усадьбой, где провела свое детство Анна Иоанновна, и оставалось по этой причине ее резиденцией. Это говорит о том, что указ был подписан не в Сенате или другом присутственном месте. Таким образом, утверждение «программы» 1 июня происходило в личной резиденции императрицы, к которой имел доступ явно

⁴⁰⁷ См. подробнее: Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривнутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735. С. 69–77.

⁴⁰⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1081. Л. 206 об; ПСЗ. Т. VIII. №5571.

ограниченный круг людей. Возможно, окончательное утверждение указов императрицей происходило в присутствии Остермана.

Второй из указов, написанных рукой Остермана, преследовал своей целью разделить Сенат на пять департаментов. В преамбуле объяснялась необходимость проведения реформы: «Понеже все дела в Правительствующем Сенате определяются и решаются по докладам и выпискам, учиненным в Канцелярии...», которые «не по каким страстям ... погрешения бывают, от которых и без всякой вины Правительствующаго Сената в резолюциях ... несходства произойти могут»⁴⁰⁹. Кроме того, подчеркивалась перегруженность Сената государственными и челобитчиковыми делами, которые выносились на всеобщее обсуждение, что отнимало много времени. Поэтому, полагал автор, «за благо» будет разделить Сенат на 5 департаментов.

В проекте, написанном рукой Остермана, были перечислены следующие департаменты:

- 1) О Военных, сухопутных и морских делах.
- 2) О Камер-Коллегии делах и доходах государственных
- 3) О Юстиции и челобитческих делах.
- 4) О купецких делах и государственных заводах.
- 5) О Духовных делах, в чем оныя до Правительствующаго Сената касаться могут.⁴¹⁰

В утвержденном Анной Иоанновной указе пятый департамент «О духовных делах...» оказался на месте первого департамента, а первый, соответственно, переместился на второе место. Вполне возможно, что для Остермана это отражало невысокое значение духовных дел, рассматриваемых в Сенате. Кроме того, были расширены некоторые формулировки названий департаментов, например, в департамент камер-коллежских дел кроме государственных доходов были вписаны расходы, а в вместо

⁴⁰⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1081. Л. 209; ПСЗ. Т. VIII. №5570.

⁴¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1081. Л. 209–209 об.

«государственных заводов» были написаны «фабрики и бергверки (горные дела – А.Л.)»⁴¹¹.

В указе также определялся штатный состав департаментов, который включал в себя 4–5 членов Сената. Эти лица должны были разбирать входящие документы по своим департаментам, в которых они поступали на дальнейшее рассмотрение и подготовку решения («мнения»), выносимое на всеобщее обсуждение. Таким образом, по мнению автора указа, «чрез сие: 1) всякие погрешности в канцелярии Правительствующаго Сената упредятся; 2) все дела с лутчим основанием и с богуугодным правосудием решаться и отправляться будут; 3) безволочитно и останочно решены и отправлены будут; 4) Правительствующему Сенату великое облегчение учинится»⁴¹². Такая схема должна была усовершенствовать работу Сената. А.Н. Филиппов в истории Сената отметил, что «указ о распределении дел Сената по департаментам без уничтожения его единства представлял сам по себе интересную попытку улучшения его делопроизводства»⁴¹³.

В связи с идеей «департаментизации» государственного управления можно указать и на другое мероприятие, осуществленное 8 октября 1731 г. Тогда был издан именной указ, согласно которому шло объединение Берг-коллегии и Мануфактур-конторы с Коммерц-коллегией. Этот новый орган стоило разделить на три экспедиции. Это было необходимо ввиду того, что «одно дело в разных руках обретается»: «сделанное на горных заводах железо, а на мануфактурах парусныя и прочия полотна за море отпускать не надлежит чрез Коммерц-коллегию, которая... должность имеет смотреть может ли что на Российских фабриках и горных заводах с удовольствием на все государство сделано быть или некоторую часть, почему б пошлину прибавлять и умалять»⁴¹⁴. Для удобства в рамках одного учреждения создавались 3 экспедиции. Президентом назначался А.Л. Нарышкин, вице-президентом – И.И. Исаев.

⁴¹¹ ПСЗ. Т. VIII. №5570. С. 286.

⁴¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1081. Л. 209 об–210.

⁴¹³ История Правительствующаго Сената за двести лет. С. 498.

⁴¹⁴ ПСЗ. Т. №5860. С. 549–550.

Идеи разграничения функционала внутри одного учреждения и оптимизация таким образом работы в целом, более чем перекликались с представлениями Остермана. До этого объединения Остерман был главой Коммерц-коллегии⁴¹⁵, поэтому хорошо разбирался в потребностях этого учреждения. Новое ее поле деятельности после объединения 8 октября 1731 г. полностью совпадало с сенатским департаментом, где заседал Остерман. Поэтому можно предполагать, что и это мероприятие было проведено с подачи графа.

Исследуя сенатскую департаментскую реформу Н.Н. Петрухинцев отметил в ней черты, «направленные на укрепление самодержавной власти императрицы». Кроме того, историк пришел к выводу о намеренном таким образом ослаблении Сената и лишении «значения коллегиального правительственного органа, объединявшего бюрократическую верхушку России»⁴¹⁶. Дальнейшая судьба реформы свелась к ее непродолжительному существованию: к весне 1731 г. департаменты исчезли⁴¹⁷.

Еще одним мероприятием в области государственного управления Остермана стала инициатива учреждения Кабинета министров. Трудно определить точную дату фактического создания Кабинета министров. 18 октября 1731 г. вышел именной указ, согласно которому Анна «для порядочного отправления всех государственных дел, которые к собственному нашему определению и решению подлежат, всемилостивейше за благо разсудили учредить кабинет, и в оный определить несколько особ из наших министров»⁴¹⁸. Этими министрами стали Г.И. Головкин, А.И. Остерман, А.М. Черкасский. 3 ноября «по ... указу в Кабинете Ея Величества присутствие началось»⁴¹⁹, и только 6 ноября императрицей «был подписан указ Сенату об учреждении Кабинета»⁴²⁰. Но по

⁴¹⁵ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. С. 58.

⁴¹⁶ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735. С. 75.

⁴¹⁷ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735. С. 90.

⁴¹⁸ СИРИО. Т. 104. С. 1.

⁴¹⁹ СИРИО. Т. 104. С. 2.

⁴²⁰ СИРИО. Т. 104. С. XXXIV.

некоторым источникам он существовал почти за год до этого. Как отмечал А.Н. Филиппов, «едва Верховный Тайный Совет и Высокий Сенат были “отставлены” по Манифесту 4 марта 1730 г. и едва Правительствующий Сенат ... начал действовать, как в обществе уже стали ходить неопределённые слухи о новом учреждении, которое должно было, по-видимому, изменить пределы компетенции только что восстановленного Сената и стать над ним, при чем к этим слухам, так или иначе, но почти всегда примешивалось имя знаменитого Остермана»⁴²¹. На факт неофициального существования Кабинета за год до указа о его создании указывал Е.Е. Рычаловский, приводя цитату из следственного дела⁴²², на это же указывает И.В. Курукин: «Слухи о появлении совета ближайших к императрице лиц, или Кабинета министров, появились уже весной 1730 года»⁴²³.

Этот сюжет нашел отражение и в мемуарах современников. Б.-Х. Миних вспоминал, что именно Остерман в 1730 г. оказался «во главе правительства». В связи с этим Остерман обратился к Миниху, чтобы тот предложил Анне Иоанновне «учредить Кабинет, который заведовал бы важнейшими государственными делами ... и назначить туда членом, кроме Остермана, только одного князя Алексея Михайловича Черкасского, которым он надеялся управлять». Это предложение было принято, и Кабинет был учрежден, в результате чего «Остерман и Черкасский остались одни членами Кабинета». При этом Миних отмечал, что «учреждение Кабинета было нечто новое в России и неприятное для всех, тем более, что Остерман считался двоедушным, а Черкасский очень ленивым; тогда говорили, что Черкасский был телом Кабинета, а Остерман – душой, но не слишком честной»⁴²⁴. Таким образом, согласно воспоминаниям Б.-Х. Миниха, Кабинет Министров был создан благодаря инициативе Остермана.

В именном указе не было зафиксировано *обязательное* число министров, были лишь определены три персоны. В Кабинете бессменно от учреждения до его ликвидации

⁴²¹ История Правительствующего Сената за двести лет. С. 500. См. также: СИРИО. Т. 104; Бондаренко Очерки финансовой политики Кабинета министров Анны Иоанновны. С. 1.

⁴²² Рычаловский Е.Е. Кабинет-министр А. И. Остерман и Вторая Камчатская экспедиция. С. 73.

⁴²³ Курукин И.В. Анна Иоанновна. С. 149.

⁴²⁴ Миних Б.-Х. Очерк управления Российской империи. С. 293–294.

трудилось 2 министра: А.И. Остерман и А.М. Черкасский. Однако за время функционирования Кабинета в качестве третьего министра успели поработать Г.И. Головкин, П.И. Ягужинский, А.П. Волынский, А.П. Бестужев-Рюмин, Б.-Х. Миних, М.Г. Головкин. Кабинет министров просуществовал до 12 декабря 1741 года, когда был закрыт Елизаветой Петровной.

Итак, основные реформаторские инициативы Остермана в области государственного управления пришлось на начало 1730-х гг. До 1740 г. нам неизвестны подготовленные и реализованные им проекты по государственному реформированию. Чем можно объяснить такой «провал» в его деятельности? Скорее всего, он полностью ушел в работу Кабинета, к тому же рядом появился сильный конкурент – Бирон. В связи с этим можно отметить наблюдения Н.Н. Петрухинцева. Историк справедливо считает, что «на первый план все отчетливее выходил фаворитизм – в этих условиях у Остермана, загруженного огромным объемом дел... просто не было времени на целостный системный анализ проблем внутренней политики»⁴²⁵. Вместе с этим Петрухинцев пишет о «ведущей» роли Кабинета во главе с Остерманом «в руководстве страной». Тут явное противоречие, так как, с одной стороны, Остермана начали теснить фаворит(ы) императрицы, с другой – он руководит «ведущим» государственным учреждением. Тем более департаменты, созданные в Сенате по указу 1730 г., перестали существовать уже в марте 1731 г., несмотря на то, что Остерман сам являлся сенатором – то есть на Сенат Остерман никакого влияния не имел ни до учреждения Кабинета, ни после. Более того, «загруженность» делами не помешала ему в начале царствования Анны Леопольдовны подготовить обширный проект реформирования страны. Безусловно, рутинная работа влияла на спад его инициатив, но не занимала его полностью.

К реформаторским инициативам программного характера он вновь вернулся в обширном «мнении», поданном Анне Леопольдовне в 1740 г., где также обратился к

⁴²⁵ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 134. На большую загруженность Остермана делами указывали английские дипломаты (См.: СИРИО. Т. 80. С. 529).

вопросам совершенствования государственного управления. В первую очередь, Остерман дал рекомендации «по облегчению бремени правления» регенту, предлагая для этого «учредить, по обыкновению других стран, некоторые советные дни в неделе, а при советах присутствовать собственно высокою особою»⁴²⁶. По его рассуждениям, на это было бы достаточно уделить четыре дня, «а прочие дни оставить на приготовление дел и отправления». При этом, в случае чрезвычайной ситуации, этот порядок можно было бы нарушить. Из этих 4 дней 2 или 1 посвятить международной политике, остальные – внутренней. Кроме того, он практически обозначил круг лиц, которые могли бы войти в этот совет: генерал-прокурор и 1-2 сенатора, генерал-фельдмаршал и член Военной коллегии, адмирал и член Адмиралтейской коллегии⁴²⁷. То есть в совет должны были входить представители Сената, а также военной и адмиралтейской коллегии.

Рассуждая о «внутреннем состоянии» государства, Остерман выделил отдельно церковь, армию и флот, внутреннюю организацию («гражданское состояние»), торгово-промышленную политику.

Обратимся к «гражданскому состоянию», которое, по мнению Остермана, к тому моменту было «еще не устроено». Его важность он определял тем, что «от него собственно должно зависеть управление всего внутренняго состава государственнаго. Правосудие, доходы, полиция, одним словом все принадлежит сюда»⁴²⁸. Первой рекомендацией было учреждение департаментов «в таких местах, где случаются дела различнаго и между собою несходнаго содержания и свойства... Департаменты можно учредить смотря по множеству и разнообразности дел, и по тому ж точно определить число нужных членов»⁴²⁹. Показательно, что такая внутренняя специализация должна была не только привести к упорядочиванию делопроизводства, но и стимулировать служебное рвение чиновников: «Если департаменты разделить между членами, то каждый

⁴²⁶ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 259–260.

⁴²⁷ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 260.

⁴²⁸ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 269.

⁴²⁹ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 269–270.

из них получит чрез то случай показать свое прилежание и рачение к службе»⁴³⁰. Отдельно он рассуждал об оптимизации работы в коллегиях – для этого потребовать «от каждой коллегии обстоятельный рапорт о ея состоянии и делопроизводствах», чтобы вычислить «недостатки при каждой дополнить и... исправить». При этом он отмечал, что эта мера могла бы открыть «средство, как во многих местах отправление дел сократить»⁴³¹. Показательно, что в качестве «удачной» и «неудачной» реформы он привел соответственно «для сего учиненное господином президентом бароном Менгденом разделение в порученных ему коллегиях» и не пришедшие в состояние департаменты «в начале царствования блаженной памяти Ея Императорскаго Величества при Сенате»⁴³².

Понимая, что в учреждениях прежде всего работают люди, он не упускал из виду принципы стимулирования работы. Так, «обогатившееся некоторым образом дворянство» предпочитало военную службу гражданской, так как на первой они имели перспективы «роста» в виде получения чинов, а также имели «менее труда и менее отчетов», «исправляя» поэтому «должность свою честно»⁴³³. Поэтому было так важно в его глазах финансовое стимулирование «гражданского состояния», распределение жалованья гражданским служащим так, «чтоб они могли некоторым образом довольствоваться... и не имели причины прокладывать запрещённые пути». А суммы (канцеляриям) распределять «соразмерно делам их и трудам», а коллегиям «такую сумму предоставить самим для распределения между канцелярскими служителями по заслугам и способности каждого»⁴³⁴.

Отдельные рассуждения были посвящены воеводам, так как те «в провинциях то же самое, что управители и прикащики в частных людей поместьях, от коих верного и честного управления зависит благо подчиненных и самого господина». Поэтому важно, чтобы воеводами были люди «честные и некоторым образом обогатившиеся подданные».

⁴³⁰ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 270.

⁴³¹ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 271.

⁴³² Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 269.

⁴³³ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 270.

⁴³⁴ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 270.

В первую очередь он руководствовался моральными качествами лиц, предлагаемых на руководящие должности. Остерман видел две проблемы, которые было необходимо решить через кадровую перестановку и сменяемость воевод каждые два года: «дабы упредить чрез то многия притеснения, которым часто подвергаются от воевод обыватели», а также предотвратить застой в кадрах, так как часто «смена состоит ... в том единственно, что воевода из одной провинции перемещается в другую» и некоторые должны «многие годы дожидаться того и напрасно проживать свое имение»⁴³⁵. Чтобы избежать этого, он предлагал сменять воевод каждые два года (а не год), или и вовсе оставлять назначенные персоны «при тех постах до тех пор, пока они ведут себя честно и никто на них не жалуется»⁴³⁶.

Нельзя сказать, что подготовленное мнение возымело какой-либо отклик у регентши, как это было в случае с Анной Иоанновной. В тоже время оставался всего лишь год на возможную реализацию. Уже 28 января 1741 г. состоялся указ о департаментской реформе Кабинета министров, согласно которому учреждалось три департамента, за каждый из которых отвечал один из кабинетных министров соответственно: «Первому министру, генерал фельдмаршалу Графу фон Миниху, что касается до всей Нашей сухопутной полевой армии, Ландмилиции и гарнизонов, в рекрутровании людьми и лошадьми, в снабдении ружьем, мундиром и аммуницією и в содержании потребных магазинов, такожде всех ирегулярных до Артиллерии и Фортификации и укрепления границ Корпуса Кадетскаго и Ладожскаго канала и прочаго к тому принадлежащаго, рапортуя обо всем том Герцогу Брауншвейг-Люнебургскому». Второму министру, то есть гр. А. И. Остерману, отводилось «все то, что надлежит до иностранных дел и дворов и к тому принадлежащем, також о добром содержании Адмиралтейства и флота и снабдении онаго всем потребным и имении всегда довольнаго флотскаго магазина и всех в Нашей Империи портов, и об окончании строящагося в Кронштадт канала и доков». Двум

⁴³⁵ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 270–271.

⁴³⁶ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 271.

другим министрам – кн. А. М. Черкасскому и гр. М. Г. Головкину – поручалось «все то, что касается до внутренних дел по Сенату и Синоду, и о Государственных по Камер-Колегия сборах и других доходах, о Коммерции, о Юстиции». При этом указ предписывал кабинет-министрам «разсмотреть, не приходят ли в Наш Кабинет такие дела, кои до решения по оному не касаются, а подлежат до Сената и прочих Департаментов, а в Кабинет оныя только нужные дела частию останаливают». По мнению автора указа, такие «побочные дела» следовало «от Кабинетского видения отрешить; а о решении в других Департаментах наикрепчайше подтвердить»⁴³⁷. Таким образом, указ явно был направлен не только на развитие принципов специализации управления по отраслям, но и по уровню властных компетенций. Действительно, Кабинет министров как высший после монарха орган управления не должен был тратить время на решение дел, которые следовало рассматривать в иных учреждениях.

Нормы этого указа вполне соответствовали мнению А. И. Остермана 1740 г. Ввиду этого реформа представляется вполне логичным шагом на пути осуществления его программы улучшения государственного управления. Однако, согласно мемуарам Б.-Х. Миниха, именно он, Миних, «позаботился разделить Кабинет, по роду дел, на различные департаменты». Более того, фельдмаршал специально подчеркивал, что «этот порядок был создан мною одним». Таким образом, к настоящему времени нельзя однозначно утверждать, что автором указа был или Остерман, или Миних, или даже они оба вместе. У каждого из них, помимо идейных предпочтений, был свой резон выдвинуть или поддержать такое предложение. Остерман мог рассчитывать на ослабление Миниха, а Миних как первый министр, распределив области ответственности между другими министрами, мог заняться проведением задуманной им программы преобразований, о которой он упоминал в мемуарах⁴³⁸.

⁴³⁷ ПСЗ. Т. XI. № 8326. С. 357–359.

⁴³⁸ Миних Б.-Х. Записки фельдмаршала графа Миниха. С. 79–80.

Однако, судя по сохранившимся источникам, не только Кабинет министров должен был быть разделен на департаменты. До нашего времени сохранился комплекс документов, связанных с проектом указа о разделении Сената на четыре экспедиции.

Проект был написан как указ от имени Иоанна Антоновича. В его преамбуле заявлялось: «Известно нам учинилось, коим образом Сенат по нынешнему его состоянию, что все сенаторы одно дело слушают, к скорейшему и наилучшему отправлению дел успеху сделать не может, от чего как в государственных наших делах происходит остановка, так и челобитчикам чиниться немалая волокита и разорение, того ради повелеваем учредить по нижеписанному». Далее шла нормативная часть, согласно которой в Сенате следовало «все дела разделить на 4 экспедиции, по приложенному при сем росписанию, и ко всякой экспедиции определить по равному числу сенаторов, и по одному обер- секретарю, *по приложенной при сем другой росписи* (выделено нами. – А.Л.), да по 2 секретаря, по одному протоколисту, и по приличному числу приказных служителей». Итак, получалось, что теперь в рассмотрении дел должен был принимать участие не весь Сенат, а только одна из экспедиций. При этом был прописан порядок действий для сложных вопросов, которые не могли решиться в рамках одной экспедиции: «Буде же такое дело придет, что либо которая экспедиция собою решить не может, то надобно для того назначить один день в неделе, дабы из всех экспедиций сенаторы общее дело слушать и решить могли. Ежели же и общим собранием решить не могут, тогда подавать Кабинет наш доклады со мнениям за руками всех сенаторов». В том случае, если кто-то был не удовлетворён решением, то «позволяется бить челом всему сенату». Отдельный пункт был посвящен механизму надзора за деятельностью канцелярии и приказных служителей. Каждая экспедиция должна была иметь собственную канцелярию во главе с обер-секретарем. Кроме того, специальный сенатор должен был контролировать работу всех четырех канцелярий, то есть всю сенатскую канцелярию. Он исполнял эту должность не на постоянной основе. Каждый месяц первого числа она передавалась

следующему сенатору: «Сенатцкую канцелярию и приказных служителей ведать месячному сенатору, и того ради всем сенаторам переменяясь быть поочереди в той должности по одному, и вступать с первого числа каждого месяца»⁴³⁹.

Что касается самих экспедиций, то область их компетенций определялась в пояснительной записке так: «Первой (экспедиции. – *А.Л.*): Синод, Иностранная коллегия, Рекетмейстерская и Печатная канторы, Юстиц, Вотчинная коллегия и Тайная канцелярия. Второй: Военная и Адмиралтейская коллегии и протчие воинския места, и Генерал-берг-директориум. Третьей: Камор и Комерц коллегии, Штатс-кантора, коллегия Экономии с Раскольнической конторою, Монетная канцелярия, Сибирской приказ. Четвертой: Ревизион-коллегия, Конфискация, и все доимочныя касавшыя до ней дела, дворцовые, Конюшенная, Полицейская, Городовая от строения, Соляная, и Медицинская канцелярии». В отношении неупомянутых учреждений была помещена следующая формулировка: «Оные по приличности тех экспедиций приписать; а ежели Сенатом устроено будет, что одна экспедиция перед другою делами тягостнее, то с общаго совета прибавить и убавить из одной в другую позволяется». Как и в проекте указа, в записке отмечалось, что если «сии экспедиции решить не могут, то в пятом суменно в полном собрании решено быть имеет». Кроме того, в ней было определено, что в состав экспедиции должно входить четыре сенатора⁴⁴⁰.

В качестве другого приложения к указу шла роспись сенаторов и обер-секретарей по экспедициям. Отдельным пунктом был обозначен сенатор, который должен был контролировать работу всех четырех канцелярий. Таким образом, в списке значились имена и фамилии 17 сенаторов и четырех обер-секретарей (М. Кузьмин, В. Демидов, А. Сверчков, П. Севергин).

Следует отметить, что к началу 1741 г. в Сенате числилось 10 сенаторов: гр. Г.П. Чернышев, А.И. Ушаков, А.Л. Нарышкин, М.С. Хрущов, И.И. Бахметев, Ф.В. Наумов,

⁴³⁹ РГАДА. Ф. 16. Д. 156. Л. 1–3.

⁴⁴⁰ РГАДА. Ф. 16. Д. 156. Л. 4–6.

В.Я. Новосильцов, В.И. Стрешнев, М.И. Философов и П.М. Шипов⁴⁴¹. Правда, пребывание в Сенате Шипова было под вопросом, так как в 1740 г. он был назначен губернатором в Сибирскую губернию. Более того, кабинетским распоряжением в Сенат от 29 декабря 1740 г. было предписано его «отправить в ту губернию немедленно»⁴⁴². Из этих 10 сенаторов только восемь попали в роспись (не вошли Философов и Шипов). Несложно подсчитать, что в числе 17 сенаторов должно было быть девять вновь назначенных членов, то есть более чем половина.

Кем были эти «новые» люди, которые должны были быть введены в состав Правительствующего Сената по планам автора проекта? Четверо из нового списка были гвардейскими офицерами: гвардии Семеновского полка секунд-майор Н. Стрешнев, гвардии Семеновского полка секунд-майор Н. Соковнин, гвардии Преображенского полка секунд-майор Ф. Ушаков, Конной гвардии секунд-майор кн. П. Черкасский. Трое были придворными служителями: камергеры И.О. Брылкин, А.М. Пушкин, П.Б. Шереметьев. Заметим, что Брылкин и Пушкин были близки к Брауншвейгской фамилии. Наиболее опытными государственными деятелями из списка новых сенаторов являлись генерал-лейтенант граф П.С. Салтыков и тайный советник князь М.М. Голицын (младший). Следует заметить, что предшествующая деятельность и Салтыкова, и Голицына была так или иначе связана с вооруженными силами.

Проект указа, роспись сенаторов и пояснительная записка об экспедициях не датированы. Однако благодаря тому, что в росписи указаны не только фамилии сенаторов, но и их чины, можно попытаться определить примерное время их составления. Так, П.С. Салтыков был упомянут в чине «генерал-адъютанта», который он получил 2 января 1741 г.⁴⁴³ Соответственно, нижняя граница сочинения проекта, о которой можно говорить без

⁴⁴¹ Внутренний быт Русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года, по документам, хранящимся в Московском Архиве Министерства Юстиции. С. 142.

⁴⁴² Сенатский архив. Т. II. СПб., 1889. С. 304.

⁴⁴³ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящейся в С-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. С. 18.

сомнений, – 2 января 1741 г. Так как указ должен был быть провозглашен от имени Иоанна Антоновича, верхняя бесспорная граница – это 25 ноября 1741 г.

Говорить о более точной датировке хотя и затруднительно, но возможно. Так, среди четырех обер-секретарей в росписи был указан А.С. Сверчков. Последний действительно был до 8 января 1741 г. сенатским обер-секретарем, когда Сенат определил его членом Ревизион-коллегии⁴⁴⁴. Это позволяет предположить, что проект реформы был составлен в первой половине января 1741 г.

Впрочем, если принять во внимание другой критерий, можно предложить иное время составления документов. Как уже отмечалось, по сравнению с актуальным составом на начало 1741 г. в новый список не были включены М.И. Философов и П.М. Шипов. Возможно, автор проекта просто не желал их видеть среди сенаторов. Однако можно предположить, что они оба не были сенаторами на момент составления проекта. Действительно, в 1741 г. году был период, когда они, получив другие назначения, выбыли из Сената. Так, 20 августа Философову надлежало быть в Ревеле, а Шипову – в Выборге. Но уже 10 сентября Шипов определялся «для присутствия, по-прежнему, в Сенате»⁴⁴⁵. Если автор проекта руководствовался именно этой логикой при невключении Философова и Шипова, то документ можно датировать временем между 20 августа и 10 сентября 1741 г.

Несмотря на то, что проект был написан в виде указа, который оставалось только подписать, его не утвердили, а направили на обсуждение. К настоящему времени сохранилось одно мнение на проект, автором которого был А.И. Остерман, поэтому он уже не мог выступать инициатором этой департаментской реформы. Оно начиналось следующими словами: «Весьма трудно и сумнительно на решеное, или от кого-либо на мере постановленное дело, свое мнение каково б совестно и честно оное быть ни могло, объявить. О сочинении других людей разсуждать невозможно, ежели притом о истинных

⁴⁴⁴ Сенатский архив. Т. II. СПб., 1889. С. 363, 377.

⁴⁴⁵ Сенатский архив. Т. IV. СПб., 1891. С. 310, 388.

и собственных видах и резонах, на которых оно основывается, не сообщится». Отсюда следует, что автору мнения принесли проект, готовый вот-вот воплотиться в жизнь. Видимо, до полной реализации проекта оставалось лишь получить одобрение автора мнения, что говорит о его высоком статусе. Однако, эта персона не решилась с ходу одобрить его и предложила следующее: «И того ради я от чистаго сердца желаю, чтоб о таких делах, о которых мое малое мнение потребовано быть может и оныя некоторой важности суть или до новаго учреждения касаются, порядочно в собрании разсуждаемо, о пользе и порядке, каким образом оно налутче в действо произведено быть может, якоже всех к оному принадлежащих обстоятельствах зрело разсмотрено и таким образом согласно решено и постановлено быть могло». Итак, хотя автор и не выступил прямо против этой реформы, он все же предложил повременить с ней. Более того, был предложен фактически иной план реформирования государственного управления: «Мои малыя мнения к тому клонятся, что для скорейшаго и порядочного отправления дел, потребно, чтоб при коллегиях начали их инструкции и порядок разсматривать, и потом потребное прибавлять, а излишнее убавлять. Потому дела и в Сенате учредить можно»⁴⁴⁶.

В качестве одного из возможных претендентов на авторство сенатской реформы можно назвать кабинет-министра М.Г. Головкина. 17 сентября 1741 г. в Сенат был назначен ряд новых членов: кн. М.М. Голицын, кн. Г.А. Урусов, гр. П.С. Салтыков, А.М. Пушкин, кн. Я.П. Шаховской, кн. А.Д. Голицын. Трое из них – М.М. Голицын, П.С. Салтыков и А.М. Пушкин – фигурировали в росписи сенаторов, приложенной к проекту указа. Как известно из мемуаров Шаховского, последний, будучи в непростых отношениях с А.И. Остерманом, был назначен сенатором благодаря Головкину⁴⁴⁷. Если предположить, что такие назначения в Сенат были как-то связаны с предполагаемой

⁴⁴⁶ РГАДА. Ф. 16. Л. 156. Л. 5–6, 7.

⁴⁴⁷ Внутренний быт Русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года, по документам, хранящимся в Московском Архиве Министерства Юстиции. С. 142; Шаховской Я. П. Записки. С. 26.

реформой, то ее авторство можно приписать Головкину. В таком случае работает гипотеза, что время составления проекта – конец августа или начало сентября 1741 г.

Однако в качестве другого автора этой реформы можно предложить Б.-Х. Миниха, который до 3 марта 1741 г. занимал должность первого кабинет-министра. В своих мемуарах он писал, что, кроме Кабинета министров, «Сенат был также разделен на несколько департаментов». Итак, Миних прямо заявил, что он был автором как департаментской реформы кабинета, так и Сената. Конечно, можно предположить, что Миних желал присвоить себе чужие лавры. Тем не менее, некоторые факты позволяют говорить, что его заявление не стоит воспринимать как небезосновательные. Так, в мемуарах он упомянул, что «число сенаторов было увеличено назначением г. Брылкина и других». Здесь старого фельдмаршала явно подводила память: в 1741 г. камергер И.О. Брылкин не был назначен сенатором. Однако, что важно подчеркнуть, Брылкин числился в росписи сенаторов в качестве сенатора в первом департаменте⁴⁴⁸. Таким образом, получается, что Миних неслучайно вспомнил фамилию Брылкина при упоминании несостоявшейся реформы Сената.

Упомянем и следующий факт: 5 января 1741 г. сенатор М.С. Хрущов в собрании Сената объявил, что ему было высказано для сенаторов первым кабинет-министром Б.-Х. Минихом мнение, которое якобы он получил от Анны Леопольдовны. Согласно этому документу, «в сенате г.г. сенаторы дел слушают и решают мало, а как известно, что только слушают инструкцию о полицеймейстерской канцелярии и за тем в делах чинится медление; також де по именным Е.И.В. указам исполнения не чинится дня по четыре и больше»⁴⁴⁹. Такая миниховская критика медлительности и нерасторопности работы общего собрания сенаторов вполне соответствовала логике проекта реформы Сената. Кроме того, роспись сенаторов, приложенная к проекту указа, дает еще один повод предполагать, что автором был именно Миних. Генерал-лейтенант П.С. Салтыков в 1730-е

⁴⁴⁸ Миних Б.-Х. Записки фельдмаршала графа Миниха. С. 80; РГАДА. Ф. 16. Л. 156. Л. 8.

⁴⁴⁹ Сенатский архив. Т. II. СПб., 1889. С. 358.

гг. воевал под командованием Миниха, а четверо из девяти вновь назначаемых сенаторов, как отмечалось выше, были гвардейскими офицерами. Столь существенное пополнение Сената гвардейцами соответствовало как сфере влияния Миниха, так и его желанию повысить исполнительность Сената.

Итак, можно сделать вывод, что автором проекта указа о разделении Сената на экспедиции был Б.-Х. Миних, и, с определенной долей уверенности, датировать составление проекта январем 1741 г. Соответственно, миниховские мемуарные утверждения касательно его авторства этой реформы можно считать справедливым. И с осторожностью можно предположить, что и изменения в Кабинете министров, как и утверждалось в тех же мемуарах, были осуществлены под руководством фельдмаршала.

Однако проект сенатской реформы не был реализован. Скорее всего, это было связано с вмешательством Остермана, который смог отложить его утверждение, мотивировав это необходимостью дополнительного обсуждения. Эта остермановская реакция, скорее всего, была связана с тем, что Миних, подав готовый проект реформирования Сената, в рамках которого последний не только разделялся на экспедиции, а и радикально обновлялся, тем самым стал угрожать влиянию Остермана. Последний мог быть недоволен еще и тем, что Миних не собирался ограничиться лишь реформой Кабинета и Сената: «Моя отставка воспрепятствовала мне устроить все, согласно общему плану, который я себе составил»⁴⁵⁰. Получалось, что у Остермана были все основания не только приостановить реформу, а и способствовать в дальнейшем увольнению самого Миниха. Будучи уволенным указом от 3 марта 1741 г. с поста первого министра, Миних потерял необходимую власть и личный кредит доверия регентши для реализации своей программы преобразований.

Таким образом, в период регентства Анны Леопольдовны двумя выдающимися сановниками постпетровской империи – А.И. Остерманом и Б.-Х. Минихом –

⁴⁵⁰ Миних Б.-Х. Записки фельдмаршала графа Миниха. С. 80.

разрабатывались программы реформирования государственного управления, включая и его высшие органы – Кабинет министров и Сенат. Эти программы подразумевали преобразование этих двух органов примерно на одинаковых основаниях: их следовало разделить на экспедиции/департаменты со строго определенной компетенцией каждого. Направленные таким образом на развитие специализации внутри учреждений, эти реформы являлись логическим продолжением камералистских начал петровских реформ. Однако, руководствуясь не только идеями общего блага, но и личными амбициями, Остерман и Миних оказались конкурентами на ниве «административного предпринимательства» (выражение И.И. Федюкина)⁴⁵¹, из-за чего в итоге вступили в борьбу за возможность реализации своего варианта реформаторского плана. В результате получалось, что их программы оказывались не только развитием петровского государственного строительства, а и инструментами борьбы за влияние. В то же время их взаимные попытки ослабления друг друга привели к общему ослаблению авторитета их обоих в придворных кругах, а начатые было инициативы не способствовали существенному улучшению внутреннего управления. Как представляется, это в том числе стало одной из причин, позволивших совершить переворот 25 ноября 1741 г.

Подводя черту под реформаторскими инициативами Остермана, можно обозначить следующие выводы. Имея расположение императрицы Анны Иоанновны, Остерман смог воплотить в жизнь некоторые из своих идей и устремлений: непосредственное участие в составлении программы внутривластного курса 1 июня 1730 г.; создание Кабинета министров. Следующий «этап» государственных преобразований Остермана пришелся на начало нового царствования – Анны Леопольдовны. Он начался с предоставленного регентше мнения, которое включало в себя программу внутренних преобразований. В том числе в нем содержались рекомендации относительно департаментских реформ. Как

⁴⁵¹ См.: Федюкин И. И. Роль административного предпринимательства в петровских реформах: Навигацкая школа и позднемосковские книжники // Российская история. 2014. № 4. С. 80–101; Федюкин И. И. «Прожектеры» как административные предприниматели: Становление раннеמודерных государственных институтов и индивидуальная инициатива // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М., 2015. С. 13–33.

результат, уже в начале 1731 г. Кабинет министров был разделен на 3 департамента. На сегодня нельзя точно сказать, был ли ее автором Остерман. Несмотря на то, что эти изменения соответствовали его представлениям, тем не менее, реформа была осуществлена и главным после императрицы государственным учреждением. Не был Остерман и автором проекта департаментской реформы Сената. Но он оставил при этом мнение о реформе, в котором саму идею разделения Сената на департаменты поддержал. Департаментская реформа не осуществилась, а переворот 25 ноября 1741 г. перечеркнул все новаторские инициативы Остермана.

3.3. Торгово-промышленная политика

Анне Иоанновне в наследство от предыдущих царствований достались как нерешенные проблемы торговой политики (например, неудовлетворяющий иностранных купцов протекционистский таможенный тариф 1724 г.), так и вопрос о судьбе внушительного металлургического комплекса, принадлежавшего казне. А.И. Остерман, будучи одним из ключевых сановников, ответственных за формирование торгово-промышленной политики во второй половине 1720-х гг., оказался самым непосредственным образом задействован в решении такого рода проблем и вопросов.

Как отмечает Н.В. Козлова, во время отсутствия президента Коммерц-коллегии (П.П. Шафирова) в 1726-1731 г. ею фактически руководил Остерман⁴⁵². Он же возглавил учрежденную в 1727 г. Комиссию о коммерции⁴⁵³. Кроме него в ее состав вошли кн. А.М. Черкасский, Ф.В. Наумов, О.А. Соловьев, И.С. Стрежнев и М. Павлов. Р.И. Козинцева кроме них называла С. Карпова и С.Л. Владиславича-Рагузинского, однако, они не

⁴⁵² Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М., 1999. С. 58.

⁴⁵³ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). С. 39; Козинцева Р.И. От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. // Вопросы генезиса капитализма. Л., 1960. С 185.

являлись ее активными деятелями⁴⁵⁴. Согласно Козловой, Комиссия была создана «для разработки серии мер, направленных на развитие внутренней и внешней торговли и укрепление положения купечества»⁴⁵⁵. В основном, ее работа на начальном этапе была связана с внешней торговлей, а также торговлей казенными товарами⁴⁵⁶. Одна из важнейших задач заключалась в пересмотре внешнеторгового тарифа 1724 г.⁴⁵⁷ Дело в том, что после введения тарифа в действие стали проявляться его слабые места, которые привели к усилению контрабанды. Этим были недовольны как русские купцы, так и иностранные, т.к. их товарам составляли незаконную конкуренцию другие, ввозимые нелегально⁴⁵⁸. Обсуждения начались с 1725 г. (сенатский указ 10 декабря 1725 г.), потом эти вопросы стали обсуждаться в Верховном тайном совете в связи с внешнеполитическими проблемами. Но реальные действия по изменению тарифа начались только с учреждением Комиссии⁴⁵⁹. Проект нового тарифа появился к концу 1729 г., однако из-за смены власти его итоговое обсуждение было отложено⁴⁶⁰. На следующий год в Россию прибыл чрезвычайный посол Нидерландов Даниил Де-Дье. Одна из преследуемых им целей касалась возврата к условиям таможенной пошлины до 1724 г. (то есть до первого таможенного тарифа). Несмотря на его усилия, Остерман не соглашался на предлагаемые им условия. Это стало причиной поиска нидерландским послом других путей возможного решения поставленной задачи. Зная, что тариф будет рассмотрен в Сенате, он обратился к П.И. Ягужинскому, бывшему в то время генерал-прокурором Сената. Ягужинский, в свою очередь, принял его замечания и, по всей видимости, смог обсудить это с императрицей, так как 7 мая он объявил Сенату мнение Анны Иоанновны⁴⁶¹.

⁴⁵⁴Козинцева Р.И. От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. С. 185.

⁴⁵⁵Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). С. 155.

⁴⁵⁶Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). С. 148–149.

⁴⁵⁷Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). С. 155.

⁴⁵⁸Козинцева Р.И. От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. С. 183.

⁴⁵⁹Козинцева Р.И. От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. С. 184–185.

⁴⁶⁰Козинцева Р.И. От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. С. 198.

⁴⁶¹Козинцева Р.И. От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. С. 201.

Эта встреча повлияла на конечный вариант проекта. Изменения, включенные в него, «удовлетворяли многим пожеланиям голландцев, не принятым в свое время во внимание Комиссией»⁴⁶². Таким образом, Остерману как главе Комиссии пришлось пойти на некоторые уступки. Об этом он вспоминал в 1740 г., замечая, что «та комиссия уничтожилась (Комиссия о коммерции – *А.Л.*)... и проектованный тариф остался без действию, да и не мог быть приведен к исполнению в разсуждении случившихся тогда обстоятельств». В связи с этим не без раздражения он заявлял, что «внутренняя чрез то пошлины принесли бы по крайней мере вдвое, если не втрое больше нынешняго, также можно было бы отвратить чрез то разом многия пронырства и весьма облегчить притом внутреннюю торговлю»⁴⁶³.

Несмотря на то, что официально Комиссия существовала и после подписания тарифа, ее активная деятельность продолжалась только до 1732 г. Как раз с этого времени ее глава – А.И. Остерман – полностью уходит в заботы Кабинета министров, являясь его фактическим руководителем в первой половине 1730-х гг.

Логичным продолжением остермановской деятельности в области регулирования торговли стали переговоры по заключению англо-русского торгового договора, которые шли с 1732 г., когда ему был вручен проект договора⁴⁶⁴. Переговоры затянулись, так как целью графа было подписание не только торгового, но и союзнического соглашения. Англия со своей стороны не видела в России сильного союзника, поэтому не решалась брать на себя какие-либо обязательства, кроме торговых. Тогда, «чтобы ускорить дело, Форбес (Форбс, английский представитель по торговым вопросам в России – *А.Л.*), рискуя вызвать неудовольствие со стороны Остермана, приказал перевести проект на немецкий язык и передал его графу Бирону»⁴⁶⁵. Более того, как утверждал А.П. Остроухов, «у представителей Англии возникла мысль начать хлопоты через Бирона о том, чтобы дело

⁴⁶² Козинцева Р.И. От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. С. 213.

⁴⁶³ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 274.

⁴⁶⁴ Курукин И.В. Бирон. С. 151.

⁴⁶⁵ Остроухов П.А. Англо-русский торговый договор 1734 г. СПб., 1914. С. 58; СИРИО. Т. 76. С. 107.

это было изъято из ведения Остермана и передано кому-нибудь другому», но «потом они отказались от своего намерения, не желая создавать себе врага в лице столь влиятельного государственного деятеля, каким был тогда граф Остерман»⁴⁶⁶. Из-за неуступчивости Остермана, английской стороне все же пришлось искать иные пути для заключения договора. Поэтому в 1734 г. ведение переговоров было передано президенту Коммерц-коллегии П.П. Шафирову, который оказался более сговорчивым. Как указывает И.В. Курукин, «Форбс и Рондо решили обратиться к Бирону»⁴⁶⁷, через которого Шафиров был назначен вместо Остермана. В итоге, договор, «невыгодный для русского купечества»⁴⁶⁸, был заключен без посредничества Остермана.

Итак, даже в начале царствования Анны Иоанновны реализации идей Остермана в области торгово-промышленной политики мешало вмешательство в события других лиц. Помимо упоминавшегося ранее П.И. Ягужинского это был и П.П. Шафиров. Согласно наблюдениям Т.А. Базаровой, между Остерманом и Шафировым было профессиональное соперничество. Шафиров возглавлял Коммерц-коллегию в 1725–1726 гг. (в 1726 г. он попал в опалу, но вновь был приглашен ко двору в 1728 г.⁴⁶⁹), позже, вплоть до 1731 г. вместо него пост занимал Остерман. В 1733 г. Шафирову вновь назначили президентом, и на этой должности он оставался до 1736 г.⁴⁷⁰ Кроме Коммерц-коллегии, в которой Остерман заменял его, с 1728 г. Шафиров пытался вернуть себе утраченное влияние в сфере внешней политики, но безрезультатно, так как и там всем управлял Остерман. Однако, после прихода к власти Анны Иоанновны Шафиров начал возвращать утраченное влияние⁴⁷¹, и в 1733 г. Б.-Х. Миних даже «предпринял безуспешную попытку заменить

⁴⁶⁶ Остроухов П.А. Англо-русский торговый договор 1734 г. С. 60-61; СИРИО. Т. 76. С. 158, 162.

⁴⁶⁷ Курукин И.В. Бирон. С. 151.

⁴⁶⁸ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). С. 175.

⁴⁶⁹ Базарова Т.А. Первый российский вице-канцлер П.П. Шафиров: Страницы жизни и деятельности // Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого: В 3 ч. / Изд. подгот. Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина. СПб., 2011. Ч. 1. С. 18.

⁴⁷⁰ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). С. 58.

⁴⁷¹ Базарова Т.А. Первый российский вице-канцлер П.П. Шафиров: Страницы жизни и деятельности. С. 18.

П.П. Шафировым А.И. Остермана»⁴⁷². Так или иначе, Остерман в итоге решил не идти на открытый конфликт, смирившись с тем, что переговоры довершит Шафиров.

Важным вопросом, который поднимался еще с начала 1720-х гг. в правительстве, оставался вопрос возможной приватизации казенных заводов, содержание которых дорого обходилось казне. По этой причине в 1734 г. на Урал был отправлен В.Н. Татищев «для надзирания и размножения заводов горных»⁴⁷³. Отправляя Татищева в Сибирь, Анна Иоанновна приказала ему находиться «токмо под властью Кабинета»⁴⁷⁴. Показательно, что президентом Коммерц-коллегии П.П. Шафировым в сочиненной для Татищева инструкции была предпринята попытка подчинить его собственному ведомству, но она не удалась, и в результате Татищев оказался ответственным лишь перед Кабинетом⁴⁷⁵.

Напомним, что Кабинет министров состоял из трех членов. Постоянными из них были А.И. Остерман и А.М. Черкасский. Место третьего кабинетного министра периодически становилось вакантным, и его занимали разные персоны. Во время описываемых событий (январь 1734 г.) третий кабинетный министр, Г.И. Головкин болел, и поэтому вряд ли мог влиять на принятие того или иного серьезного решения. В итоге Татищев вел переписку по горным делам с двумя министрами – Остерманом и Черкасским⁴⁷⁶. Однако, учитывая тот факт, что Остерман выступал совместно с Черкасским от имени Кабинета министров, именно его мнения достаточно сложно выделить. Если руководствоваться сложившимся представлением о ведущей роли Остермана в Кабинете министров, то можно было бы предположить, что именно он нес по большей части ответственность за высказанные предложения в переписке с Татищевым. Как бы то ни было, наличие двух подписей без обозначения мнения каждого из

⁴⁷² Базарова Т.А. Первый российский вице-канцлер П.П. Шафиров: Страницы жизни и деятельности. С. 18-20.

⁴⁷³ Цит. по: Киселев М.А. Проект горного и заводского Устава В.Н. Татищева: от замысла до реализации // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. №4 (108). С. 38.

⁴⁷⁴ Цит. по: Киселев М.А. Проект горного и заводского Устава В.Н. Татищева: от замысла до реализации. С. 38.

⁴⁷⁵ Киселев М.А. Проект горного и заводского Устава В.Н. Татищева: от замысла до реализации. С. 39.

⁴⁷⁶ См. публикацию некоторых татищевских доношений, адресованных А.И. Остерману и А.М. Черкасскому: Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717–1750. М., 1990. 438 с.

кабинетных министров фактически ставит их на одну плоскость и не позволяет и в этом случае выделить мнение Остермана. Соответственно, для данного этапа достаточно сложно говорить о том, в чем заключалось влияние Остермана на горный вопрос в первой половине 1730-х гг.

Во второй половине царствования Анны Иоанновны ситуация стала меняться, когда первоначальные подсчеты Татищева о казенной прибыли были поставлены под сомнения. Новые попытки решения горного вопроса оказались связаны с прибывшим в 1736 г. горным специалистом из Саксонии Куртом-Александром фон Шембергом, в связи с чем начался новый этап этой истории – этап приватизации. Н.Н. Петрухинцев выделяет в нем 5 хронологических отрезков: март – май 1738 г., июнь 1738 г – 15 февраля 1739 г., февраль – июль 1739 г. (наиболее успешный для Шемберга⁴⁷⁷), август – декабрь 1739 г., январь – октябрь 1740 г.

31 мая 1738 была создана Комиссия по горным заводам⁴⁷⁸. Она просуществовала до 15 февраля 1739 г. Ее участниками были М.Г. Головкин, П.П. Шафиров, А.Б. Куракин, П.И. Мусин-Пушкин⁴⁷⁹. 2 июня указом Анны Иоанновны к ним присоединился Х.-В. фон Миних⁴⁸⁰. Главный вопрос, который ставился перед Комиссией, касался определения будущего заводов: содержать ли их за счет казны или передать частным лицам? 22 марта 1738 г. Шембергом было передано донесение императрице, в котором он излагал мысли по поводу приватизации заводов. По словам Петрухинцева, «Шемберг выдвинул слишком много условий, нарушающих действующее горное законодательство»⁴⁸¹. В своем донесении генерал-берг-директор излагал следующие позиции: 1) требование передачи казенных заводов его семье в вечное и потомственное владение, а также возможность привлечения иностранных компаньонов, с полным освобождением как первых, так и

⁴⁷⁷ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 902.

⁴⁷⁸ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 897, 898, 899, 903.

⁴⁷⁹ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 897; Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. С. 122.

⁴⁸⁰ Киселев М.А. Проблема приватизации казенных металлургических заводов в 20-30-е гг. XVIII в. и К.А. фон Шемберг. Очерк из истории экономической политики Российского государства (в печати). С. 30.

⁴⁸¹ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 894.

вторых от налогов, а также заводов от платежей десятинного налога на 8–10 лет; 2) требование обширных территорий вдоль побережья Белого моря (большую по площади, чем предусматривала Берг-привилегия 1719 г.), а также ряд других кондиций. По словам исследователя, они не просто нарушали горное законодательство, но и «нарушали государственные интересы России и ущемляли права жителей региона»⁴⁸². Комиссия согласилась с необходимостью приватизации, но вместе с тем она не желала удовлетворять все требования Шемберга⁴⁸³.

В результате Анна Иоанновна предписала А.И. Остерману рассмотреть возникшие противоречия между Комиссией и Шембергом. В связи с этим по ее указу в доме Остермана 28 августа и 1 сентября 1738 г. прошли встречи с Б.-Х. Минихом, А.Б. Куракиным и М.Г. Головкиным⁴⁸⁴. На этих встречах обсуждались доклад комиссии от 1 августа 1738 г. и подготовленный комиссией проект публикации (формуляр) условий передачи заводов в частные руки. После ознакомления с мнениями Комиссии и Шемберга, Остерман к 1 сентября составил свое собственное. Оно зафиксировано в журнале Комиссии спустя три дня.

Первым шел пункт относительно возможности допуска к «рудокопным делам» людей, которые относились к Генерал-берг-директориуму. Положительное решение этого вопроса входило в одну из основных задач Шемберга: будучи руководителем Генерал-берг-директориума, он хотел иметь право самому быть участником процесса приватизации. По мнению Н.Н. Петрухинцева, это была явно «коррупционная» схема⁴⁸⁵. Остерман одобрил это условие, объяснив это тем, что «те горные начальники или служители лутчия способы имеют рудокопные свои части производить по горному обыкновению», кроме того, «которые посторонняя» («к директории не принадлежащая»), также «де безопаснее находится будут, как в произвождении того горного строения, так и

⁴⁸² Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 895.

⁴⁸³ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 896, 899.

⁴⁸⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 842.

⁴⁸⁵ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 890.

в получаемой прибыли». В итоге Остерман в целом поддержал позицию Шемберга, хотя и сделал оговорку о необходимости механизма контроля, чтобы не было злоупотреблений со стороны горных служащих⁴⁸⁶.

Один из вопросов он предложи передать на рассмотрение другой инстанции. Так, говоря «об отдаче в передел денежек и полушек заводчикам меди 2 трети, а достальной о употреблении на свои потребности», Остерман рекомендовал рассмотреть это Монетной канцелярии, а не Комиссии⁴⁸⁷.

Отдельный вопрос был посвящен кредитованию, взысканию долгов и конфискации «в случае погрешения». Остерман поддержал в этом вопросе Шемберга «с той отменою», что «вместо того, дабы те долги выплачивать от время до времени» от полученной прибыли, «определить можно, дабы кредитору получить с той части на данныя свои денги капитал с интересом»⁴⁸⁸.

Часть предложений Шемберга граф подверг критике. Например, он отрицательно отозвался о предложении передать право приписывать деревни к заводам Генерал-берг-директориуму. По его мнению, этим должен был заниматься Сенат. Свою позицию Остерман объяснил это тем, что «оной директориум ведать не может, какия и чьи деревни и что тех деревень и крестьян лежит»⁴⁸⁹.

Свое мнение Остерман оставил и по вопросу снабжения производства материальными ресурсами. Говоря о беспошлинном «привоze на заводы съестных и протчих припасов», он указывал на «немалой» ущерб казне и рекомендовал «с тех припасов указную в таможняx пошлину платить» или внести этот пункт «в заключаемыя с заводчиками договоры»⁴⁹⁰. В равной степени ущерб могло принести содержание «горных

⁴⁸⁶РГАДА. Ф 248. Оп. 17. Д. 1507. Л 844.

⁴⁸⁷РГАДА. Ф 248. Оп. 17. Д. 1507. Л 845.

⁴⁸⁸РГАДА. Ф 248. Оп. 17. Д. 1507. Л 846.

⁴⁸⁹РГАДА. Ф 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 846 об.

⁴⁹⁰РГАДА. Ф 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 846 об.

людей» на государственные деньги. Он предлагал «на то употребленные деньги возвращать с заводчиков, кому те люди отдадутся»⁴⁹¹.

Собственная позиция Остермана была в отношении сроков возможности приобретения государственных заводов в частную собственность. В предоставленном Остерману «проекте публикации» содержалась следующая формулировка: «Ежели по сему нашему указу как из наших верных подданных, так и иностранных вышеобъявленные наши в действе уже сущие заводы, так и вновь обысканные рудные и минеральные места кто себе в компанию взять пожелает, тем людям с кондициями своими по предписанному явятся в реченной комиссии, считая с того дня как сей наш указ где опубликован будет от трех до шести недель»⁴⁹². Итак, получалось, что Комиссия должна была рассматривать, прежде всего, предложения заявителей, которые поступили бы в нее в течение шести недель после указа, который объявлял о приватизации заводов и, судя по всему, именно на основании этих предложений провести приватизацию. Остерман предложил увеличить срок подачи заявок до одного года. Связывал он это с тем, что из «чужестранных, а паче от галанцов и англичан, более будет охотников, нежели из российских подданных». Такой возможный интерес со стороны иностранных предпринимателей выводился Остерманом из того факта, что «в других странах» прибыльным считается меньший процент, чем в России⁴⁹³.

В вопросе «о спорном пункте Комиссии с генерал-берг-директором о том, где охочим людям являться, в комиссию ли или в генерал-берг-директориум», т.е. о том, кто именно будет контролировать проведение приватизации, Остерман фактически ушел от ответа, заявив, что это «токмо спор в рангах»⁴⁹⁴.

⁴⁹¹ РГАДА. Ф 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 846 об–847.

⁴⁹² РГАДА. Ф 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 88 об.–89.

⁴⁹³ РГАДА. Ф 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 847.

⁴⁹⁴ РГАДА. Ф 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 845 об.

Н.И. Павленко пришел к выводу, что «Остерман поддержал все предложения Шемберга»⁴⁹⁵. Н.Н. Петрухинцев высказался менее категорично, отмечая, что Остерман таким образом «почти открыто поддержал Шемберга»⁴⁹⁶. После анализа этого мнения мы пришли к несколько иным выводам. Получается, что Остерман поддержал Шемберга лишь по двум пунктам – он согласился с возможностью участия людей из Генерал-берг-директориума в приватизации, а также он придерживался того же мнения, что и Шемберг, в отношении взыскания долгов. На остальные пункты, а их еще 11, Остерман или имел свою позицию или не давал конкретных рекомендаций. Например, он был против того, чтобы Генерал-берг-директориум сам ведал припиской деревень деревни. В столь важном вопросе, куда «охочим людям являться», граф занял нейтральную позицию. Скорее всего, это было связано с тем, что положительный ответ в пользу Комиссии или Генерал-берг-директориума означал в итоге то, кто все-таки сосредоточит власть в руках. Понимая это, Остерман решил избежать ответственности, не высказывая предпочтения ни одной из сторон. Принимая это все во внимание, можно говорить только о частичной поддержке графом Шемберга.

Это «мнение», зафиксированное в журнале 4 сентября, подверглось редакторской правке Остерманом. Этот вариант уже предназначался императрице⁴⁹⁷. Основными вопросами, которые затронул Остерман, были: 1) условия, на которых государство передавало владение заводами частным лицам; 2) взыскание долгов с заводовладельцев; 3) кто должен был приписывать деревни к заводам; 4) вопросы снабжения заводов материальными запасами; 5) сроки, в которые можно было заявить о своем намерении взять государственные заводы в частные руки.

Высказывая свое мнение по первому вопросу, Остерман считал за необходимое обозначить позиции сторон. Итак, Шемберг требовал определить единые условия

⁴⁹⁵ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. С. 124.

⁴⁹⁶ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 901.

⁴⁹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 78–89 об.

передачи государственных заводов в частные руки: «Железных заводах, чтоб генерално на таком основании определены были, по чему Акинфей Демидов с своих железных платит». Генерал-берг-директор мотивировал это тем, что «иностранныя без такого преидущаго объявления о кондициях в сие вступить не похотят»⁴⁹⁸. Комиссия имела противоположное мнение. Она не видела возможности унифицировать условия, так как «оняя заводы все не одного состояния, на одном руда богата и выходная, а на другом оная руда не так прибыльная». По мнению же самого Остермана, определение общих «кондиций», как того хотел Шемберг, могло привести к тому, что казна недополучит возможный доход, т.к. «одни могут обогатиться, для того что руда у них богатая и прибыльная, и работа дешевая, а в казне тож и не болшее будут платит, как те, которых руда не такая богатая». Итогом такой политики могло стать то, что «к первым и богатым заводам охотников будет много, а к малоприбыльным никаких, котория таким образом на казенном иждивении по старому остаться имеет». Поэтому следовало сочинять «кондиции» в зависимости от богатства руд и «других при тех заводах находящихся способностей тому, которой к казенной ползе наилучия кондиции представлять будет». В связи с этим Остерман полагал, что в «манифесте», в котором следовало бы объявить о приватизации, стоило указать, чтобы «охотники явились, и кондиции, на которых кто какой завод принять желает, сами объявили»⁴⁹⁹.

В вопросе о взыскании возможных долгов с частных заводовладельцев Остерман поддержал Шемберга, заявив, что «запотребно о том учинить по представлению генерал берг директора, с тою прибавкою, что дабы те долги выплачивать от времени до времени, от получаемой из должниковой горной части прибыли капитал с интересом»⁵⁰⁰. В рамках этого пункта отдельное внимание было посвящено гарантии прав собственности частным заводовладельцам. Шемберг полагал, что гарантии должны быть следующими: «1. Что принадлежащая кому горная часть в военныя времена у него отнята не будет 2. Что тако ж

⁴⁹⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 80 об.

⁴⁹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 81–81 об.

⁵⁰⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 85.

де она не за какие вины конфискована быть не может, но за наследниками того винного неотъемлемо оставаться имеет». Остерман по этому поводу высказался так: «Сей пункт зависит от единой ЕИВ высочайшей милости, и ежели такая привилегия всемилостивейше дана будет, то она не иначе, как к великому горных дел умножению и к прибавлению охоты служить может»⁵⁰¹. При этом касательно первого пункта из комментариев Шемберга граф отметил необходимость «прибавить, что в военное время, ежели которая часть неприятелскому подданному принадлежит, то хотя она у него для войны не отнята, и по окончании той войны ему, или наследником его действительно возвращена будет, однако ж во время войны прибыль на его долю в казну взята быть имеет, и ежели ЕИВ ... свою милость показать изволит, то написать, что прибыль на его долю в заводческой казне остатся, и по окончании войны вся [прибыль] исправно ему отдана быть имеет»⁵⁰². Таким образом он одобрил необходимость гарантии прав собственности, предложив к рассмотрению императрице решение по прибыли в военное время с заводов, владельцами которых были подданные вражеской стороны.

Актуальным оставался вопрос снабжения рабочей силой через механизм приписывания деревень к заводам. Комиссия высказалась за то, чтобы это решение оставалось за императрицей. Шемберг требовал возложить эту ответственность на Генерал-берг-директориум. Остерман поддержал позицию Комиссии⁵⁰³. Таким образом, если в первоначальном варианте мнения право приписывать деревни предлагалось закрепить за Сенатом, то сейчас оно возлагалось на Анну Иоанновну.

По вопросу о беспошлинном снабжении заводов материальными припасами Остерман, как и прежде, указывал на невыгодность казне беспошлинной доставки «на те заводы всяких съестных и прочих припасов». Однако он все же предлагал компромиссный вариант – заключать договора с заводами, в которых были бы прописаны

⁵⁰¹РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 86.

⁵⁰²РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 86–86 об.

⁵⁰³РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 87 об.

«какия припасы без пошлины на оныя заводы отпущены или не отпущены быть имеют, о том возможно в заключаемя с заводчиками договоры вносить»⁵⁰⁴.

Что касается сроков, в которые можно было заявить о своем намерении взять государственные заводы в частные руки, то Остерман пересмотрел свою позицию, предложив продлить срок вместо года «наивсегда... для всех охотников, которыя ныне и впред в какое ни есть время являться буду»⁵⁰⁵.

Нерешенным оставался вопрос, куда следовало приходиться желающим приобрести заводы – в Комиссию или Генерал-берг-директориум. Как и ранее, Остерман фактически ушел от прямого ответа на этот вопрос, заявив, что «могло б все равно быть, где б оныя ни объявляли, в комиссии ли или в берг-директории, или в другом месте»⁵⁰⁶.

Часть его рекомендаций касалась исключительно формальных сторон составления текста манифеста. Например, граф указывал, что «прилично», а что «неприлично» публиковать в манифесте⁵⁰⁷. Или, к примеру, Остерман заботился об унификации делопроизводства, говоря, что пункты из берг-привилегии, которые останутся в силе, следует поместить в новый нормативный акт, чтобы «одна, а не двойная публикация была учинена»⁵⁰⁸. Это также свидетельствует о нем как о бюрократе, стремившемся к унификации и единообразию делопроизводства, а также выступавшем в качестве специалиста по составлению официальных текстов.

Итак, следует констатировать, что Остерман после 1 сентября счел необходимым скорректировать свою позицию. Так, если по вопросу о приписке деревень Остерман в первом документе предлагал оставлять решение за Сенатом, то во втором – императрицей. Скорректированная позиция было отражена и в отношении периода, во время которого можно было предъявить свое желание о взятии завода. Во втором «мнении» он предложил

⁵⁰⁴ РГАДА. Ф. 248 Оп. 17. Д. 1507. Л. 88.

⁵⁰⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 88 об.

⁵⁰⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 80.

⁵⁰⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 78 об., 81 об., 88.

⁵⁰⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 79 об.

его не ограничиваться какими-либо сроками вообще. При этом он все также неопределенно отзывался о месте, куда стоило обращаться для приобретения завода.

Почему, не будучи непосредственным членом Комиссии, Остерман все же был привлечен к обсуждениям и какую роль он в них исполнял? В данном случае он не выступал от лица Кабинета министров и был, скорее, независимым «экспертом». Возможно, на решение императрицы привлечь Остермана к решению подобных вопросов повлиял факт его руководства Коммерц-коллегией и Комиссией о коммерции, так как он имел опыт в решении социально-экономических вопросов. Он исполнял роль медиатора, который должен был найти компромисс между двумя сторонами – Комиссией с одной стороны, и генерал-берг-директором, т.е. Шембергом – с другой. В итоговом мнении он по некоторым вопросам поддержал Шемберга, но все же явно вырисовывается и его собственная позиция по некоторым спорным пунктам.

Обсуждения вопроса о приватизации казенных металлургических заводов продолжились в следующем году. 9 и 10 февраля 1739 г. члены Комиссии вместе с генерал-берг-директором были призваны в Кабинет для рассуждений над поданным от кабинетных министров доклада. К этому заседанию Остерманом было подготовлено «Всепопданнейшее генеральное рассуждение о горных заводах...»⁵⁰⁹. Одним из самых важных пунктов, на которые рассуждал Остерман, являлся вопрос условий, на которых стоило отдавать частникам заводы.

Этот документ открывался рассуждениями Остермана о разных по своему богатству месторождениях полезных ископаемых: «В начале известно, что минеральные руды во всех местах не одного состояния, и не одной доброты. В одном месте оные весьма богатые, и в достование оных находятся многие удобства... а в других местах руды плохие, и не так богатые и выходные, також де доставаются большими трудами и

⁵⁰⁹ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 1–14 об.

изживениями»⁵¹⁰. Игнорирование факта такого «неравенства» при определении условий приватизации могло привести, по мнению Остермана, к тому, что бедными месторождениями не заинтересуются. Учитывая это, Остерман писал: «Генерално все рудные заводы, богатые и небогатые, издать партикулярным в компанию на такой всем кондиции, чтоб добываемой на всех заводах местах особливо серебро, медь и железо, отдать в казну, за которой им тотчас при отдаче сверх истинной цены во что оной металл со всеми расходами становится, из казны по 12-ти на сто прибыли заплачено быть имеет чрез сей способ с одной стороны... или лучше сказать кампания получает себе знатной и всегда надежной прибыль, без данного труда и без хлопот и понеже сим образом всем как из богатых так и от небогатых заводов прибыль будет равная»⁵¹¹. Благодаря этому можно было надеяться, что «как к богатым, так и к небогатым, охотников будет довольно, и все оные руды без действия не останутся, но паче еще с вящим прилежанием к производству и умножению оных поступать станут»⁵¹². Стараясь заинтересовать своим предложением, он отмечал выгоду казне такой схемы, «ибо все те металлы в казну приходять станут, и паки из казны, как безсумненно уповається, пред другими представленными кондициями с превосходящею казенною прибылью проданы быть могут»⁵¹³. Но, рассуждая далее о богатстве и небогатстве руд и влиянии этого фактора на выдвинутое им предложение, он пришел к выводу, что «сие сумнение не такое важное, чтоб для оногo одного вышеписанной всеподданейшей предложенной способ отставить»⁵¹⁴. Таким образом, он все же предлагал ввести единое условие, которое нужно было исполнять тем, кто приобретал у государства заводы, тем более «все до сего времени найденные руды не такого худаго качества и состояния»⁵¹⁵. А с теми, к кому могли попасть небогатые

⁵¹⁰РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 1.

⁵¹¹РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 4–4 об.

⁵¹²РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 4 об.

⁵¹³РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 5.

⁵¹⁴РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 6 об.

⁵¹⁵РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 7.

месторождения, он предлагал поступить так: «Из богатых прибыль может... наградит»⁵¹⁶. В конце концов, «такой малоприбыльных заводов приходящей метал может в государстве как на казенные, так и на другие народные всякие потребности оставлять и употреблен быть»⁵¹⁷.

Однако на этом Остерман не остановился и предложил довольно оригинальную идею: «Мое всеподданнейшее мнение было б такое, чтоб все те заводы, богатые и небогатые, в одну генеральную компанию отданы были»⁵¹⁸. Он пояснял, что такой компании «надлежит иметь пристойной капитал, как на содержание уже имеющих, так и на строение новых заводов». Для того, чтобы собрать такой капитал, по мнению Остермана, нужно было, чтобы «вся та сумма в доли расписана – а всякой доле цена поставлена будет на пример по 500: или по 1000. Оную долю или часть можно называть акциею»⁵¹⁹. При этом граф разъяснял, что именно с ними надлежит делать: «всякому... толико таких долей взять, сколько ему угодно», благодаря чему «определяемая капитальная сумма сим образом вскоре найдена и собрана быть может»⁵²⁰. Кроме того, эта компания должна быть наделена привилегиями, главной из которых должен стать тот факт, что заводы будут находиться в вечном подчинении у компании и никто не может лишиться своего участия⁵²¹.

Также Остерман советовал, чтобы «все то и прочее к сему учреждению касающиеся подробности» шли через «комиссию и *особливо* (выделено нами – *А.Л.*) чрез генерала берг-директора, которой из таких в других государствах учреждениях горных компаниях совершенное знание имеет»⁵²². Таким образом, он все же предлагал не отдавать контроля над приватизацией только Шембергу, предложив разделить его между Генерал-берг-директориумом и Комиссией. Правда, написав «особливо чрез генерала-берг-директора»,

⁵¹⁶ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 7 об.

⁵¹⁷ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 7 об.

⁵¹⁸ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 8.

⁵¹⁹ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 8 об.

⁵²⁰ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 9.

⁵²¹ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 9–9 об.

⁵²² РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 9 об.

Остерман как бы высказал симпатию последнему. Однако, так или иначе, Комиссия была тоже упомянута.

Отдельно Остерман рассуждал по вопросу, касающемуся приписке к предприятиям деревень – это стало третьим важным пунктом. Он отмечал, что приписка деревень «не везде к казенной прибыли, но более к казенному убытку, и к разорению крестьян и деревень, а больше управителям в пользу происходит»⁵²³. Он видел выход в использовании наемного труда и для подтверждения этого приводил опыт работы в Адмиралтействе, где по его «предложению» использовался труд наемных работников⁵²⁴. Это оказалось выгоднее, нежели использование приписного труда. Поэтому он видел, что «лучше сколько крайне возможно стараться от такой приписки убежать, и потребную работу наемными людьми исправлять»⁵²⁵. Однако, совсем избежать приписки не удастся, и Остерман это понимал. Поэтому «при горных заводах смотря по пропорции к каждому заводу потребнаго числа работников населить из крестьян и других людей сколько где дворов за потребно разсудится и оные при тех заводах вовсе оставить, определяя и отводя им для домашней экономии потребные угодии, от чего сия великая польза произойдет»⁵²⁶. Иностранным мастерам он предлагал даровать привилегии, а поселения основывать в неосвоенных ранее местах⁵²⁷.

Таким образом, в своем «рассуждении» Остерман сосредоточился на нескольких, самых важных вопросах. Как и в предыдущих мнениях, он уделил особое внимание приписке деревень. Пожалуй, это единственный пункт, на который он зафиксировал различные позиции в каждом «мнении». Предлагая в первых двух оставить эту прерогативу сначала за Сенатом, а потом за Анной Иоанновной, в «рассуждении» он сделал большой акцент на необходимости вольнонаемного труда, но не указал, кто, по его мнению, должен был нести ответственность за определение деревень к заводам.

⁵²³РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 12.

⁵²⁴РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 12 об.

⁵²⁵РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 13.

⁵²⁶РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 13 об.

⁵²⁷ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 14.

Говоря о «кондициях» приватизации, Остерман выступил за единые условия для отдачи частным лицам казенных заводов, поддержав в этом отношении позицию Шемберга. В отредактированном мнении для Анны Иоанновны, написанное прежде, он больше склонялся к позиции Комиссии.

Если рассматривать идеи Остермана вне контекста его мотивов, продиктованных, возможно, политической конъюнктурой, то стоит говорить об их новаторстве: он выступал за создание «генеральной» частной компании (фактически, монополии), в руках которой бы оказался весь металлургический комплекс страны. При этом он руководствовался опытом других стран, рассчитывая привлечь частный капитал через акционирование.

В связи с этим следует отметить, что понятие «акция» как «часть капитала акционерной компании и документ, соответствующий доле такого капитала и обуславливающий определенную прибыль» появилась в финансовом лексиконе в России в 1720-е гг.⁵²⁸. Сам термин происходил от немецкого *actie*, поэтому неудивительно, что Остерман мог использовать его в своей речи. «Акция» в финансовой терминологии была известна до использования ее Остерманом, но не являлась общеупотребительной. Сама идея монопольной акционерной компании была достаточно смелой, возможно, поэтому Остерман позже был вынужден отказаться от нее.

Финальные обсуждения спорных вопросов прошли в феврале 1739 г. 15 февраля была распущена Комиссия, окончательный формуляр публикации нормативного акта должен был быть сочинен в Генерал-берг-директориуме. Этим документом стал Берг-регламент, подписанный 3 марта 1739 г. Анной Иоанновной. Рассмотрим влияние основных идей Остермана на его положения (или, наоборот, их игнорирование).

Так, согласно Берг-регламенту, «управители горных дел», т.е. тех, кто составлял Генерал-берг-директориум, включая самого Шемберга, имели право быть теми частными

⁵²⁸Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1 (А–Безпристрастие). Л., 1984. С 140.

лицами, которые могли бы владеть заводами. Это соответствовало первоначальному мнению Остермана. Так же, в преамбуле регламента шла речь о том, чтобы «в казну платить заводчикам с железа подоменно», но при этом «оклад на все заводы положить одинаковый»⁵²⁹. В мнении, сочиненном зимой 1739 г. Остерман как раз предлагал выработать единое условие отдачи металлов в казну⁵³⁰. Кроме того, в регламенте было учтено мнение Остермана касательно обращения с заводами, принадлежавших иностранцам «неприятельской» страны в военное время. Согласно регламенту, «в военное время, ежели которая часть принадлежать будет неприятельскому подданному, то оной у него не отнимать, но прибыль на его долю оставлять в компанейской сумме, и по окончании войны ему ж или наследникам его отдать исправно»⁵³¹.

Отдельным пунктом в Берг-регламенте шла речь о рабочей силе и приписных деревнях. В нем указывалась возможность вольного найма, после чего замечалось, что «ежели кто ... вольных работников достать не возможет..., целыми волостями не приписывать, но по рассмотрению давать по несколько дворов, которые самим заводчикам перевозить и поселять при заводах»⁵³². Такое решение соответствовало «генеральному рассуждению...» Остермана⁵³³, но осталась незафиксированной ответственная за раздачу деревень инстанция.

В то же время не учтены были рекомендации Остермана относительно привоза «горных людей» и снабжения материальными запасами заводов. В первом случае в регламенте говорится: «Привозить в Россию на... казенном коште, а когда оные вышеписанные люди отданы будут заводчикам, то уже содержать оных на их заводчиковом коште, по учиненным с ними договорами». В мнении Анне Иоанновне Остерман указывал, что стоило привозить «не на казенном коште», но «могут такие денги по рассмотрению генерал-берг-директории... в некоторое определяемое время

⁵²⁹ ПСЗ. Т.Х. №7766. С. 734.

⁵³⁰ РГАДА. Ф. 151. Д. 64. Л. 4.

⁵³¹ ПСЗ. Т.Х. №7766. С. 735–736.

⁵³² ПСЗ. Т.Х. №7766. С. 737.

⁵³³ РГАДА. Ф. 151. Д. 64. Л. 13 об.

возвращены быть»⁵³⁴. То же самое можно сказать о беспощинном снабжении заводов припасами. Несмотря на его советы, оно было утверждено⁵³⁵. И, конечно же, идея создания одной «генеральной» частной компании, предложенной Остерманом, была отвергнута.

Кроме того, были неучтены остермановские рекомендации, касавшиеся мотивировочной части законодательного акта. Например, в мнении, предназначенном императрице после совещаний 28 августа – 1 сентября, Остерман указывал: «Те резоны или притчины, чего для казенныя заводы отдаются в компанию, в манифесте изобразить неприлично, ибо когда в манифесте сами признаем, что оныя государству нетоль прибыточны и полезны, то уже партикулярныя великую охоту к принятию оных иметь не могут»⁵³⁶. В регламенте же оказалась записанной следующая формулировка: «Оные казенные наши заводы...нетоль прибыточны и государству нашему полезны, как оныя, которые на иждивении партикулярных людей содержатся»⁵³⁷.

Итак, с сентября 1738 г. по февраль 1739 г. при обсуждении вопросов, связанных с приватизацией казенных заводов, в некоторых случаях Остерман поддерживал Шемберга. Прежде всего, это касалось права сотрудников Генерал-берг-директориума участвовать в приватизации, а также гарантий прав собственности. Возможно, на положительную их оценку Остерманом повлияла придворная конъюнктура: Шемберга поддерживал Бирон. Тем не менее, Остерман далеко не во всех вопросах был готов поддержать генерал-берг-директора. Так, он высказал особую точку зрения по приписке деревень, а контроль над проведением приватизации он предложил разделить между Комиссией и директориумом. В целом же можно говорить о частичном влиянии Остермана на некоторые принципиальные вопросы по регулированию передачи казенных заводов частным лицам,

⁵³⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 88 об.

⁵³⁵ ПСЗ. Т.Х. №7766. С. 737.

⁵³⁶ Ф. 248. Оп. 17. Д. 1507. Л. 78 об.

⁵³⁷ ПСЗ. Т.Х. №7766. С. 734.

что нашло отражение и в Берг-регламенте 1739 г. При этом наиболее его смелая идея – о создании единой акционерной компании-монополиста – была отвергнута.

Обсуждения условий передачи частным лицам казенных заводов публикацией Берг-регламента 3 марта 1739 г. не завершились. В период между 21 ноября по 16 декабря 1739 г. в доме Остермана прошла встреча всех трех кабинетных министров, посвященная этому вопросу. Если верить «конспекту» Остермана, сделанному после этих встреч, императрица «всемиловнейше указала (двум кабинетным министрам, т.е. Волынскому и Черкасскому – *А.Л.*)... дело о горных заводах тогож числа решить»⁵³⁸. Предметом для обсуждения стали данные, предоставленные В.Н. Татищевым о ежегодной прибыли в казну. Главное дело, по мнению графа, состояло в том, «чтоб вывоз онаго из государства умножить и ежегодно прибавить; чем казенные доходы умножатся и притом интерес в разсуждении соседей наших получен будет»⁵³⁹, т.к. «на показанную от тайнаго советника Татищева прибыль» полагаться нельзя⁵⁴⁰. При этом Остерман указал, что «по всемиловнейшему Ея Императорского Величества указу прежде сего подданному всеподданейшем мнении, как о сем, так и о других при сем важном деле являющихся затруднениях обстоятельно размышляя»⁵⁴¹. Под «мнением» Остерман подразумевал ранее проанализированное нами «Всеподданейшее генеральное рассуждение...».

Продолжая обсуждения, кабинетные министры решили рассудить о том, «каким образом горные заводы розданы быть могут»⁵⁴². Тут Остерман вспомнил предлагаемое ранее им предложение о создании одной монопольной («генеральной») компании (эту идею он записал во генеральном рассуждении...»). Однако, регламент не подтвердил это положение. Учитывая это, Остерман писал: «Ежели заводы генеральной компании отданы быть не могут..., то оныя партикулярным (заводчикам – *А.Л.*) и таким образом розданы быть имеют, что понеже положение заводов дозволяет, то б ко всякому хорошем заводу

⁵³⁸ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 15.

⁵³⁹ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 17 об.

⁵⁴⁰ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 17–17 об.

⁵⁴¹ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 18–18 об.

⁵⁴² РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 20.

плохой приобщен был, ибо впрочем плохия или вовсе оставлены будут, или в тягость казне никто оных не возьмет»⁵⁴³. Кабинетные министры «в том.. совершенно согласны», но «думали, что в то ж время потребно кондиции на которых заводы розданы быть имеют, постановить. На это Остерман справедливо отметил, что в регламенте уже этот порядок прописан, и следует руководствоваться его положениями. Однако в этом случае ключевым был вопрос, можно ли «на таких же кондициях» передать заводы в частные руки, «на каких Демидов своими владеет». Позиция Остермана заключалась в том, что «при отдаче заводов сию кондицию к протчим присовокупить возможно»⁵⁴⁴.

По прогнозам Остермана, у промышленного сектора в России были неплохие перспективы. Он был уверен, что экспорт должен составлять «наиглавнейший интерес», и чем больше он будет, тем «вящшая прибыль казне прирастать будет». Согласно его мнению, «ныне уже в государстве столько медной и железной руды сыскано, что ежели в оном ревностно поступиться, то Россия вящшую часть Европы медью и железом довольствоваться может»⁵⁴⁵.

На следующий день кабинетные министры вновь прибыли в дом Остермана вместе с тайным советником В.Н. Татищевым. Сановники договорились сочинить общее мнение, для чего устроить новую встречу в доме Остермана. Однако спустя несколько дней к Остерману пришел кабинет-секретарь и «объявил», что «оба господина кабинетныя министры мнение свое написали». Остерман приказал ему узнать у них, приедут ли они, согласно обещанию, к нему «для заключения сего дела», однако он так ответа не получил⁵⁴⁶. Возможно, по этой причине он и составил конспект совещаний, который, можно предположить, был предназначен для императрицы.

Последний этап приватизации начался с января 1740 г. Как отмечает Н.Н. Петрухинцев, «даже подсчет внушительных казенных потерь не остановил Анну

⁵⁴³РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 20–20 об.

⁵⁴⁴РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 20–20 об.

⁵⁴⁵РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 22

⁵⁴⁶РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 23 об.

Иоанновну и кабинет-министров от решения приватизировать заводы. Это говорит о том, что отнюдь не фискальные мотивы были в данном случае главными – правительство принимало решение исходя из перспективных интересов развития экономики страны»⁵⁴⁷. Зимой 1740 г. был сочинен доклад от Кабинета министров, «исходящий в основе из татищевских предложений, откорректированных, вероятно, А.И. Остерманом»⁵⁴⁸. Впрочем, эти предложения могли быть отредактированы и А.М. Черкасским. Так или иначе, с 21 июля 1740 г. Остерману фактически было предписано «за управлением других положенных на него дел» не заниматься вопросами приватизации казенной металлургии⁵⁴⁹.

Следует отметить, что параллельно с обсуждением судьбы горных заводов Остерман принимал участие и в других важных вопросах, связанных с торгово-промышленной политикой. Летом 1739 г. императрица высказала свое недовольство в сообщении кабинетным министрам: «Хотя при отдаче купцам Шифнеру и Вульф (английские купцы, с которыми с 1738 г. велась торговля сукном – *А.Л.*) казенного железа нам представлено было, что оно железом выше 58 к. пуд продать невозможно, и по оному кабинетному представлению мы тогда ... соизволили оно железом отдать помянутым купцам Шифнеру и Вульф в таком мнении, что чрез ту отдачу никакого казенного убытку не будет, а ныне мы к немалому нашему неудовольствию заподлинно уведомились, что о том железе никакого торгу и публикации не было, как обычайно по указам нашим чинить надлежало, от чего немалой казенной убыток приключится мог, когда б по представлению кабинетскому оно железом у Шифнера и Вулфа осталось»⁵⁵⁰. Кабинетным министрам было велено представить свои мнения по этому поводу. В соответствии с этим Остерманом был подготовлен ответ, который можно датировать концом августа – началом сентября.

⁵⁴⁷ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 913.

⁵⁴⁸ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 914.

⁵⁴⁹ Цит. По: Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). С. 915.

⁵⁵⁰РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1182. Л. 100.

Одним из важных вопросов, о котором писал Остерман, был вопрос экспорта металла – это стало новым стержнем обсуждений дальнейшей приватизации с графом (ранее основной вопрос касался условий передачи заводов частным лицам). Остерман настаивал на его увеличении, так как в этом видел основной источник доходов в казну. Обосновывая свою позицию, он высказал интересные аргументы: «Малое мое мнение в сем деле всегда касалось до умножения заморской продажи, как для казенной великой пользы, так и для другаго немалого государственного интересу, дабы чрез то у соседов железной торг, в котором наивышняя и лутчия их доходы состоят, убавить, и со временем вовсе испортить»⁵⁵¹. По сути, Остерман предлагал стратегию по экономическому ослаблению политических врагов. Более того, он указывал на то, что «оное мое старание не вовсе бесплодно было, понеже тамо не безсклонны привоз швецкого железа в Англию вовсе запретить, ежели из государства Вашего величества железом удовольствованы быть могут»⁵⁵². Это стало известно из получаемых из Англии доношений. Таким образом, «ежели умножением такого заморского отпуску сей до соседов касающейся интерес получен быть может, то мочно оное за важное и весма на предбудущия времена за полезное дело поставить»⁵⁵³. В этом «оправдательном» докладе Остерман подтвердил свое мнение касательно наемного труда и ряда других положений. При этом он указал еще на один мотив, которым следовало руководствоваться в торгово-промышленной политике – это экономическое ослабление внешнеполитических соперников с помощью отвоевания у них части рынков сбыта за счет увеличения российского экспорта.

Кроме того, примерно в это же время шла работа над Уставом о банкротстве. Его проект начал составляться с 1736 г. в Коммерц-коллегии⁵⁵⁴. На его сочинение ушло более, чем три года. Только в 1739 г. Сенат внес проект Устава в Кабинет, который был 13 августа того же года отослан Остерману домой для ознакомления. Изучив его, он дал

⁵⁵¹РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1182. Л. 123 об.

⁵⁵²РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1182. Л. 124.

⁵⁵³РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1182. Л. 124.

⁵⁵⁴См. подробнее: Внутренний быт Русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года. С. 20–21.

следующий ответ: «О банкротах (банкротах) рассмотреть, призвав знающих людей в таких делах, чтоб учинить такой устав, который-бы на все времена мог быть тверд и безпорочен»⁵⁵⁵. Проект был отослан на доработку. На тот момент президентом Коммерц-коллегии был гр. П.И. Мусин-Пушкин. Эта персона интересна тем, что была связана с А.П. Волынским – он пошел по «делу Волынского» как один из его «сообщников»⁵⁵⁶. Новый проект, внесенный в Кабинет, включал в себя 16 пунктов, учитывающих иностранный опыт. Однако, Кабинет его не принял. Остерман приказал привлечь других специалистов (в том числе из Академии наук) и предоставить новый, измененный вариант Устава «который бы на все времена мог быть твёрд и безпорочен как на иноземцев, так и на русских купцов»⁵⁵⁷. В итоге, на доработку ушел год и новый Устав был подписан 15 декабря 1740 г. при новом президенте Коммерц-коллегии – К.-Л. Менгдене, человеке, который отличался лояльностью к Остерману⁵⁵⁸.

На следующий год власть сменилась – после кратковременного правления Бирона престол заняла регентша Анна Леопольдовна. Так как новая царствующая семья была расположена к Остерману, он решил воспользоваться случаем и предоставить правительнице обширное мнение, в котором, в том числе, появились разделы, посвященные торгово-промышленной политике страны.

Уделяя внимание внешней торговле, он рассуждал больше о восточном направлении: «Торговля с Китаем могла бы также много способствовать к умножению доходов, если б оную поставить на хорошей ноге. Учреждение китайской компании могло

⁵⁵⁵СИРИО. Т. 130. С. 127–128..

⁵⁵⁶Курукин И.В. Анна Иоанновна. С. 175. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. С. 252.

⁵⁵⁷ Цит. по: Внутренний быт Русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года по документам, хранящимся в Московском Архиве Министерства Юстиции. С. 20–21.

⁵⁵⁸ Об их лояльности друг к другу говорят следующие факты. При написании обширного мнения Анне Леопольдовне (1740 г.) Остерман благожелательно отзывался о проводимом Менгденом «разделении в порученных ему (Менгдену – А.Л.) коллегиях» (Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 269). Кроме того, он был одним из тех, с кем Остерман считал возможным советоваться по вопросу престолонаследия в 1741 г. (Изложение вин графов: Остермана, Миниха, Головкина и других, сужденных в первые месяцы вступления на престол императрицы Елисаветы. С. 256)

бы, без сомнения, быть наилучшим к тому средством»⁵⁵⁹. Попытки налаживания механизмов торговли с Китаем стали предприниматься уже в 1711 г.⁵⁶⁰ Другой страной, в отношениях с которой Остерман видел перспективу развития выгодных торговых связей, была Турция: «Россия имеет многия произведения, которыя в Турции весьма надобны и могут из России гораздо дешевле туда быть доставляемы, нежели из других мест, например: меха, железо, юфты, холст и другие товары». Более того, «и Россия может из Турции получать гораздо дешевлею ценою все то, что другими народами из тамошних произведений привозится сюда морем. Сей торг можно учредить чрез Черное море, а в Турции находятся не только турецкие, но и греческие, армянские, еврейские и других народов купцы, с которыми оный с пользою производиться будет». Начало торговли Остерман предлагал положить уже в скором времени, так как война закончилась, и после определения границ «тотчас можно сделать пробу и положить твердое основание к оному торгу»⁵⁶¹. Меньше, чем о восточном, Остерман рассуждал о западном направлении торговли. Например, говоря о дубовом дереве для бочек, которыми интересовался в свое время «англичанин»⁵⁶². Кроме того, в качестве экспортного товара он предлагал ружья, так как «здешния ружья (тульские – *А.Л.*) бесспорно делаются крепче, нежели многия чужестранныя, а притом дешевле обходятся»⁵⁶³. Ряд идей были им зафиксировано касательно торговли внутри страны, например, торговли табаком в Сибири, так как «тамошние народы табак любят и меняют на оный с величайшею охотою лучшие свои меха», поэтому «при порядочном разсуждении, конечно, найдутся такая средства, чтоб и чрез табак не мало умножить государственные доходы»⁵⁶⁴.

Говоря о промышленности, Остерман отметил: «Надеяться можно, что от мануфактур и фабрик, для которых потребные материалы в самом государстве находятся,

⁵⁵⁹ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 275.

⁵⁶⁰ Козинцева Р.И. От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. С. 173.

⁵⁶¹ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 275.

⁵⁶² Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 276.

⁵⁶³ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 264.

⁵⁶⁴ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 274.

при хорошем смотреии и управлении знатная польза государству доставлена быть может». Исходя из этого он предлагал «учинить справедливое вспоможение фабрикантам, а отчасти и поощрить их надлежащим образом к исправлению и приведению в совершенство своих фабрик»⁵⁶⁵.

Таким образом, в царствование Анны Иоанновны Остерман неоднократно привлекался как специалист к обсуждениям проблем торгово-промышленной политики. Несмотря на высокую должность, из-за его неуступчивости один из самых важных проектов, над которыми он работал, – таможенный тариф – был составлен с вмешательством посторонних лиц и явно не устраивал Остермана. Когда ему было поручено ведение переговоров по англо-русском торговому договору, из-за проводимого им политического курса, Остерман был в итоге замещен другим специалистом. Он участвовал в обсуждениях приватизационных проектов, связанных с именем Шемберга, во второй половине 30-х гг. XVIII. Однако и тут Остерман был отстранен в 1740 г. от этих дел. Как представляется, эти эпизоды были неслучайны, и их можно объяснить не только проводимым им жестким курсом, преследовавшим государственные интересы. Если посмотреть на тех людей, с кем его связывала служба по торгово-промышленным вопросам, то можно отметить закономерность: на его пути оказывались другие влиятельные сановники и чиновники, такие как П.П. Шафиров, П.И. Ягужинский, А.П. Волынский, К.-А. Шемберг, часть из которых была связана с Бироном. Как результат, несмотря на свои знания, он не смог реализовать все идеи, связанные с торгово-промышленной политикой страны. Конечно, после устранения Бирона такая возможность появилась при Анне Леопольдовне (и он высказал свои идеи в обширном мнении), однако на смену старым политическим конкурентам пришли новые (Б.-Х. Миних и М.Г. Головкин).

⁵⁶⁵ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году. С. 276.

Заключение

Традиционно в историографии имя графа Андрея Ивановича Остермана связывалось с международной политикой. Кроме того, его имя часто звучало в контексте изучения деятельности Кабинета министров или сюжетов, связанных с придворной борьбой. Тем не менее, отсутствие комплексного анализа его внутривнутриполитической деятельности привели к складыванию историографических штампов, главным из которых стало утверждение его перманентной руководящей роли в Кабинете министров, что, в свою очередь, подразумевало и его ведущую роль в определении внутривнутриполитического курса Российского государства в 1730-1741 гг.

Проведенная нами работа с источниками и специализированными исследованиями позволяет произвести переоценку роли А.И. Остермана в политической и государственной жизни страны. Оказав поддержку Анне Иоанновне во время кризиса междуцарствия 1730 г., Остерман вошел в ее ближний круг, став одним из ключевых неформальных советников по вопросам политики, включая и определение внутривнутриполитического курса. Об этом говорит тот факт, что в первые годы царствования она прислушивалась к нему по самым щепетильным вопросам, включая формирование нового правительства и выбор супруга для Анны Леопольдовны (в браке которых должен был родиться будущий наследник). Как результат, Остерман получил возможность для воплощения некоторых своих идей в жизнь: составление именных указов, которые легли в основу внутривнутриполитической «программы» 1 июня 1730 г., продвижение идеи о «департаментизации» государственных учреждений, составление манифеста 1731 г. о престолонаследии, создание Кабинета Министров. Кроме того, будучи к началу 1730-х гг. фактическим руководителем Коммерц-коллегии и председателем Комиссии о коммерции,

а также сенатором одного из новообразованных департаментов, ответственного за торгово-промышленную политику, он был организатором и одним из авторов таможенного тарифа 1731 г.

В целом, идеи, предлагаемые Остерманом в сочиняемых им проектах, основывались на понимании человеческой природы, руководимой страстями, что соответствовало идеям нововременного естественного права, под влиянием которого находился Остерман. Кроме того, в его внутривластной деятельности присутствовало стремление к внедрению строгой специализации, что являло собой фактическое развитие камералистских идей.

Заняв пост кабинет-министра, он поддерживал свое влияние на императрицу, имея практически постоянный доступ к ней и регулярно докладывая о текущих государственных делах. Тем не менее, уже с начала 1730-х гг. его влияние как неформального советника царствующей персоны начинает постепенно убывать, что не в последнюю очередь было связано с ростом влияния Бирона во всех областях политики Российского государства. В итоге это приводит к тому, что влияние Остермана уменьшилось даже в Кабинете министров, где оно было уравновешено ставленниками Бирона (Ягужинским, Волынским, Бестужевым-Рюминым). Все это усложнялось ухудшением здоровья Остермана, который с весны 1736 г. не посещал собраний министров, а также фактически потерял возможность личного общения с императрицей. Это привело к невозможности для него полноценно реализовать идеи, относящиеся к реформированию внутривластной системы. Тем не менее, это не означало, что он перестал быть ценным чиновником. Он постепенно превратился в «чернорабочего», который тянул на себе множество дел, связанных с повседневным управлением империи. Его ценили как исполнительного и профессионального чиновника – бюрократа, способного решать бесконечные ежедневные проблемы государственного управления. Диапазон его компетенции был достаточно широк: финансы, кадровые передвижения, армия, флот, торговля, промышленность, церковь, судебные дела. Соответственно, его

нередко привлекали в качестве компетентного специалиста по разным вопросам. Хотя, как показала ситуация вокруг приватизации металлургических заводов конца 1730-х XVIII в., к его мнению далеко не всегда готовы были прислушиваться.

После смерти Анны Иоанновны, а затем свержения регента Бирона Остерман, пользуясь расположением Анны Леопольдовны, представил ей целостную программу реформирования всего государственного управления. Кроме того, он принял деятельное участие в попытках решить кризис престолонаследия, руководствуясь Уставом о престолонаследии 1722 г., который он определял как фундаментальный закон империи. Главной его целью стало поддержание правового регулирования механизмов передачи власти, которая гарантировала бы стабильность престолонаследия и, как следствие, стабильность политической жизни общества.

Однако, доверие регента к Остерману было далеко не безгранично: Анна Леопольдовна оказывала поддержку и иным сановникам, которые были конкурентами Остермана. В итоге остермановская программа оказалась не только развитием петровского государственного строительства, но и инструментом борьбы за влияние. Придворная борьба вновь привела к ослаблению авторитета Остермана, а начатые было инициативы не способствовали существенному улучшению внутреннего управления. Как представляется, это в том числе стало одной из причин, позволивших совершить переворот 25 ноября 1741 г., в результате которого и прекратилась внутривластная деятельность Остермана.

Дальнейшее изучение внутривластной деятельности Остермана можно проводить в более широких хронологических рамках, так как он имел возможность оказывать влияние на внутреннюю политику России с 20-х гг. XVIII в. Ввиду этого представляется перспективным реконструировать его внутривластную деятельность с середины 1720-х гг. Кроме того, потенциальный интерес представляет изучение взаимосвязи внутривластной деятельности Остермана с проводимым им параллельно

внешнеполитическим курсом, принимая во внимание его политику на национальных окраинах, а также некоторые проводимые им мероприятия в армии и на флоте.

Список использованных источников и исследований

1. Источники.

1.1. Опубликованные источники.

1.1.1. Законодательные акты.

1. 3534. – 28 февраля 1720 г. Генеральный регламент // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Типография 2 Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830 (далее – ПСЗ). Т. VI. С. 141–160.
2. 3893. – 5 февраля 1722 г. Устав о наследии престола // ПСЗ. Т. VI. С. 496–497.
3. 5070. – 7 мая 1727 г. Манифест о кончине императрицы Екатерины I и о восшествии на престол Императора Петра II // ПСЗ. Т. VII. С. 788–791.
4. 5570. – 1 июня 1730 г. О разделении Сената на департаменты и о назначении каждому департаменту особого рода дел // ПСЗ. Т. VIII. С. 285–286.
5. 5571. – 1 июня 1730 г. Об учреждении комиссии для рассмотрения состояния армии, артиллерии и фортификации и исправления оных // ПСЗ. Т. VIII. С. 286–289.
6. 5625. – 2 октября 1730 г. Манифест о назначении при Сенате генерал-прокурора // ПСЗ. Т. VIII. С. 326–327.
7. 5821. – 2 августа 1731 г. О сборе пошлин и о новых распоряжениях по таможням, по случаю вновь изданного тарифа // ПСЗ. Т. VIII. С. 526–528.
8. 5860. – 8 октября 1731 г. О соединении Берг-коллегии и Мануфактур-Канторы с Коммерц-Коллегией и о разделении дел на три экспедиции // ПСЗ. Т. VIII. С. 549–550.

9. 5871. – 10 ноября 1731 г. Об учреждении при дворе Ея Императорского Величества Кабинета // ПСЗ. Т. VIII. С. 552.
 10. 5909. – 17 декабря 1731 г. Манифест об учинении присяги в верности наследнику Всероссийского престола, который от Ея Императорского Величества будет назначен // ПСЗ. Т. VIII. С. 601–603.
 11. 6745. – 9 июня 1735 г. О принятии за именной указ только подписанный императорскою рукою или тремя Кабинет-министрами // ПСЗ. Т. IX. С. 529.
 12. 7339. – 1 августа 1737 г. О праве заложенного несколькими лицам недвижимого имущества с тем, чья закладная старше // ПСЗ. Т. С. 229–233.
 13. 7766. – 3 марта 1739 г. Берг-регламент // ПСЗ. Т. X. С. 734–739.
 14. 8262. – 23 октября 1740 г. Манифест о поступании в управление всяких государственных дел по регламентам, уставам и прочим определениям и учреждениям // ПСЗ. Т. XI. С. 276–277.
 15. 8300. – 15 декабря 1740 г. Устав о банкротах // ПСЗ. Т. XI. С. 310–320.
 16. 8326. – 28 января 1741 г. О разделении вступающих в Кабинет дел между Кабинет-министрами, и о порядке производства оных // ПСЗ. Т. XI. С. 358–359.
 17. Манифест Иоанна III и копия с сочиненного Бестужевым-Рюминым завещания императрицы Анны о регентстве Бирона // Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. – СПб.: Типография Иосифата Огризко, 1862. С. 622–628.
 18. Манифест, сочиненный Остерманом о назначении принца Иоанна наследником престола // Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб.: Типография Иосифата Огризко, 1862. С. 619–622.
- 1.1.2. Делопроизводственные документы.

1. Архив Правительствующего Сената. Т. I. Опись именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого. 1704–1725 / Сост. П. Баранов. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1872. – 202 с.
2. Записка для памяти графа Андрея Ивановича Остермана // Архив князя Воронцова. Кн. 24. – М.: Университетская типография (М. Катков), 1880. С. 1–5.
3. Изложение вин графов: Остермана, Миниха, Головкина и других, сужденных в первые месяцы вступления на престол императрицы Елисаветы // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1872. Т. IX. С. 222–331.
4. Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году, сообщено им же, с заметкою А.К. // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов. Т. III. – СПб.: Тип. Майкова, 1873. С. 256–277.
5. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящейся в С-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. II. 1725–1740 / Сост. П. Баранов. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1875. – 989 с.
6. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящейся в С-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. III. 1740–1762 / Сост. П. Баранов. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1878. – 513 с.
7. Перевод с записки графа А. Остермана о переговорах, веденных с графом М. Головкиным и другими лицами об утверждении наследования российским престолом в потомстве принцессы брауншвейг-люксембургской Анны Леопольдовны, 1741 года // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. IX. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1872. С. 154–160.

8. Проект к Морской академии и принадлежащей ко оной школе (1730-е) // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. – М.: Новое издательство, 2015. С. 191–209.
9. Сборник императорского русского исторического общества. Т. 104. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 1. (1731–1732 гг.). – СПб.: Тип. К. Матисена, 1897 (далее – СИРИО). – 684 с.
10. Сенатский архив. Журналы и определения Правительствующего Сената за июнь, июль, август и сентябрь 1741 г. Т. IV. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1891. – 715 с.
11. Сенатский архив. Журналы и определения Правительствующего Сената. Т. II. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1889. – 647 с.
12. СИРИО. Т. 106. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 2. (1733 г.). – СПб.: Тип. К. Матисена, 1899. – 716 с.
13. СИРИО. Т. 108. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 3. (1734 г.). – СПб.: Тип. К. Матисена, 1900. – 622 с.
14. СИРИО. Т. 111. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 4. (1735 г.). – СПб.: Тип. К. Матисена, 1901. – 580 с.
15. СИРИО. Т. 114. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 5. (1736 г.). – СПб.: Тип. К. Матисена, 1902. – 752 с.
16. СИРИО. Т. 117. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 6. (1737 г.). – СПб.: Тип. К. Матисена, 1904. – 850 с.
17. СИРИО. Т. 120. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 7. (1738 г.). – СПб.: Тип. К. Матисена, 1905. – 584 с.
18. СИРИО. Т. 124. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 8. (1738 г.). – СПб.: Тип. К. Матисена, 1906. – 590 с.

19. СИРИО. Т. 126. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 9. (1739 г.). – СПб.: Тип. К. Матисена, 1907. – 666 с.
20. СИРИО. Т. 130. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 10. (1739 г.). – СПб.: Тип. К. Матисена, 1909. – 768 с.
21. СИРИО. Т. 138. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 11. (1740 г.). – СПб.: Тип. К. Матисена, 1912. – 628 с.
22. СИРИО. Т. 146. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 12. (1740 г.). – СПб.: Тип. К. Матисена, 1915. – 628 с.

1.1.3. Мемуары.

1. *Motifs de la disgrâce d'Ernest-Jean de Biron, duc de Courlande // Magazin für die neue Historie und Geographic, angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. 1775. IX. P. 381–398.*
2. Бирон Э. И. *Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского // Время. 1861. Т. 6, № 12. Декабрь. С. 522–542.*
3. Манштейн Х. *Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны. – М.: Фонда Сергея Дубова, 1997. С. 9–272.*
4. Миних Б.-Х. *Записки фельдмаршала графа Миниха. – СПб.: Тип. Безобразова и комп., 1874. – 434 с.*
5. Миних Б.-Х. *Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 273–318.*
6. Миних Э. *Записки графа Эрнста Миниха // Перевороты и войны. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 19–410.*
7. *Неизвестный автор. Замечания на «Записки о России генерала Манштейна» // Перевороты и войны. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 411–488.*
8. Неплюев И. И. *Записки // Империя после Петра 1726–1765. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 385–448.*

9. Соймонов Ф. И. Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. – М.: Государственный Исторический музей, 2014. – 536 с.
10. Шаховской Я. П. Записки // Империя после Петра 1725–1765. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 9–224.

1.1.4. Дешети иностранных дипломатов.

1. Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных дешет французского посольства в Петербурге. – СПб.: Типография Иосифата Огризко, 1862. – 667 с.
2. СИРИО. Т. 5. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1870. – 529 с.
3. СИРИО. Т. 66. Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1728 года по 1733 год. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1889. – 706 с.
4. СИРИО. Т. 76. Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1733 года по 1736 год. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1891. – 622 с.
5. СИРИО. Т. 85. Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1740 года по 3 марта 1741 год. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1893. – 562 с.
6. СИРИО. Т. 91. Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 7 марта 1741 г. по 16 июля 1742 г. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1894. – 554 с.
7. События 1730 (Извлечение из дешет французских резидентов в Москве) // Памятники новой русской истории. – СПб., 1871. Т. 1. С. 361–378.

1.2. Неопубликованные источники.

- 1.2.1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО, г. Екатеринбург)

1. Ф. 24. Оп. 1. Д. 278.

1.2.2. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ, г. Санкт-Петербург)

Ф. 417 «Главный морской штаб»

1. Оп. 1. Д. 854.

1.2.3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА, г. Москва)

Ф. 3 «Дела, относящиеся до внутренней и внешней политики России»

1. Оп. 1. Д. 8.

Ф. 6 «Уголовные дела по государственным преступлениям»

1. Оп. 1. Д. 304.

2. Оп. 1. Д. 323.

Ф. 11 «Переписка разных лиц XVII–XIX вв.»

1. Д. 393

Ф. 16 «Внутреннее управление»

1. Д. 156.

2. Д. 159.

3. Д. 225.

Ф. 19 «Финансы»

1. Д. 215.

Ф. 21 «Дела морского ведомства»

1. Оп. Д. 45.

Ф. 151 «Дела о горных промыслах и заводах в России»

1. Оп. 1. Д. 64.

Ф. 248 «Сенат и его учреждения»

1. Оп. 17. Д. 1081

2. Оп. 17. Д. 1142.

3. Оп. 17. Д. 1182.

4. Оп. 17. Д. 1196.

5. Оп. 17. Д. 1507.

1.2.4. Российский государственный исторический архив (РГИА, г. Санкт-Петербург)

Ф. 468 «Кабинет Его Императорского Величества»

1. Оп. 1. Д. 3866.

Ф. 1329 «Именные указы и “Высочайшие” повеления Сенату (коллекция)»

1. Оп. 3. Д. 59.

2. Оп. 3. Д. 63.

3. Оп. 3. Д. 72.

4. Оп. 3. Д. 85.

5. Оп. 3. Д. 96.

6. Оп. 3. Д. 106.

7. Оп. 3. Д. 140.

1.2.5. Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (СПФ АРАН, г. Санкт-Петербург)

Ф. 3 «Канцелярия Академии наук»

1. Оп. 1. Д. 841.

2. Исследования.

1. Анисимов Е. В. Иван VI Антонович. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 347 с.
2. Анисимов Е. В. Россия без Петра I, 1725—1740. – СПб.: Лениздат, 1994. – 496 с.
3. Анисимов Е. В. Самодержавие XVIII века: право править без права // Нестор: ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Технология власти (источники, исследования, историография). 2005. № 1. С. 200–207.

4. Б**. Краткое описание жизни графа А. И. Остермана // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. II. № 4. С. 27–51.
5. Базарова Т. А. Первый российский вице-канцлер П. П. Шафиров: Страницы жизни и деятельности // Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого: В 3 ч. / Изд. подгот. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина. – СПб.: Мирь, 2011. Ч. 1. С. 5–34.
6. Бантыш-Каменский Д. Н. Деяния великих полководцев и министров Петра Великого. – М.: Тип. Н. С. Всевожского, 1813. Т. 2. – 361 с.
7. Бантыш-Каменский Д. Н. Остерман Генрих Иоганн Фридрих // Словарь достопамятных людей русской земли. Кн. 4. М.: В Тип. Лазаревых, 1836. С. 53–85.
8. Бондаренко В. Н. Очерки финансовой политики Кабинета министров Анны Иоанновны. – М.: Печ. А. Снегиревой, 1913. – 390 с.
9. Бугров К. Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. – 272 с.
10. Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. университета, Университетское изд-во, 2016. – 480 с.
11. Бюшинг А. Ф. Основательно исследованные изысканные причины перемен правления в доме Романова // Архив князя Воронцова. Кн. XXV. – М.: Университетская типография (М. Катков), 1882. С. 1–50.
12. Вагнер И. Ф. Остерман – немец при дворе российских императоров. Картина жизни и поиски следов // Немец у российского трона. Граф Андрей Иванович Остерман и его время: (Альбом-каталог выставки). – М.: [б/и], 2001. С. 19–39.
13. Внутренний быт Русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года, по документам, хранящимся в Московском Архиве Министерства

- Юстиции. Кн. 2. Высшие государственные учреждения. – М.: Типография Л. Ф. Снегирева, 1886. – 452 с.
14. Голицын П. Первый век Сената. – СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1910. – 206 с.
 15. Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. II. Органы надзора. Чрезвычайные и временные областные учреждения. Развитие мысли о преобразовании областного управления. Упразднение учреждений 1727 г. – М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1941. – 308 с.
 16. Градовский А. [Д.] Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. – СПб.: Типография Ивана Бочкарева, 1866. – 304 с.
 17. Долгоруков П. В. Граф Андрей Иванович Остерман. – СПб.: [б/и], 1841. – 93 с.
 18. История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. Т. 1. – СПб.: Сенатская типография, 1911. – 736 с.
 19. История через личность: Историческая биография сегодня. – М.: Квадрига, 2010. – 720 с.
 20. Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. – М.: НЛО, 1999. – 326 с.
 21. Киселев М. А. Казус Д. В. Волкова: «Подьячие» на вершинах власти в Российской империи XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 3. С. 42–52.
 22. Киселев М. А. Проблема прав и обязанностей российского дворянства в Уложенной комиссии на рубеже 1750-х и 1760-х гг.: к истории Манифеста о вольности дворянской // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 30–39.
 23. Киселев М. А. Проблема приватизации казенных металлургических заводов в 20–30-е гг. XVIII в. и К. А. фон Шемберг. Очерк из истории экономической политики Российского государства (в печати). С. 1–58.

24. Киселев М. А. Проект горного и заводского Устава В. Н. Татищева: от замысла до реализации // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. №4 (108). С. 38–50.
25. Козинцева Р. И. От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. // Вопросы генезиса капитализма. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1960. С. 182–216.
26. Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. – М.: Археографический центр, 1999. – 384 с.
27. Корепанов Н. С. Геннин на Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. – 279 с.
28. Курукин И. В. Анна Иоанновна. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 430 с.
29. Курукин И. В. Анна Леопольдовна. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 302 с.
30. Курукин И. В. Артемий Волынский. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 448 с.
31. Курукин И. В. Бирон. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 426 с.
32. Курукин И. В. Дворцовый переворот 1741 года: причины, «технология», уроки // Отечественная история. 1997. №5. С. 3–23.
33. Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. – Рязань: [б/и], 2003. – 590 с.
34. Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. – М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. – 280 с.
35. Лазарев Я. А. Проект экономических преобразований на Гетманской Украине генерала И. Б. Вейсбаха 1733 г. // Славянский альманах 2016. Вып. 3–4. – М.: Индрик, 2016. С. 56–78.
36. Левин Л. И. Ученый и дипломат Христиан Фридрих Гросс по письмам и документам // Немцы в России: российско-немецкий диалог. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 16–21.

37. Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. 1725–1740. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. – 378 с.
38. Малиновский А. Граф А. И. Остерман // Биографические сведения о управлявших в России иностранными делами министрах. – М., 1816 (ОР РГБ Ф. 256. Д. 266). С. 91–120.
39. Наумов В. П. Мемуары русских государственных и военных деятелей послепетровского времени // Империя после Петра 1726–1765. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 449–472.
40. Наумов В. П. Послепетровская эпоха глазами российских немцев // Перевороты и войны. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 489–504.
41. Омельченко О. А. Становление законодательного регулирования престолонаследия в Российской империи // Фемис. Ежегодник истории права и правоведения. 2006. – М.: МГИУ, 2007. Вып. 7. С. 15–54.
42. Остерман А. И. // Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд-е. – СПб.: Тип. Общества распространения полезных книг, [б.г.]. Т. 30. С. 692–693.
43. Остроухов П. А. Англо-русский торговый договор 1734 г.: очерк по истории русской торговой политики. СПб.: Изд-во С.-Петербургского Политехнического института Имп. Петра Великого, 1914. – 204 с.
44. Павленко Н. И. Граф Остерман. – М.: РГ-Пресс, 2018. – 192 с.
45. Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: Промышленная политика и управление. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 540 с.
46. Петров П. Н. Составитель «Замечания на Записки Манштейна о России» // Записки Манштейна о России 1724–1744 гг. Замечания на них графа Петра Ивановича Панина. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1879. С. 102–112.

47. Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). – М.: РОССПЭН, 2014. – 1063 с.
48. Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735. – СПб.: Алетейя, 2001. – 351 с.
49. Полиевктов М. А. Остерман Андрей Иванович // Русский биографический словарь. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. Т. 12. С. 405–417.
50. Польской С. В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. – М.: НЛЮ, 2012. Т. 1. С. 94–150.
51. Рожков В. И. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии. (Материалы к истории горного промысла в России в царствование Анны Ивановны) // Горный журнал. 1885. Т. II. Апрель. С. 119–141; Т. II. Май. С. 243–301; Т. II. Июнь. С. 435–466; Т. III. Июль. С. 101–140.
52. Рудаков Е. В. Остерман А. И. // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб.: Семеновская Типо-Литография (А. И. Ефрона), 1897. Т. XXII. С. 336.
53. Рычаловский Е. Е. Кабинет-министр А. И. Остерман и Вторая Камчатская экспедиция // *Under Vitus Bering's Command. New Perspectives on the Russian Kamchatka Expedition* / P. U. Moller, N. A Okhotina Lind (eds.). – Aarhus: Aarhus univ. press, cop. 2003. С. 63–82.
54. Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: опыт исторической реконструкции. – Екатеринбург: Изд-во Урал. университета, 2012. – 549 с.

55. Сафронова А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.: к 330-летию со дня рождения – Екатеринбург: Издательство Урал. университета, 2016. – 319 с.
56. Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. – Екатеринбург: Изд-во Урал. университета, 2014. – 334 с.
57. Серов Д. О. Администрация Петра I. – М.: ОГИ, 2007. – 288 с.
58. Сидякина А. Б. «Записки о России» Х. Г. Манштейна как источник по истории деятельности Э. И. Бирона // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. Вып. 1. С. 188–197.
59. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1 (А–Безпристрастие). – Л.: Наука, 1984. – 224 с.
60. Соколов А. П. Генерал-адмирал граф А. И. Остерман // Морской сборник, издаваемый Морским ученым комитетом. 1857. Т. XXX. № 8. Отд. 4. С. 130–141.
61. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. XXI–XXV. – СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1895–1896. – 782 с.
62. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 19–20. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 780 с.
63. Столяров О. Д. Внутриполитическая деятельность А. И. Остермана в период правления Анны Иоанновны // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – Самара, 2011. № 7 (88). С. 45–48.
64. Строев В. П. Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики императрицы Анны. Ч. 1. – М.; Тип. Императорского Московского Университета, 1909. – 212 с.

65. Строев В. П. Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики императрицы Анны. Ч. 2. Вып. 1. – М.: Тип. Императорской Академии наук, 1910. – 89 с.
66. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. – М.: Наука, 1991. – 286 с.
67. Терещенко А. В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Канцлеры. Ч. II. – СПб.: Тип. вдовы Байковой, 1837. – 358 с.
68. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. – М.: Наука, 1974. – 395 с.
69. Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. – М.: Наука, 1966. – 273 с.
70. Тыртов Е. П. Жизнь и творчество графа Андрея Ивановича Остермана, министра Петра Великого. – М.: в Тип. у Ф. Любия, 1809. (РГАДА. ОРИ русские. 3393. Л. 1–24).
71. Федюкин И. И. «Прожекторы» как административные предприниматели: Становление раннемодерных государственных институтов и индивидуальная инициатива // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. – М.: Новое издательство, 2015. С. 13–33.
72. Федюкин И. И. Граф А. И. Остерман и проект реформирования Морской академии // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России первой половине XVIII века. – М.: Новое издательство, 2015. С. 176–218.
73. Федюкин И. И. Роль административного предпринимательства в петровских реформах: Навигацкая школа и позднемосковские книжники // Российская история. 2014. № 4. С. 80–101.

74. Федюкин И. И. «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского. – М.: Древлехранилище, 2014. С. 83–142.
75. Фейгина С. А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – 545 с.
76. Филиппов А. Неизданный текст записки, представленной императрице Елизавете Петровне бывшим герцогом Эрнестом-Иоганном Бироном // Журнал министерства народного просвещения.. Ч. СССХХХХVII. Июнь, 1903. С. 322–349.
77. Хиршман А. О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. – М.: Изд-во института Гайдара, 2012. – 195 с.
78. Шанский Д. Н. К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. (20-е – 60-е годы) // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 119–136.
79. Шредер Ф. А. Граф Андрей Иванович Остерман // Гений времен. – СПб., 1808. № 65, 83, 84, 85.
80. Шубинский С. Н. Граф Андрей Иванович Остерман. 1686–1746. Биографический очерк. – СПб.: Тип. В. Спиридонова и К⁰, 1863. – 75 с.
81. Ein Deutscher am Zarenhof: Heinrich Graf Ostermann und seine Zeit 1687–1747. – Essen: Klartext Verlag, 2001. – 328 s.
82. Fedyukin I. From Passions to Ambitions: Human Nature and Governance from Peter I to the Emancipation of the Nobility // The Europeanized Elite in Russia, 1762–1825. – Northern Illinois University Press, 2016. P. 2–22.
83. Le Donne J. P. The Eighteenth-century Russian Nobility: Bureaucracy or Ruling Class? // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1993. Vol. XXXIV (1–2), janvier-juin. P. 139–147.

84. Lipski A. A Re-Examination of the «Dark Era» of Anna Ioannovna // *American Slavic and East European Review*. Vol. 15, No. 4 (Dec., 1956). P. 477–488.
85. Lipski A. Some Aspects of Russia's Westernization during the Reign of Anna Ioannovna, 1730–1740 // *American Slavic and East European Review*. Vol. 18, No. 1 (Feb., 1959). P. 1–11.
86. Russell E. M. Law, Succession, and the Eighteenth-Century Refounding of the Romanov Dynastya // *Dubitando: studies in history and culture in honor of Donald Ostrowski*. – Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2012. P. 225–242.
87. Thompson M. P. The History of Fundamental Law in Political Thought from the French Wars of Religion to the American Revolution // *The American Historical review*. 1986. Vol. 91, No. 5. P. 1103–1128.

Приложения

№ 1

М. Г. Головкин

**Проект указа Кабинету министров от имени Анны Леопольдовны
об организации совещания по вопросам престолонаследия (вторая
редакция)⁵⁶⁶**

1 ноября 1741 г.

(Л. 23) Секретной указ нашему Кабинету.

По сему созвать вам в Кабинет наш генералов фелт-маршалов графов фон Миниха и фон Лессиа, из духовных архиереев Новгородскаго и Псковскаго, да из полных генералов Чернышева, Ушакова, Левашова, адмирала графа Головина, генерала-прокурора князя Никиту Трубецкого. И, объявля им нижеследующее, иметь вам по сему общее рассуждение.

Надеяся на вашу многопоказанную к Российской империи продолжающую и верную службу нижеследующее вам любезноверным объявляю, что по неотступному прошению как от вас, так и от всех наших верных подданных приняла я правление всея России, пока (л. 23 об.) сын мой и государь в совершенныя лета и в возраст придет, на таком же основании, как блаженныя памяти тетка моя государыня императрица Анна Иоанновна бывшему регенту духовною своею определить изволила.

А понеже во оной написано (чего Боже сохрани): 1. Ежели блаженным соизволением оной любезной наш внук благоверный и великий князь Иоанн прежде

⁵⁶⁶ Документ не подписан. Авторство установлено на основании допросов М.Г. Головкина. См.: Изложение вин графов... С. 238.

возраста своего и не оставя по себе законно рожденных наследников преставится, в таком случае принять российской престол брату его, а моему второму сыну, а чтоб: 1) в небытность сыновей моих им дочерей моих наследовать, 2) в небытность как сына, так и дочери моих мне ли быть, пока Господь наследием мною всей Российской империи наградит, (л. 24) 3) и только ли те, которыя от сего супружества наследники, того не изьяснено.

2. Чтоб ему регенту в небытность моих сыновей вольно обще с Кабинетом с сенатом и с генералитетом, кого сукцессора похотят, избрать и утвердить.

Того ради сим повелеваем вам, любезноверным, о сем подумать. И чего по оной духовной по предписанному не достает, взяв, в зрелейшее рассуждение о впредь случатися могущих приключениях: 1) как пристойнее чему быть; 2) как то в сей Империи узаконить; 3) как то в действо произвести, о том письменно и заруча нам представить, дабы разныя нечаянныя случаи предусмотрены и предупреждены были во удовольствие и во успокоение как всему Российскому государству, так и нам.

Ноября 1 дня 1741

РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 23–24 об.

№ 2

А. И. Остерман

Мнение о престолонаследии, адресованное Анне Леопольдовне

4 ноября 1741 г.⁵⁶⁷

⁵⁶⁷ Мнение А. И. Остермана было написано на немецком (см.: РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8 Л. 33–34 об.). Документ представляет собой перевод, современный событиям конца 1741 г. Возможно, он был предназначен для других участников совещаний 2–4 ноября 1741 г., или же сделан во время следствия над Остерманом. Документ не датирован и не подписан. Авторство и время составления установлено на основании анализа записок А. И. Остермана о совещаниях, проходивших в его доме 2–4 ноября 1741 г. См.: РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8 Л. 28–37.

(Л. 38) На вчерашнем съезде определено только то, чтоб дело оное принять в обстоятельнейшее и прилежнейшее рассуждение, а того подлинно не объявлено, что в прилежное рассуждение принять довольно. Я того желал для того, чтоб к скорейшему произведению сего дела в действие мог я тотчас объявить мое малое рассуждение, а особливо что к тому нет никакой причины, для чего бы мнения своего не сообщить другому, да то к порядочному и основательнейшему учреждению кажется еще и необходимо.

Сие дело само по себе в России весьма ново и не необыкновенно. По силе здешних государственных установлений, основательных законов, и обыкновений приходит наследство до принцесс и само по себе, когда не бывает принцов. (Л. 38 об.) Так содержано было сие в России и всегда; по учиненному от Петра Великого блаженные и вечно достойныя памяти и от всех государственных чинов присягами подтвержденному узаконению зависит то всегда от воли владеющего самодержавного государя такое определение о наследстве учинить, какое он по своей самодержавной власти заблагоразсудит. А ваше императорское высочество императорским именем с такою же самодержавною властью и силою государство правите, какая приличествует владеющему императору.

Сие намеряемое новое учреждение не может не подтверждено быть и от его императорскаго величества, когда он придет в надлежащая лета возраста, для того что оно учинено в пользу принцесс сестр Его Величества.

(Л. 39) От сего малаго рассуждения само собою оказывается, и при том мое, хотя слабое, но верное и з должнотию согласующеся мнение состоит в сем: чтоб нашему дражайшему императору и раждаемым от вашего императорскаго высочества принцам, братьям его величества (которых много да дарует нам всемогущий Бог), утвержденное наследство новым по самодержавной власти утверждаемым учреждением и на раждаемых от вашего императорскаго высочества принцесс сестр его величества распространено, и

сие бы учреждение по здешнему обыкновению как от духовных, так и от светских чинов подписано и потом присягами утверждено, и таким образом важное сие дело вдруг к совершенству приведено было.

В сем вкратце состоит по малому моему мнению все то, что при сем деле (л. 39 об.) учинить надобно и что нам четверем обще и прежде всех сделать должно, ибо ежели сие дело единогласно и без всех особых намерений предпринято не будет, а захочет всяк делать по-своему, то можно легко разсудить, что от того больше продолжения, нежели скорого исполнения ожидать можно.

РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 38–39 об.

№ 3

М. Г. Головкин, архиепископ Амвросий

Мнение о престолонаследии, адресованное Анне Леопольдовне⁵⁶⁸

4 ноября 1741 г.

(Л. 19) Разсуждение преосвященного Амвросия архиепископа Новгородскаго и вице-канцлера графа Головкина

Не соизволите ли Ваше Императорское Высочество назначить собрание, кого имянно, и тому собранию письменно объявить.

(1) Что 5 числа октября прошлаго 1740 года блаженные и вечно достойныя памяти государыня императрица Анна Иоанновна, вашего императорскаго высочества вселюбезнаго сына, а нашего всемилостивейшаго государя императора Иоанна Антоновича наследником Российской империи в народе публикованным манифестом, определить изволила.

⁵⁶⁸ Здесь публикуется «беловой» вариант Мнения. В архивном деле также находится черновой вариант. Основное отличие состоит в том, что в беловой вариант не вошли следующие строки: «А когда оное собрание свое доношение со мнением внесет, тогда надобно оное представить наибольшему собранию до обер-офицера, а потом и всему государству надобно в том присягнуть». См.: РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 18.

(л. 19 об.) (2) А 18 числа октября происком Бирена учинена духовная, по которой определен он был регентом. Но понеже он и по оной всякия наглыя неустройствы и непотребствы чинил, того ради по прошению всех верных подданных взят под арест ноября 8 дня. А того ж месяца 9 числа, как духовные, так министры, генералитет и все верные подданные упросили ваше императорское высочество, чтоб вашему императорскому высочеству принять правление Всероссийской империи на таковом же основании и в такой же власти и силе, как ему, Бирену, в духовной предписано было.

(3) А понеже как в манифесте (л. 20) от 5 октября 1740 года о наследстве, так и в духовной только о принцах, раждаемых от вашего императорскаго высочества изображено, а о принцесах, от вашего императорскаго высочества раждаемых, ничего не упомянуто, также, от чего Боже сохрани, ежели у вашего императорскаго высочества как мужеска, так и женска полу случитца не будет, то вашему императорскому высочеству быть о том *не изъяснено*, и для того⁵⁶⁹ о всем вышеписанном оному собранию надлежит разсудить и, письмянно заруча, подать вашему императорскому высочеству доношение, дабы разные нечаянные случаи предусмотрены и предупреждены были во удовольствие и во успокоение как всему Российскому государству, так и вашему императорскому высочеству.

Ноября 4 дня 1741 года

РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 19–20.

№ 4

М. Г. Головкин

Мнение о престолонаследии, адресованное Анне Леопольдовне

Октябрь–ноябрь 1741 г.⁵⁷⁰

⁵⁶⁹ Вставка на поле слева.

⁵⁷⁰ Документ не подписан и не датирован. Авторство и время установлено на основании допросов М.Г. Головкина: Изложение вин графов... С. 246.

(Л. 21) О известном деле представление.

1. По указу блаженныя и вечнодостоинныя памяти ея императорскаго величества государыни императрицы Анны Иоанновны в 1731-м году была присяга в том, что кого ея императорское величество по данной ей от Бога самодержавной императорской власти в наследники российского престола избрать изволила, тому и быть, и по оной как их высочества благоверные государыни царевны родные сестры ея императорскаго величества и благоверная государыня цесаревна Елисавет Петровна, так и все подданные Российскаго государства вышние и нижние чины присягали.
2. А в 1740-м году октября 5 дня опубликованным манифестом в законные наследники российского престола удостоен внук ея императорскаго величества ныне щастливо **(л. 21 об.)** владеющий всемилостивейший наш государь император Иоанн Антонович, и в то время, как высочайшие родители его императорскаго величества, так и благоверная государыня цесаревна Елисавет Петровна и все подданные по тому ж присягали.
3. Того ж 1740-го года 18-го числа октября осталась духовная ея императорскаго величества блаженныя и вечно достойная памяти, по которой его императорское величество наш всемилостивейший государь державу всероссийской империи получил.
4. Как по манифесту о наследстве октября от 5-го дня 1740-го года, так и по духовной изображено, что принцы, раждаемые от ея императорскаго высочества государыни великой княгини и правительницы всея России, один за одним Российской империи наследники, а о принцессах умолчано. А в случае чего, Боже сохрани, дана власть бывшему регенту собрать Кабинет, Сенат и генералитет, **(л. 22)** которым обще избрать сукцессора и утвердить. А понеже, хотя бы, чего Боже сохрани, принцов когда и не случилось, то должны российские верные подданные дожидатца принца от ея императорскаго высочества государыни великой княгини, а не вновь кого избирать. И

того ради по вышеписанному, хотя б, чего Боже сохрани, когда принцов и не случилось, собрание таковое собирать неприлично.

5. А чтоб в таком случае, ежели его императорскаго величества не станет, чего Боже сохрани, не пришла Российская империя в неведомое и в болезненное состояние, того ради слабейшее мое мнение представляю: буде паче чаяния, чего Боже сохрани, когда государя не будет, то в таком случае, для спокойства и заблаговременного удовольствия всей Российской империи ныне узаконить под присягою, (л. **22 об.**) чтоб ея императорское высочество государыня великая княгиня и правительница всея России тогда была императрицею. И посему кажется, все сумнительствы, которые впредь произойти могут, пресекутся.

РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 21–22 об.